

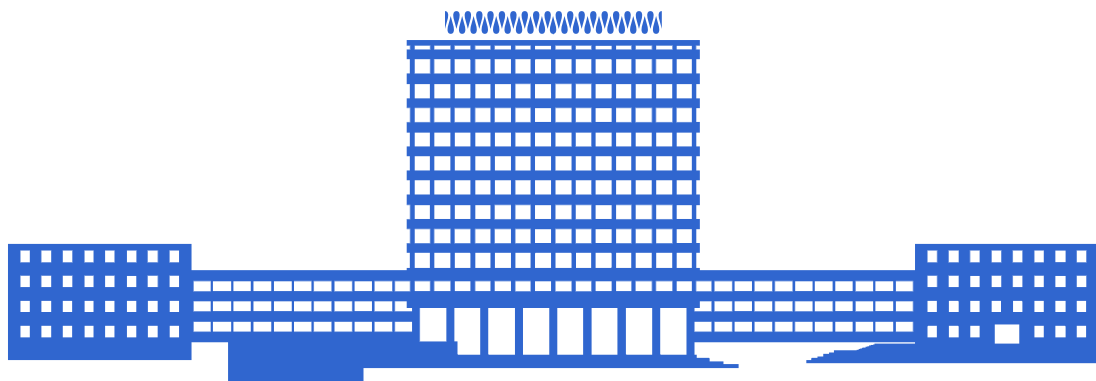
ISSN 2415-8720

ДОНЕЦКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

**STUDIA
GERMANICA, ROMANICA
ET COMPARATISTICA**

Том 19 Выпуск 4 (62) 2023

ДОНЕЦК

Studia Germanica, Romanica et Comparatistica: научный журнал / отв. ред.
В. Д. Калиущенко. – Донецк: ДонГУ, 2023. – Т. 19. – Вып. 4 (62). – 157 с.

*Печатается по решению Учёного совета
федерального государственного бюджетного образовательного учреждения
высшего образования «Донецкий государственный университет»
Протокол № 12 от 31 декабря 2023 г.*

В журнале освещаются актуальные проблемы германистики, романистики, типологической и сопоставительной лингвистики, общей теории языка, теории перевода в высшей школе.

Рекомендуется для научных работников, преподавателей, аспирантов, студентов высших учебных заведений.

Журнал входит в перечень рецензируемых научных изданий ВАК РФ, в которых должны быть опубликованы основные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук (Постановление Правительства Российской Федерации от 18.03.2023 г. № 115).

Журнал включён в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ): лицензионный договор № 85-02/2016 от 24.02.2016 г.

Основатель и издатель: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Донецкий государственный университет».

*Адрес редколлегии: 283001 Донецк, ул. Университетская, 24
тел.: +7 (856) 302 09 22*

ISSN 2415-8720

**ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«ДОНЕЦКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»
ФАКУЛЬТЕТ ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ**

STUDIA GERMANICA, ROMANICA ET COMPARATISTICA

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Выходит четыре раза в год

Том 19 Выпуск 4 (62) 2023

Редакционная коллегия

д. филол. наук, проф. В. Д. Калиущенко (главный редактор);
д. филол. наук, проф. О. Л. Бессонова (зам. главного редактора);
к. филол. наук, доц. Э. Р. Брагина (ответственный секретарь);
д. филол. наук, проф. А. В. Алфёров; д. филол. наук, проф. Ш. Р. Басыров;
д. филол. наук, доц. Э. С. Ветрова; д. филол. наук, проф. Н. А. Ганина;
д. филол. наук, доц. А. Г. Голодов; д. филол. наук, проф. В. И. Карасик;
д. филол. наук, проф. С. М. Кравцов; д. филол. наук, доц. С. Е. Кремзикова;
д. филол. наук, проф. А. Э. Левицкий; д. филол. наук, проф. А. В. Ленец;
д. филол. наук, проф. С. Г. Николаев; д. филол. наук, доц. Т. Н. Никульшина;
д. филол. наук, проф. М. В. Пименова; д. филол. наук, проф. В. И. Теркулов;
д. филол. наук, проф. З. А. Харитончик; д. филол. наук, доц. Л. Н. Ягупова

Донецк ДонГУ 2023

**FEDERAL STATE EDUCATIONAL INSTITUTION
OF HIGHER EDUCATION «DONETSK STATE UNIVERSITY»
FACULTY OF FOREIGN LANGUAGES**

***STUDIA GERMANICA, ROMANICA
ET COMPARATISTICA***

LINGUISTIC JOURNAL

Published 4 times a year

Volume 19 Issue 4 (62) 2023

Editorial Board

Doctor of Philology, Prof. V. D. Kaliuščenko (editor-in-chief);

Doctor of Philology, Prof. O. L. Bessonova (vice-editor-in-chief);

Candidate of Philology, Associate Prof. E. R. Bragina (executive secretary);

Doctor of Philology, Prof. A. V. Alferov; Doctor of Philology, Prof. Sh. R. Basyrov;

Doctor of Philology, Associate Prof. E. S. Vetrova; Doctor of Philology, Prof. N. A. Ganina;

Doctor of Philology, Associate Prof. A. G. Golodov; Doctor of Philology,

Prof. V. I. Karasik; Doctor of Philology, Prof. S. M. Kravtsov; Doctor of Philology,

Associate Prof. S. E. Kremzikova; Doctor of Philology, Prof. A. E. Levitskiy;

Doctor of Philology, Prof. A. V. Lenets; Doctor of Philology, Prof. S. G. Nikolaev;

Doctor of Philology, Associate Prof. T. N. Nikulshina; Doctor of Philology,

Prof. M. V. Pimenova; Doctor of Philology, Prof. V. I. Terkulov; Doctor of Philology,

Prof. Z. A. Kharitonchik; Doctor of Philology, Associate Prof. L. N. Yagupova

Donetsk DonSU 2023

СОДЕРЖАНИЕ

Studia Germanica, Romanica et Comparatistica Т. 19, Вып. 4 (62), 2023

Германские языки

- Аленикова О. А.* Актуальные тенденции в выражении женского гендера в современном немецком языке..... 5
- Белова В. Ф., Лебеденко Г. А.* Сопоставление функционала изобразительных средств в художественном и публицистическом стилях (на материале немецкого языка)..... 15
- Милетова Е. В.* Специфика репрезентации метафоры в текстах англоязычных проповедей XIX-XXI вв..... 29
- Осокова А. С.* Диминутивные и аугментативные наименования лица по признаку трудовой деятельности в английском языке..... 41
- Фатьянова И. В.* Особенности функционирования оценочной лексики в американском политическом дискурсе XX – начала XXI веков (на материале публичных выступлений президентов)..... 50
- Штырова В. Э.* Функционирование заглавий-композигов как смысловых компрессивов в художественном тексте..... 63

Романские языки

- Глоба Т. Н.* Структурно-коммуникативные особенности построения французского диалога..... 78

Теория языка

- Кулева А. С.* Незаметная диахрония: о названиях растений в современном русском языке 90

Типологические и сопоставительные исследования

- Борюшова И. Ю.* Особенности речевой дискредитации в заголовочном комплексе на английском и русском языках..... 99
- Дроздов В. А.* Диминутивные наименования лица в карибских креолях на англоязычной основе..... 111
- Лукашова И. В.* Семантические пути становления терминологии бизнеса и менеджмента в английском и русском языках..... 123
- Растарасова Е. К.* Семантические роли конверсивных рефлексивных конструкций..... 139

CONTENTS

Studia Germanica, Romanica et Comparatistica Vol. 19, Issue 4 (62), 2023

Studies in Germanic Languages

<i>Alenikova O. A.</i> Current Trends in the Expression of Female Gender in Modern German.....	5
<i>Belova V. F., Lebedenko G. A.</i> Comparative Research of Figures of Speech and Expressive Means in the Belles-Lettres and Journalistic Styles (Based on German).....	15
<i>Miletova E. V.</i> The Specifics of Metaphor Representation in the English Texts of Sermons of the XIX-XXI Centuries.....	29
<i>Ososkova A. S.</i> English Diminutive and Augmentative Designations of Person by Labour...	41
<i>Fatyanova I. V.</i> Peculiarities of Linguistic Means of Evaluation Functioning in American Political Discourse of the XX th – Beginning of the XXI st Centuries.....	50
<i>Shtyrova V. E.</i> Functioning of Title Composites as Semantic Compressions of Fictional Text....	63

Studies in Romance Languages

<i>Globa T. N.</i> Structural and Communicative Features of French Dialogue Constructing.....	78
---	----

Theory of Language

<i>Kuleva A. S.</i> Diachrony Unnoticed: on Plant Names in Modern Russian.....	90
--	----

Typological and Contrastive Studies

<i>Boryushova I. Yu.</i> Peculiarities of Verbal Discrediting in the Headline Complex in English and Russian.....	99
<i>Drozdo V. A.</i> Diminutive Names of Persons in English-Based Caribbean Creoles.....	111
<i>Lukashova I. V.</i> Semantic Ways of Business and Management Terminology Formation in English and Russian.....	123
<i>Rastarasova E. K.</i> Semantic Roles of Conversive Reflective Constructions.....	139

ГЕРМАНСКИЕ ЯЗЫКИ

УДК 811.112.2

© 2023 О. А. Аленикова

АКТУАЛЬНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ В ВЫРАЖЕНИИ ЖЕНСКОГО ГЕНДЕРА В СОВРЕМЕННОМ НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ

Статья посвящена обзору текущих тенденций в сфере антропономинаций в современном немецком языке, в частности в сфере номинации лиц женского пола. Дается анализ актуальных способов лингвистического выражения женского гендера в грамматическом и лексическом аспекте.

Ключевые слова: гендер, антропономинации, феминитивы, грамматический род, гендерно-нейтральная лексика.

© 2023 O. A. Alenikova

CURRENT TRENDS IN THE EXPRESSION OF FEMALE GENDER IN MODERN GERMAN

The article is devoted to an overview of current trends in the field of anthroponomination in modern German, in particular in the field of female nomination. The analysis of actual ways of linguistic expression of female gender in grammatical and lexical aspect is provided.

Key words: gender, anthroponominations, feminitives, grammatical category of gender, gender-neutral lexics.

В современной отечественной и зарубежной лингвистике наблюдается возрастающий интерес к изучению роли гендерного фактора в коммуникации, что обусловлено социокультурными изменениями, отраженными в языке. Системное изучение взаимодействия языка и гендера началось на Западе в 1970-х годах. В рамках зарождающегося направления гендерной лингвистики изучалась, в первую очередь, гендерная специфика речи (то есть, различия в речевом поведении мужчин и женщин), но также исследователей интересовала и репрезентация мужского и женского в системе языка [Авакова, 2014]. К последнему относятся антропономинации. Особый интерес для нас представляют способы номинации лиц женского пола. Игнорирование гендерного аспекта в лингвистических исследованиях представляется неоправданным ввиду очевидного изменения положения женщины в обществе, все более возрастающей ее роли в самых разных сферах деятельности. Данная статья носит обзорный характер и посвящена анализу антропономинаций с точки зрения грамматического и лексического аспекта. Целью статьи является анализ современных тенденций выражения феминного гендера в языке. Материалом исследования послужили словари и справочная литература,

публикации отечественных и зарубежных германистов, а также постановления и рекомендации в сфере соблюдения гендерного равенства в немецком языке.

Основным в гендерной лингвистике является понятие гендера. В русскоязычной научной литературе дается следующее определение гендера. Гендер – это культурная и социальная конструкция, совокупность социальных и культурных норм, которые общество предписывает выполнять людям в зависимости от их биологического пола [Аберкромби, Тернер, Хилл, 2004]. Гендер связан с биологией и детерминируется ею, однако понятие гендера не тождественно понятию пола. Гендер обладает некоторой автономностью от биологического пола человека [Гендер, 2003]. Несмотря на разграничение понятий «пол» и «гендер», рассматривать их необходимо во взаимосвязи, так как биологические различия лежат в основе социальных. Пол «социально конструируется» (англ. *doing gender*) [Гриценко, 2005]. При этом необходимо подчеркнуть, что социальный пол – не индивидуальная характеристика, описывающая определенного человека, а устоявшаяся система представлений о поле в сфере общественных отношений [Кирилина, Томская, 2005].

В немецкоязычной терминологии понятие «*Geschlecht*» не является полностью синонимичным заимствованному из английского термину «*Gender*», т. к. последний представляется более емким [Аскярова, Белова, 2021]. Англоязычный термин *gender* используется не только для обозначения социальных или биологических различий между мужчинами и женщинами, но также переводится на русский язык как «грамматический род» [Oxford Learner's Dictionaries, 2023]. Следовательно, гендер может рассматриваться в качестве лингвистической категории [Пермякова, 2007]. Как отмечает А. А. Миннигалева, в немецком языке антропообозначения представляют собой триаду понятий «гендер», «пол», «грамматический род» [Миннигалева, 2021].

Немецкий язык имеет три грамматических рода. Это мужской, женский и средний род. Как отмечает советский германист В. Г. Адмони, грамматический род одушевленных существительных, а именно антропообозначений, напрямую связан с биологическим полом человека. Учитывая биологическую детерминированность гендера, для номинации человека в подавляющем большинстве случаев используются существительные женского или мужского рода соответственно. Исключение составляют некоторые наиболее употребительные слова для обозначения человека как мужского, так и женского пола, семантически являющиеся полоиндефинитными и представленные любым из трех грамматических родов (*der Mensch, das Kind, die Person*), и обозначения женщин, представленные существительными среднего рода (*das Weib, das Mädchen*)

[Адмони, 1986]. Необходимо обратить внимание, что номинации женщин в среднем роде зачастую имеют уничижительное значение, их использование преследует цель оскорбить называемую женщину (например, *das Ding, das Mensch (Pl. Menscher)*).

Однако следует отметить, что немецкий язык относится к языкам андроцентричным. Андроцентризм означает, что мышление, чувства и действия человека не полоиндифферентны, не гендерно-нейтральны. В культуре стран, языку которых присущ андроцентризм, на первый план выходят мужчины, в то время как жизненная ситуация и опыт женщин не принимаются во внимание. Другими словами, субъект мужского пола – парадигма человека. Это подтверждает, например, немецкое неопределенно-личное местоимение «*man*», созвучное с существительным *der Mann* (и ‘человек’, и ‘мужчина’). Андроцентричный язык ориентирован на мужчину, он фиксирует картину мира с мужской точки зрения и от лица мужского субъекта. Маскулинное выступает как позитивное, первостепенное и общечеловеческое, феминное зачастую как уничижительное, второстепенное и частное [Саркисян, 2014]. Женское в языке обычно нивелируется или уничтожается. Это проявляется в гендерной асимметрии в языке, то есть в неравномерной представленности в языке единиц, связанных с номинацией лиц разного пола. В андроцентричном языке мужской род используется по умолчанию как для обозначения лиц мужского пола, так и для обобщений, для обозначения разнополых групп и лиц, чей пол неизвестен или не важен в данном контексте; в некоторых случаях также намеренно для обозначения лиц женского пола, например, при обозначении профессий или иного рода деятельности. Применение мужского обозначения к референту-женщине не просто допустимо, но и повышает ее статус. Таким образом, действует принцип «включенности» лиц любого пола в грамматический мужской род. Более того, согласование на синтаксическом уровне происходит не по биологическому полу референта, а по форме грамматического рода соответствующей части речи [Федотова, Кулик, 2016].

В немецком языке мужской грамматический род, используемый в качестве общего и гендерно-нейтрального, обозначается таким термином, как *generisches Maskulinum*. Подчеркивая полоиндифферентный характер множества немецких антропономинаций, представленных мужским грамматическим родом, современный немецкий лингвист Eckhard Meineke предлагает вместо понятия «*generisches Maskulinum*» описывать мужской род (*das Maskulinum*) как *genderneutral* или *geschlechtsübergreifend*. В своей книге «*Studien zum genderneutralen Maskulinum*» Майнеке (здесь и далее – транслитерация моя – О. А.) подчеркивает, что существительные мужского рода не обязательно указывают на мужской пол референта. Так, например, наименование *die Dänen* указывает на жителей Дании

(*alle Einwohner Dänemarks*), независимо от пола, и включает в себя как мужчин, так и женщин. Это справедливо и для обозначения профессий на *-er*, например, *der Lehrer*, образованное от глагола *lehren*, указывает на любое обучающее лицо (*jeder, der lehrt*) и, по мнению Майнеке, также не содержит в своем лексическом значении семы, указывающей на мужчину или маскулинность. Не имеют данной семы, по Майнеке, и другие названия профессий, не являющиеся отглагольными: «*Tanja arbeitet als Polygraf*». Однако автор отмечает, что такие слова могут указывать на мужчину в некоторых контекстах, что безошибочно распознается носителем языка. В таких случаях эти единицы имеют два лексических значения, в оригинале *eine unspezifische und eine geschlechtsspezifische*, которые мы предлагаем понимать как неспецифическое и гендерно-маркированное. Исследователь пишет, что, используя такое языковое средство, как «гендерно-нейтральный мужской род» в отношении женщин, говорящий не вкладывает в свое сообщение никаких ассоциаций с маскулинностью, и потому мужской род является оптимальным вариантом для номинации лица женского пола, успешно функционирующим в немецком языке на протяжении многих веков. Указание на женский пол референта с помощью категории грамматического рода признается лингвистом избыточным. В аргументации своей позиции Майнеке ссылается также на постановление Верховного суда Германии: «*Grammatisch männliche Personenbezeichnungen können nach dem allgemeinen Sprachgebrauch und Sprachverständnis auch Personen umfassen, deren natürliches Geschlecht nicht männlich ist ... Substantive können sich unabhängig von ihrem weiblichen, männlichen oder neutralen Genus auf Personen jedes natürlichen Geschlechts beziehen*» ‘В соответствии с общепринятым языковым обычаем и пониманием языка, обозначения лиц в мужском грамматическом роде могут также включать лиц, чей биологический пол не является мужским ... Существительные могут относиться к лицам любого биологического пола, независимо от того, представлены ли эти существительные женским, мужским или средним грамматическим родом’ (здесь и далее – перевод мой О. А.).

В данной статье мы считаем необходимым отметить, что Майнеке не поддерживает ни общепринятую в гендерных исследованиях дихотомию «пол – гендер», ни трихотомию «пол – гендер – грамматический род». Он предлагает собственную классификацию, называя четыре уровня лексического значения в гендерной лингвистике. Это биологический пол, актуальные общественные представления о гендерных ролях, семантический род (маркеры значения в языковом знаке) и грамматический род. Таким образом, Майнеке вводит такой новый элемент, как семантический род, проявляющийся имплицитно.

Обосновывая допустимость и даже предпочтительность номинации женщин в мужском роде, Майнеке указывает на несоответствие в количестве реально существующих биологических полов (2) и описывающих их в немецком языке родов (3). Исследователь подчеркивает, что существительные среднего рода, такие как *das Mädchen*, считаются адресатом как указатель на феминность и в достаточной степени репрезентуют женское в языке. Если смысловому выражению феминности не препятствует «нейтральный» средний род, то и род мужской не привязан к мужскому полу, считает немецкий лингвист [Meineke, 2023].

Однако использование мужского рода для обозначения женщины на сегодняшний день не рассматривается как единственно правильное. Представители течения феминизма заявляют о необходимости языковой репрезентации женщин, о недопустимости того, чтобы женщины «скрывались» за «мужским» термином, и тем самым снижалась видимость и значимость женщин в какой бы то ни было сфере деятельности. Устранение гендерной асимметрии с помощью языковой репрезентации феминного осуществляется через активное использование феминитивов. Феминитивы, или феминативы – это существительные женского рода, образованные от однокоренных существительных мужского рода и являющиеся альтернативными или парными аналогичным «мужским» понятиям (маскулятивам) [Баданина, 2017]. Обычно феминитивы обозначают профессию или иной вид деятельности, социальный статус, место жительства. Многие феминитивы не кодифицированы в словарях, однако их значение понятно носителям языка. Феминитивы свойственны любому языку, в котором присутствует грамматическая категория рода. Анализ современных текстов на немецком языке показывает, что феминитивы активно используются носителями языка и зачастую признаются единственно возможным выбором при указании на лицо женского пола или группу женщин.

С точки зрения словообразования, универсальный суффикс женского рода *-in* способствует тому, что в немецком языке образование феминитива возможно от большей части слов мужского рода, обозначающих профессию, род деятельности, национальность или гражданство и другие характеристики, например *Lehrer – Lehrerin, Freund – Freundin, Kellner – Kellnerin, Engländer – Engländerin, Gast – Gästin*. В некоторых случаях образование феминитива также требует изменения корневой гласной и появления в слове умлаута (*Arzt – Ärztin*). Помимо способа с суффиксом *-in*, существует возможность замены суффикса *-mann* на суффикс *-frau*, например *Geschäftsmann – Geschäftsfrau, Kaufmann – Kauffrau, Kameramann – Kamerafrau*.

Образование феминитивов возможно не только от исконно немецких слов.

Категорию грамматического рода, а вместе с ней форму как мужского, так и женского рода, приобретают также заимствованные из других языков названия профессий. Так, в современном немецком языке возросло число заимствованных из английского языка неологизмов, связанных с IT-сферой, например *Softwareentwickler – Softwareentwicklerin*, *Systemtechniker – Systemtechnikerin* [Кожанова, 2020].

Несмотря на то, что система немецкого языка располагает данными словообразовательными возможностями, образование феминитива не всегда возможно семантически. Так, в парах *Ehrenmann – Ehrenfrau* и *Weltmann – Weltfrau* грамматически верно образованный феминитив не приобретает соответствующего «парного» значения и, соответственно, не может функционировать в языке. В подобных случаях *-mann* следует понимать не как ‘мужчина’, но как ‘человек’. Тожественность этих понятий является наглядной иллюстрацией андроцентризма в немецком языке. Слово *Frau* всегда обозначает только женщину и не может применяться к лицу мужского пола. Феминитив в немецком языке не может указывать на мужчину ни в каком контексте и воспринимается интерпретантом исключительно как указатель на феминность.

Феминное и маскулинное вызывает у интерпретанта различную реакцию, этим двум характеристикам дается различная оценка [Кириллина, 1999]. Данный факт используется в аргументации как сторонников, так и противников использования в речи феминитивов. С одной стороны, использование женского рода при номинации женщин обеспечивает «видимость» женщин в различных сферах и является средством репрезентации феминного в языке. С другой стороны, акцент на биологическом поле референта подчеркивает различия между мужским и женским, что, по мнению сторонников мужского рода как общего, только усиливает социальные различия, укрепляет гендерные стереотипы и негативно отражается на гендерном равенстве. Данное противоречивое отношение к разделению феминных и маскулинных номинаций (в немецком языке обозначается глаголом *gendern*) привело к появлению тенденции «отмены гендера» (англ. *undoing gender*) и к усилению интереса к возможности функционирования гендерно-нейтрального языка.

В современном немецком языке одним из продуктивных способов словообразования является конверсия, а именно субстантивация. Субстантивированные отглагольные прилагательные и причастия в большей степени отсылают к действию, нежели к его исполнителю, и потому могут считаться гендерно-нейтральными, представляющими человеческое существо в его андрогинной форме без привязки к феминному или маскулинному. Причастия используются для описания любого рода деятельности,

например вместо ‘учителей’ (*Lehrer, Lehrerinnen*) – ‘обучающие’ (*Lehrende*), вместо ‘сотрудники’ (*Mitarbeiter, Mitarbeiterinnen*) – ‘совместно работающие’ (*Mitarbeitende*), вместо ‘студенты’ (*Studenten, Studentinnen*) – ‘обучающиеся’ (*Studierende*). Кроме того, в современном немецком языке все активнее употребляется конструкция «причастие + Person»: ‘воспитатель’ (*Erziehungsberechtigter, Erziehungsberechtigerin*) – ‘воспитывающее лицо’ (*erziehungsberechtigte Person*).

Гендерно-нейтральные, инклюзивные номинации возникли в том числе в случаях, когда общеупотребительными являлись лексические единицы не только мужского, но и женского рода. Данные изменения в сфере наименования лиц по профессии можно наблюдать на следующих примерах: *Seegüterkontrolleur / Seegüterkontrolleurin – Fachkraft für Hafenlogistik, Kellner / Kellnerin – Restaurantfachkraft* [Кожанова, 2020].

С позиции норм вежливой коммуникации и соблюдения политической корректности, целью при лингвистическом выражении гендера в современном немецком языке является нивелирование гендерной асимметрии и соблюдение принципа «включенности» представителей всех гендерных идентичностей в используемые в речи антропономинации и обращения [Rat für deutsche Rechtschreibung, 2021]. Как отмечает редакция словаря Duden, в определенных ситуациях, особенно в сфере наименования лиц по профессии, мужской род используется в качестве общего, однако при этом в языковом выражении остается непонятным, подразумеваются ли только мужчины или представители обоих полов [Duden, 2023]. Так, сам словарь определяет *Lehrer* как ‘лицо мужского пола, преподающее в школе’ и предлагает *Lehrerin* для наименования женщины, осуществляющей ту же деятельность. Кроме того, редакция словаря отмечает существование т.н. «языковых альтернатив» – стратегий соблюдения гендерной нейтральности, предполагающих перефразирование с использованием *Person* и *Menschen*, субстантивацию отглагольных частей речи, использование коллективного понятия или номинацию организации, членом или сотрудником которой описываемый человек является, вместо антропономинаций [Empfehlungen für eine geschlechtsgerechte Verwaltungssprache, 2019].

Таким образом, мы можем наблюдать в современном немецком языке несколько одновременно сосуществующих возможностей в номинации лиц женского пола. Первая, классическая, представлена номинацией женщин в мужском грамматическом роде (*generisches Maskulinum*), однако позиции мужского рода в качестве общего ослабевают под воздействием экстралингвистических факторов, таких как феминизация общественных процессов. Вторая возможность, снискавшая себе определенную

популярность и признаваемая большинством носителей языка, предполагает номинацию женщин в женском грамматическом роде с помощью активного использования феминитивов. Последняя тенденция, наиболее современная, предполагает отказ от гендерно-маркированных номинаций и замену их на гендерно-нейтральные единицы с помощью субстантивации или перифраза.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Авакова М. Л. Гендерный аспект функционирования дискурсивных элементов в англоязычной лингвокультуре (на материале дискурса интервью и художественного дискурса): дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.04. Пятигорск, 2017. 210 с.
2. Адмони В. Г. Теоретическая грамматика немецкого языка: Строй современный немецкий язык. 4-е изд. дораб. Москва: Просвещение, 1986. 336 с.
3. Аскярова Е. С., Белова В. Ф. Принципы гендерной категоризации на примере немецкой и русской литературы XVII и XX веков // Язык и культура как национальное достояние в поликультурной среде. Владикавказ, 2021. С. 22-30.
4. Баданина И. В. Функционирование феминативов в языке интернета // Русский язык в интернете: личность, общество, коммуникация, культура. Москва, 2017. С. 89-94.
5. Гендер: язык, культура, коммуникация: материалы. Москва: МГЛУ, 2003. 126 с.
6. Гриценко Е. С. Язык как средство конструирования гендера: дисс. ... д-ра филол. наук: 10.02.19. Нижний Новгород, 2005. 405 с.
7. Кирилина А. В. Гендер: лингвистические аспекты. Москва: Институт социологии РАН, 1999. 189 с.
8. Кирилина А. В., Томская М. В. Лингвистические гендерные исследования // Отечественные записки. 2005. № 2. Доступ: <http://www.strana-oz.ru/2005/2/lingvisticheskie-gendernye-issledovaniya>. (дата обращения: 24.09.2023).
9. Кожанова Н. В. Архаизмы и неологизмы в сфере наименований лиц по профессии (на материале немецкого языка) // Филология и человек. 2020. № 4. С. 93-102.
10. Миннигалеева А. А. Антропообозначения в немецком языке: структурно-семантический и гендерный аспекты: дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.04. Уфа. 2021. 167 с.
11. Пермякова О. В. Явление гендерной стилизации в современной женской литературе: на материале французского и русского языков: дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.19. Пермь. 2007. 176 с.
12. Саркисян О. Н. Гендерные особенности языковой репрезентации комического (на материале американских развлекательных ток-шоу «The Daily Show with Jon Stuart» и «Chelsea Lately»): дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.04. Пятигорск, 2014. 172 с.
13. Федотова Т. В., Кулик И. В. Парадигматика и прагматика феминитивов в русском и английском языках // Евразийский Союз Ученых. Филологические науки. 2016. № 7-2 (28). С. 67-69.
14. Meineke E. Studien zum genderneutralen Maskulinum. Heidelberg: Winter, 2023. 358 S.

СПИСОК ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ

1. Аберкромби Н., Тернер Б.С., Хилл С. Социологический словарь. 2-е изд., перераб. и доп. Москва: ЗАО «Изд-во «Экономика», 2004. 620 с.
2. Duden. Sprache sagt alles. Доступ: <https://www.duden.de>. (дата обращения: 30.09.2023).
3. Empfehlungen für eine geschlechtsgerechte Verwaltungssprache. Landeshauptstadt Hannover. Доступ: https://www.hannover.de/content/download/756032/file/Flyer_Geschlech_Geschlechter_Sprache.pdf. (дата обращения: 30.09.2023).

4. Geschlechtergerechte Schreibung: Empfehlungen vom 26.03.2021. Доступ: https://www.rechtschreibrat.com/DOX/rfdr_PM_2021-03-26_Geschlechtergerechte_Schreibung.pdf. (дата обращения: 30.09.2023).

5. Oxford Learner's Dictionaries. Gender. Доступ: <https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/definition/english/gender?q=gender>. (дата обращения: 30.09.2023).

REFERENCES

1. Avakova, M. L. (2017). *Gendernyy aspekt funktsionirovaniya diskursivnykh elementov v angloyazychnoy lingvokulture (na materiale diskursa intervyyu i khudozhestvennogo diskursa)* [The gender aspect of the functioning of discursive elements in English-speaking linguistic culture (based on interview discourse and belletristic discourse)]: diss. ... kand. filol. nauk: 10.02.04. Pyatigorsk. (In Russ.).

2. Admoni, V. G. (1986). *Teoreticheskaya grammatika nemetskogo yazyka: Stroy sovremennyy nemetskiy yazyk* [Theoretical grammar of the German language: The structure of modern German]. 4th ed., enlr. Moskva: Prosveshchenie. (In Russ.).

3. Askyarova, E. S., Belova, V. F. (2021). Printsipy gendernoy kategorizatsii na primere nemetskoj i russkoj literatury XVII i XX vekov [Principles of gender categorization on the example of German and Russian literature of the XVII and XX centuries]. In *Yazyk i kultura kak natsionalnoe dostoyanie v polikulturnoy srede*. Vladikavkaz. Pp. 22-30. (In Russ.).

4. Badanina, I. V. (2017). Funktsionirovanie feminativov v yazyke interneta [The functioning of feminatives in the language of the Internet]. In *Russkiy yazyk v internete: lichnost, obshchestvo, kommunikatsiya, kultura*. Moskva. Pp. 89-94. (In Russ.).

5. *Gender: yazyk, kultura, kommunikatsiya* [Gender: language, culture, communication]. Moskva: MGLU, 2003. (In Russ.).

6. Gritsenko, E. S. (2005). *Yazyk kak sredstvo konstruirovaniya gendera* [Language as a means of doing gender]: diss. ... d-ra filol. nauk: 10.02.19. Nizhnii Novgorod. (In Russ.).

7. Kirilina, A. V. (1999). *Gender: lingvisticheskie aspekty* [Gender: linguistic aspects]. Moskva: Institut sotsiologii RAN. (In Russ.).

8. Kirilina, A. V., Tomskaya, M. V. (2005). Lingvisticheskie gendernye issledovaniya [Linguistic gender studies]. In *Otechestvennye zapiski*. No. 2. Available at: <http://www.strana-oz.ru/2005/2/lingvisticheskie-gendernye-issledovaniya>. (accessed: 24.09.2023). (In Russ.).

9. Kozhanova, N. V. (2020). Arkhaizmy i neologizmy v sfere naimenovaniy lits po professii (na materiale nemetskogo yazyka) [Archaisms and neologisms in the field of names of persons by profession (based on German)]. In *Filologiya i chelovek*. No. 4. Pp. 93-102. (In Russ.).

10. Minnigaleeva, A. A. (2021). *Antropooboznacheniya v nemetskom yazyke: strukturno-semanticheskii i gendernyy aspekty* [Anthropological definitions in the German language: structural, semantic and gender aspects]: diss. ... kand. filol. nauk: 10.02.04. Ufa. (In Russ.).

11. Permyakova, O. V. (2007). *Yavlenie gendernoy stilizatsii v sovremennoy zhenskoy literature: na materiale frantsuzskogo i russkogo yazykov* [The phenomenon of gender stylization in modern women's literature: based on French and Russian]: diss. ... kand. filol. nauk: 10.02.19. Perm. (In Russ.).

12. Sarkisyan, O. N. (2014). *Gendernye osobennosti yazykovoy reprezentatsii komicheskogo (na materiale amerikanskikh razvlekatelnykh tok-show «The Daily Show with Jon Stuart» i «Chelsea Lately»)* [Gender features of the linguistic representation of the comic (based on the American entertainment talk shows «The Daily Show with Jon Stuart» and «Chelsea Lately»): diss. ... kand. filol. nauk: 10.02.04. Pyatigorsk. (In Russ.).

13. Fedotova, T. V., Kulik, I. V. (2016). Paradigmatika i pragmatika feminitivov v russkom i angliyskom yazykakh [Paradigmatics and pragmatics of feminitives in Russian and English]. In *Evraziyskiy Soyuz Uchenykh. Filologicheskie nauki*. No. 7-2 (28). Pp. 67-69. (In Russ.).

14. Meineke, E. (2023). *Studien zum genderneutralen Maskulinum*. Heidelberg: Winter.

LEXICOGRAPHIC SOURCES

1. Aberkrombi, N., Ternier, B. S., Khill, S. (2004). *Sotsiologicheskii slovar* [Sociological dictionary]. 2nd ed., rev. and enlr. Moskva: ZAO «Izd-vo «Ekonomika». (In Russ.).
2. *Duden*. Sprache sagt alles. 2023. Available at: <https://www.duden.de>. (accessed 30.09.2023).
3. *Empfehlungen für eine geschlechtsgerechte Verwaltungssprache*. Landeshauptstadt Hannover. 2019. Available at: https://www.hannover.de/content/download/756032/file/Flyer_GeschlecGeschlechter_Sprache.pdf. (accessed: 30.09.2023).
4. *Geschlechtergerechte Schreibung: Empfehlungen vom 26.03.2021*. Available at: https://www.rechtschreibrat.com/DOX/rfdr_PM_2021-03-26_Geschlechtergerechte_Schreibung.pdf. (accessed: 30.09.2023).
5. *Oxford Learner's Dictionaries. Gender*. 2023. Available at: <https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/definition/english/gender?q=gender>. (accessed: 30.09.2023).

*Аленикова Ольга Алексеевна – ассистент кафедры германистики и межкультурной коммуникации (e-mail: Maolianna@yandex.ru), Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Пятигорский государственный университет»
357532, Пятигорск, пр. Калинина, 9*

*Alenikova Olga A. – Assistant of Germanistics and Intercultural Communication Department (e-mail: Maolianna@yandex.ru) Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «Pyatigorsk State University»
9 Kalinina, Pyatigorsk, 357532*

Поступила в редакцию 01 октября 2023 г.

УДК 811.112.2

© 2023 В. Ф. Белова, Г. А. Лебеденко

СОПОСТАВЛЕНИЕ ФУНКЦИОНАЛА ИЗОБРАЗИТЕЛЬНЫХ СРЕДСТВ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ И ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОМ СТИЛЯХ (НА МАТЕРИАЛЕ НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА)

Статья посвящена исследованию особенностей функционирования изобразительных средств в немецкоязычных художественных и публицистических текстах. Представленный сопоставительный анализ позволил выделить специфику функционала тропов (метафор, сравнений, аллюзий, персонификаций) в зависимости от типа дискурса. Делается вывод об активном привлечении изобразительных приемов в художественных и публицистических текстах для реализации интенции писателя и журналиста.

Ключевые слова: художественный текст, публицистический текст, немецкий язык, средства выразительности, метафора, сравнение.

© 2023 V. F. Belova, G. A. Lebedenko

COMPARATIVE RESEARCH OF FIGURES OF SPEECH AND EXPRESSIVE MEANS IN THE BELLES-LETTRES AND JOURNALISTIC STYLES (BASED ON GERMAN)

The article deals with the study of the functional peculiarities of figurative means in German-language fiction and journalistic texts. The presented comparative analysis allowed identifying the tropes functionality specificity (metaphors, comparisons, allusions, personifications) depending on the type of discourse. The writer's and journalist's intentions are considered through the use of figures of speech and expressive means in belles-lettres and journalistic texts.

Key words: belles-lettres text, journalistic text, German language, means of expression, metaphor, comparison.

Использование стилистических приемов в художественной и публицистической литературе по сей день привлекает пристальное внимание исследователей. Основным источником усиления выразительности выступает лексика, а именно тропы: метафоры, сравнения и другие средства. Данные стилистические фигуры предполагают различные операции над языковыми единицами, вследствие чего они приобретают новые значения. Творчество немецких писателей и журналистов изобилует различными видами тропов.

Актуальность исследования связана с описанием специфики языковых явлений, использующихся в художественных и публицистических немецких текстах, переноса значений на основе метафоры и сравнений, обусловленных восприятием мира и жизненной позицией автора. **Цель работы** заключается в сопоставительном исследовании особенностей функционирования языковых феноменов (метафоры и сравнения) в немецкоязычных художественных и публицистических текстах.

Эмпирическим материалом в художественной литературе послужили романы Э. М. Ремарка: «Der schwarze Obelisk», «Die Nacht von Lissabon», «Drei Kameraden», «Im Westen nichts Neues», «Liebe Deinen Nächsten»; повесть Томаса Манна «Der Tod in Venedig»; стихотворение Фридриха Гёльдерлина «Hyperion oder der Eremit in Griechenland»; роман Гюнтера Грасса «Hundejahre»; в публицистической литературе были рассмотрены статьи из газет «Berliner Morgenpost» (2022); «Die Welt» (2023); «Frankfurter Allgemeine Zeitung» (2023); «Handelsblatt» (2021); «Bild.de» (2023); «Welt Online. Sport.» (2021) и других.

Речевые фигуры являются неотъемлемым атрибутом художественной литературы. Именно они отражают особый стиль произведения. Каждый автор использует такой оборот речи как тропы для передачи собственных мыслей, эмоций, а также для выражения личного мнения в своем творчестве [Белова, 2009: 62]. Отсутствие или многообразие тропов не указывает на художественность текста, тем не менее, тропы формируют и преобразуют его содержание. Б. В. Томашевский пишет о признаках, «обычно запрятанных среди других», образующих понятие или представление [Томашевский, 1999: 110]. Д. Э. Розенталь указывает на сопоставление двух понятий, которые «представляются нам близкими в каком-то отношении» [Розенталь, 1987: 58]. В. Н. Голодная считает, что через метафору возникает «новое знание о мире, и это знание объективируется в языковых формах» [Голодная, 2015: 13]. Согласно теории Дж. Лакоффа и М. Джонсона, метафора представляет собой важный механизм мышления, укорененный в понятийной системе человека, а значит, метафоричное мышление является неотъемлемой частью нашего когнитивного аппарата. Художественные средства, такие как метафора, способствуют осмыслению сложных концепций и совмещению новых знаний с уже усвоенными [Лакофф, 2004: 35]. Р. И. Зарипов в развитие этой мысли подчеркивает роль образных средств для закрепления информации или даже изменения ее восприятия в сознании реципиента [Зарипов, 2016: 47-50].

В работе Э. Г. Ризель выделяются три вида метафоры: персонификация, аллегория и синестезия [Riesel, 1959: 138]. Совместно с Е. И. Шендельс, Э. Г. Ризель также выделяет символ как дополнительную разновидность метафоры [Riesel, Schendels, 1975: 221].

Персонификация представляет собой перенос свойств и способностей человека на неодушевленный объект и помогает кратко и выразительно передать смысл высказывания. Тогда как метафора отстраняется от предмета, сохраняя лишь некоторые его признаки, персонификация, не отрываясь от предмета, добавляет ему определенную

характеристику и сохраняет его реальные свойства [Арутюнова, 1978: 254]. Синестезия предполагает совмещение разных объектов, чувств и эмоций в одном слове или словосочетании, при котором один из объектов получает абстрактное значение. Аллегория толкуется как иносказание и необходима для раскрытия в конкретном художественном образе таких абстрактных понятий, как добро, зло, подлость, жадность и других. В качестве художественного приема художники слова часто используют сравнение, при котором на основе сопоставления изображаемое конкретизируется, становится очевидным и более выразительным [Довнор, 2003: 231]. Субъект и объект сравнения могут относиться к разнообразным лексико-тематическим группам существительных: названиям лиц; представителей фауны; реалий мира флоры; предметов и веществ (естественного и искусственного происхождения) и другим. Объекты, подвергаемые сравнению, не рассматриваются в их качественной целостности, а скорее как системы, разобранные на аналитические свойства и отношения [Бартон, 1978: 35]. Отметим также, что сравнение является важным элементом на всех уровнях художественного произведения: «языковом, идейно-художественном и композиционном» [Ковалева, 2003: 49-52].

Художественный стиль определяется как процесс взаимодействия текста и читателя, так как его основное значение заключается в эмоционально-волевом и эстетическом воздействии на адресата [Карасик, 2002: 231]. В этом взаимодействии художественный текст выступает компонентом художественной коммуникации и воспроизводит особую художественную реальность. В ней объединяются дискурсы автора и читателя, и возникает новый тип дискурса – художественный, в котором «фрагмент действительности преобразован художником в соответствии с его мировосприятием и эстетическим намерением» [Николина, 2003: 11].

Средства массовой информации имеют большое влияние на общественное сознание и формируют языковую культуру, поэтому некоторые специалисты считают, что язык СМИ становится основным репрезентантом литературного языка в современном мире [Винокур, 2018: 219]. Задача журналистики заключается в привлечении внимания читателей, и поэтому в публицистическом стиле (в жанрах аналитического характера [Белова, 1973]) также большое значение имеют выразительность и экспрессивность.

Результат воплощения формы и содержания, который возникает как в художественном произведении, так и в публицистическом тексте, определяется творческим подходом, индивидуальностью и поэтическим сознанием автора. В специфичном использовании образных переосмыслений ярко проявляется

лингвокреативность создателя текста [Лебеденко, 2020: 44]. Газетно-публицистический стиль обеспечивает языковое оформление в различных сферах жизни общества: политической, экономической, социальной, культурной и других. Данный стиль характеризуется открытой оценочностью и эмоционально-экспрессивной функцией, в то время как оценочность в художественном стиле скрыта в подтексте.

В художественном и публицистическом стилях широко распространены тропы. Обратимся к повести мастера эпического романа Томаса Манна «Der Tod in Venedig» и проведем анализ примера из произведения:

Purpur fiel auf das Meer, das ihn wallend vorwärts zu schwimmen schien, goldene Speere zuckten von unten zur Höhe des Himmels hinauf... ‘Пурпур пал на море, и оно неспешно понесло его вперед, к берегу; золотые копья метнулись снизу в небесную высь...’

Метафора «Пурпур пал на море» была сформулирована на основе сходства цвета, чтобы описать ранние утренние часы, когда море приобретает пурпурный оттенок под первыми лучами восходящего солнца. Автор упоминает эти лучи как «золотые копья», что указывает на их яркость и ослепительный эффект. В этом случае перенос значения основан не только на сходстве цвета, но и на сходстве формы. Обе метафоры представляют собой персонификацию, наделяя природные явления человеческими способностями.

Одной из выразительных метафор, привнесенных автором в повествование, является образ «запаха заболевшего города» *der Geruch der erkrankten Stadt*, особенно сильно проявляющийся в контексте холерной эпидемии, поразившей Венецию. Использование данной метафоры позволяет не только вызвать яркие образы в сознании читателя, но и установить связующую параллель между состоянием города и душевными терзаниями главного героя.

Рассмотрим примеры употребления метафоры и ее подвидов в произведениях известного немецкого писателя Эриха Марии Ремарка.

В своих произведениях известный немецкий писатель Эрих Мария Ремарк широко использует классические метафоры. Например, *Ich sah sie vor mir, schön, jung, voll Erwartung, ein Schmetterling, verflogen durch einen glücklichen Zufall in mein abgebrauchtes, schäbiges Zimmer, in mein belangloses, sinnloses Leben* [Drei Kameraden, 1998: 158] ‘Я видел ее перед собой, красивую, юную, полную трепетного ожидания, эту бабочку, залетевшую благодаря счастливой случайности в мою видавшую виды, убогую комнату, в мою пустую, бессмысленную жизнь’.

Метафора, связанная со сравнением возлюбленной с бабочкой, ярко демонстрирует

чувства Роберта к Пат и выполняет как информационную, так и эмоционально-оценочную функцию. С одной стороны, она образно и подробно отражает заложенную автором информацию: мотылек ассоциируется с невесомостью, беззаботностью и трепетом. Именно такие чувства испытывает главный герой к возлюбленной. С другой стороны, метафора передает отношение автора к девушке (*schön, jung*), создает романтический фон произведения при помощи контраста: убогая комната; бессмысленная жизнь. Писатель подчеркивает данными строками, что жизнь Роберта ничтожна без Патриции. Следует отметить, что в своих работах Э.М. Ремарк все же отдает предпочтение онтологическим метафорам, таким как персонификация и аллегория. Примечательно, что персонификации подвергаются зачастую обыденные бытовые предметы. Например, в романе «*Drei Kameraden*» происходит олицетворение автомобиля: *мотор, который «плюется»*.

Ведущую роль в произведениях Ремарка играет природа, которая передает настроение главных героев. Таким образом, одушевленная природа становится действующим лицом, например, в романе «*Liebe Deinen Nächsten: Bruder Mond – ein Emigrant der Erde* ‘Братец месяц (экв. сестрица луна) – эмигрант с Земли’». В данном случае автор затрагивает одну из главных тем своего творчества – эмиграцию. Используя персонификацию, Ремарк одушевляет луну и землю с целью создания емкого образа и освещения глобальности проблемы эмиграции.

Такая разновидность метафоры как синестезия не имеет широкого распространения в произведениях Э.М. Ремарка. Однако данный подвид также требует отдельного рассмотрения с точки зрения лингвистического интереса. Автор использует синестезию *ein warmes Rot* ‘теплый красный’ для передачи особого свечения (ореола) вокруг Патриции, которое замечает Роберт в сумерках. В предложении ореол выступает в качестве абстрактного понятия и совмещает в себе как описание характера Патриции (мягкий, но при этом пылкий), так и теплоту ее отношений с Робертом. При таких обстоятельствах синестезия в данном примере выполняет функцию наглядности и эстетическую функцию.

Метафору-аллегию немецкий классик также часто употребляет при описании эмиграции. Например, в романе «*Die Nacht von Lissabon: der Krebs der Seele für den Emigranten* ‘рак души для эмигранта’». При помощи аллегории в данном выражении раскрывается абстрактный образ неизлечимой болезни, которая вызывает невыносимые боли. В данном случае аллегория, выраженная в мрачном поэтическом слове «рак», заменяет понятие «воспоминания». Имеется в виду, что каждый эмигрант обладает определенными воспоминаниями о Родине, которые как раковое заболевание неизменно

сопровождает его в течение оставшейся жизни.

Рассмотрим аллегорию, связанную с темой войны на примере предложения из романа «Im Westen nichts Neues»: *Hast du die Kinder gesehen?* ‘Ты уже видел этих детей?’ Данный вопрос задает своему фронтовому товарищу главный герой романа, говоря не о детях, а о новобранцах. Данная аллегория указывает не только на то, что новоиспеченные солдаты были очень молоды, но и на то, что они до сих пор не имеют представления о том, что их ждет.

Особый интерес также представляет обратная персонификация. Данная категория метафор относится к ситуациям, в которых свойства и качества объектов, не обладающих сознанием (таких как явления природы, растения, животные и птицы), приписываются человеческой сущности. В результате такого переноса создается впечатляющая и эмоционально насыщенная метафора:

Wir waren eine Blume nur, und unsre Seelen lebten in einander, wie die Blume, wenn sie liebt, und ihre zarten Freuden im verschloßnen Kelche verbirgt [Hölderlin, Hyperion oder der Eremit in Griechenland] ‘Мы были с ней одним цветком, и наши души черпали жизнь друг в друге, подобно цветку, который в пору любви прячет на дне чашечки свои хрупкие радости’.

Данная обратная персонификация выполняет эмоционально-оценочную функцию. Она означает, что два человека были настолько близки, что их души были сплетены вместе, словно цветок, который закрывает свои лепестки, чтобы сохранить красоту и нетронутость сердцевины цветка. Такое сравнение подчеркивает гармонию отношений между людьми, создавая образ идеальной любви и взаимопонимания.

В некоторых произведениях второй половины XX века обратная персонификация обладает негативным стилистическим оттенком. В этом случае происходит семантическое принижение, и метафора используется не для украшения речи, а скорее для выражения отрицательной оценки.

Таким образом, при использовании синестетических метафор возможно создание новых и неожиданных ассоциаций, объединяющих разные ощущения. Это происходит благодаря тесной связи между различными модальностями, такими как зрение, слух, обоняние, осязание.

Примечательно, что в работах Э. М. Ремарка чаще всего сравнению подвергаются явления флоры и фауны, а также человек.

В предложении, содержащем образ *Wie große Flamingos* ‘Как большие фламинго’ сравнению подвергаются облака и фламинго, что придает высказыванию поэтичность,

создает емкий образ, который передает диковинные размеры и цвета проплывающих облаков. Писатель использует такие яркие художественные средства для того, чтобы вызвать у читателя эмоциональные ассоциации, передать красоту и необыкновенность природы.

Троп *wie eine große lauernde Spinne* [Liebe Deinen Nächsten] выражает отношение говорящего к субъекту высказывания: ‘словно большой подстерегающий его паук’ по отношению к руке героя. Обладая высокой экспрессивностью, данный троп указывает на двуличность «совершенного» на первый взгляд советника. Данное впечатление возникает у читателя благодаря ассоциации паука с опасностью, ядовитостью и неприязнью.

В романе Германа Гессе «Siddhartha. Eine indische Dichtung» употребление простых сравнений также относится к лексико-семантическому полю «Флора»: *wie ein fallendes Blatt* ‘как падающий лист’, *wie Sterne* ‘как звезды’.

В первом сравнении люди отождествляются с листьями, падающими на землю, что говорит о подчиненности человека обстоятельствам и о неумении или нежелании сопротивляться им. Во втором случае люди сравниваются со звездами, что выражает мысль о силе воли и способности найти свое место в жизни. Таким образом, метафорические выражения используются для противопоставления двух различных человеческих качеств, что позволяет уточнить и углубить мысль автора.

Вместе с упоминанием флоры, в романе не меньшее значение придаётся образам животного мира, которые служат примером иллюстрации актуальности лексико-семантического поля «Фауна»: *wie ein kleines Tier, einen Vogel oder einen Hasen* ‘Как маленький зверек, птица или заяц’.

Функция данного сравнения заключается в передаче эмоционального состояния героя, который внезапно осознал свою одинокость и незащищенность. Сравнение с замерзающим маленьким животным транслирует страх, который испытывает персонаж. Долгие годы Сиддхартха придерживался аскетического образа жизни, отказавшись от дома и семьи, он скитался в поисках ответов на вопросы о смысле человеческого существования и назначении жизни.

Потенциал метафоры и ее уникальная природа не поддаются исчерпывающему анализу и всякий раз репрезентируют новые грани данного феномена [Милетова, 2022: 3].

В современной немецкоязычной публицистике эффективно используются политические метафоры [Белова, 2015: 124]. Например, в сравнении подчеркивается, что Германия может многому поучиться у других стран в вопросе сочетания интересов семьи и профессии: *Da hängen wir eher hinterher* ‘Здесь мы скорее отстаем’. Данная метафора относится к когнитивному типу метафор и является ориентационной, так как глагол

«hinterherhängen» (отставать) характеризует положение в пространстве. В данном случае метафора выполняет оценочную функцию. Она также демонстрирует использование риторических приемов для убеждения и привлечения внимания читателя.

Diese Reformen verlangen schmerzhaftes Schnitte ‘Эти реформы требуют болезненных сокращений’.

Данная метафора является типом оценочной метафоры. Ее функция заключается в донесении до понимания читателя необходимости проведения реформ, несмотря на боль и неудобства, которые они принесут. Антропоморфная метафора описывает абстрактное понятие (реформы) в терминах физического опыта (боли).

В экономической сфере публицистического дискурса можно выделить следующие подтипы метафор:

Религиозные образы. В немецком публицистическом стиле для метафорической репрезентации экономических понятий используют следующие религиозные образы: *Die Apokalypse des Euro* ‘Апокалипсис евро’.

Это номинативная метафора, которая связывает концепцию «Апокалипсиса» с концепцией «гибели Евро». Автор использует метафору, чтобы передать ложное и чрезмерно драматичное предсказание Ханс-Олафа Хенкеля о гибели евро, которое он изложил в своей книге. Метафора «*Apokalypse des Euro*» относится также к типу контекстуальных метафор, которые отражают события, происходящие в конкретной ситуации и связаны с определенными явлениями в обществе или политике.

Развертывание религиозной метафоры апокалипсиса мы наблюдаем в статье, написанной немецким журналистом Р. Ханком: *Apokalypse* ‘апокалипсис’, *die Propheten des Weltuntergangs* ‘пророки конца света’, *Endzeitstimmung* ‘настроение конца света’, *der pathetische Ton der Apokalyptik* ‘пафосный тон апокалиптики’, *die große Koalition der Endzeitpropheten* ‘великая коалиция пророков конца времен’, *die Welt in den Untergang treiben* ‘толкать мир к гибели’.

Употребление религиозных метафор в этой статье является ярким выражением языковой личности Р. Ханка, отражением его мировоззренческих наставлений:

Dem Finanzsektor stehe das Jüngste Gericht bevor ‘Финансовому сектору предстоит Страшный суд’.

Данная метафора в публицистическом дискурсе выполняет функцию привлечения внимания и усиления эмоциональной окраски высказывания. Она основана на переносе значения из одного концептуального поля (религиозного) в другое (финансовое) и

является типом персонификации, так как представляет финансовый сектор как существо, которое может быть подвержено суду.

Библейские сюжеты, названия и имена также используются для метафорического представления экономических явлений. Так, для метафорического изображения тяжелого экономического положения в Италии использован библейский образ долины плача: *die Fahrt aus dem Jammertal* 'Путь из долины плача'.

Мифологические образы. Метафорические образы, употребленные в немецком экономическом медиадискурсе, могут быть заимствованы из античной мифологии, например: *Insel der Seligen* 'острова блаженных'.

Этот образ заимствован из греческой мифологии. Благополучная экономическая ситуация в Германии сравнивается с жизнью на «островах блаженных», но подчеркивается, что она не может оградиться от проблем в Европе.

Исторические образы. Для представления экономических понятий в немецком публицистическом дискурсе могут использоваться метафоры, которые отсылают к конкретному историческому событию: *der Schwarze Tod* 'черная смерть'.

Для метафорического изображения экономического кризиса использован образ эпидемии «черной смерти», охватившей в XIV веке всю Европу. С распространением эпидемии чумы сравнивается процесс распространения экономического кризиса на европейские страны.

Литературные образы. В публицистике часто используются литературные образы, чтобы более доступно и наглядно изобразить сложные экономические явления. Например, процесс исключения обанкротившихся стран из Евросоюза может быть представлен образом игры в бисер: *Glasperlenspiel*.

Для понимания метафоры «*das Glasperlenspiel*» необходимо ознакомиться с романом «*Glasperlenspiel*» немецкого писателя Г. Гессе. Правила игры в произведении не описаны явно, они настолько запутанны, что представить их в простой форме невозможно. В данном контексте автор текста отождествляет игру в бисер с рассуждениями политиков и экономистов о выходе из Евросоюза неплатежеспособных стран. Он использует данную метафору, чтобы подчеркнуть сложность и нереальность этого процесса. «Игра в бисер» является фиктивной игрой, а попытка исключить обанкротившиеся страны из Евросоюза – тщетная затея.

В публикациях немецкой прессы, посвященных теме Спорт, ярче всего проявляют себя сравнения: *Arsène Wenger schaut wie ein verwundetes Reh* 'Арсен Венгер похож на раненого оленя'.

Данное сравнение используется для описания состояния тренера команды «Арсенал» после поражения от команды «Бавария». Комический эффект в данном предложении обусловлен неожиданным использованием сравнения подавленного и грустного тренера с раненой косулей. Это отождествление не только вызывает улыбку, но и добавляет в текст глубину, читатель может также сопереживать тренеру и его эмоциональному состоянию: *wie ein Rumpelstilzchen*.

Для полного понимания информации, представленной в данной статье, читатель должен не только ориентироваться в теме футбола, но и обладать общей эрудицией. В этом примере автор сравнивает тренера с Румпельштильцхеном – отрицательным персонажем из сказки братьев Гримм, который известен своим раздражительным и гнусным характером.

Эти сравнения являются ярким примером того, как в публицистическом стиле используются различные языковые средства для передачи эмоций и выражения субъективной оценки автора.

Проведенный анализ позволил прийти к следующим выводам.

Наиболее широко и разнообразно в языке художественной литературы представлены различные средства метафорического переноса. Частотными тропами, используемыми немецкими классиками, являются персонификация и классические номинативные метафоры. Персонификации поддаются явления флоры и фауны, а также бытовые предметы, при этом обратная персонификация не имеет широкого распространения. Особенностью художественного текста выступает использование синестезии. Анализ сравнений показал, что явления и представители животного и растительного мира зачастую отождествляются с характером, поведением, душевным состоянием человека. Указанные выше средства выразительности используются для создания емких образов, раскрытия глубоких мыслей персонажей, передачи авторской точки зрения на происходящее.

В публицистическом стиле изобразительные средства, в том числе метафоры и сравнения, имеют более конкретную функцию – убедить в том, что автор прав и его точка зрения достойна внимания. Они используются, чтобы создать определенный эмоциональный настрой у читателя, вызвать его интерес к рассматриваемой проблеме. Индивидуально-авторская метафора представляет собой яркую форму выражения, позволяющую определить специфику авторского мировосприятия [Белова, 2009: 60]. Одновременно она является важным фактором несогласованного метафорообразования в современном немецком экономическом и политическом медиа-дискурсе. В исследуемом

стиле наблюдается активное использование развернутых и нетрадиционных для немецкого экономического и политического медиа-дискурса метафорических образов, сформированных на основе литературных, исторических, религиозных и мифологических концептов. Благодаря использованию таких концептуальных образований индивидуально-авторская метафора способна оказывать влияние на формирование нового взгляда на экономическую и политическую действительность. Анализ языковых средств создания комического в немецкоязычной спортивной публицистике, показал, что сравнения являются неотъемлемой частью жанра. В спортивных публицистических текстах они обладают высокой степенью разнообразия и служат важным инструментом репрезентации юмора и иронии. Определяющим фактором понимания сравниваемых объектов выступает знание контекста.

Результаты наших наблюдений свидетельствуют также о том, что метафорические образования и сравнения, выполняющие образно-характеризующую функцию, помогают более точно передать интенцию писателя и журналиста, его индивидуальное положительное или отрицательное отношение к изображаемому как в художественном, так и в публицистическом дискурсе.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Арутюнова Н. Д. Функциональные типы языковой метафоры // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. Москва: Наука, 1978. Т. 37. № 4. С. 333-343.
2. Бартон В. И. Сравнение как средство познания. Минск: Изд-во БГУ им. В. И. Ленина, 1978. 127 с.
3. Белова В. Ф. Употребление артикля в жанрах немецкой газеты: автореф. дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.04. Москва, 1973. 24 с.
4. Белова В. Ф. Прагмалингвистическая характеристика языкового своеобразия художественного текста // Прагмалингвистика и практика речевого общения. Ростов-на-Дону, 2009. С. 60-64.
5. Белова В. Ф. Сопоставительное исследование метафор в парламентском и публицистическом дискурсах на немецком языке // Политическая лингвистика. 2015. Раздел 3. Язык – Политика – Культура. № 2. С. 122-129.
6. Винокур Г. О. Культура языка. Москва: Editorial URSS, 2018. 352 с.
7. Голодная В. Н. Метафора «идентичность человека» в английском языке: концептуальное содержание, языковая объективация, прагматические функции, социально-культурные контексты: автореф. дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.04. Москва, 2015. 30 с.
8. Довнор Д. И., Запольский А. И. Современная русская литература. Минск: Книжный дом, 2003. 445 с.
9. Зарипов Р. И. Метафорика образа России в политическом дискурсе стран Запада: куда двигаться дальше // Речевое воздействие в политическом дискурсе. Екатеринбург: РКИ, 2016. С. 47-50.
10. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002. 350 с.

11. Ковалёва М. П. Фигура сравнения как конструктивный элемент: дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.19. Москва, 2003. 115 с.
12. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем. Москва: Едиториал УРСС, 2004. 256 с.
13. Лебеденко Г. А. Метафорическая образность номинаций в детской речи (на материале немецкого языка) // Профессиональная коммуникация: актуальные вопросы лингвистики и методики. 2020. № 13. С. 40-45.
14. Милетова Е. В., Чалая Ю. П. Процесс метафоризации в дискурсе СМИ (на материале британской газеты The Guardian) // Профессиональная коммуникация: актуальные вопросы лингвистики и методики. 2022. № 15. С. 125-134.
15. Николина Н. А. Филологический анализ текста. Москва: Академия, 2003. 258 с.
16. Розенталь Д. Э. Практическая стилистика русского языка. Москва: Высшая школа, 1987. 355 с.
17. Томашевский Б. В. Теория литературы. Поэтика. Москва: Аспект Пресс, 1999.
18. Riesel E. Stilistik der deutschen Sprache. Moskau: Verlag für fremdsprachige Literatur, 1959. 467 S.
19. Riesel E., Schendels E. Deutsche Stilistik. Moskau: Verlag Hochschule, 1975. 316 S.

СПИСОК ИЛЛЮСТРАТИВНОГО МАТЕРИАЛА

1. Berliner Morgenpost. Available at: <http://www.morgenpost.de>. (accessed: 18.04.2023).
2. Cöln C. Darum sind deutsche Weltmeister so billig zu haben // Welt Online. Sport. Available at: <https://www.welt.de/sport/fussball/article131058212/Darum-sind-deutscheWeltmeister-so-billig-zu-haben.html>. (accessed: 26.04.2023).
3. Die Welt. Available at: www.welt.de. (accessed: 18.04.2023).
4. Frankfurter Allgemeine Zeitung. Available at: www.faz.net. (accessed: 19.04.2023).
5. Grass G. Hundejahre. Available at: <https://www.litres.ru/book/gunter-grass-26912510/hundejahre-56778832>. (accessed: 10.03.2023).
6. Handelsblatt. Available at: www.handelsblatt.com. (accessed: 19.04.2023).
7. Hesse H. Siddhartha. Eine indische Dichtung. Available at: https://booksafe.net/read/hesse_hermann-siddhartha-142374.html#p1. (accessed: 14.04.2023).
8. Hölderlin F. Hyperion oder der Eremit in Griechenland. Available at: http://www.deutsche-liebeslyrik.de/holderlin_hyperion.htm. (accessed: 16.03.2023).
9. Mann Th. Der Tod in Venedig. Available at: <https://www.gutenberg.org/ebooks/12108>. (accessed: 05.03.2023).
10. Remarque E. M. Der schwarze Obelisk. Köln, 1999. 414 S.
11. Remarque E. M. Die Nacht von Lissabon. Köln, 1998. 330 S.
12. Remarque E. M. Drei Kameraden. Köln, 1998. 398 S.
13. Remarque E. M. Im Westen nichts Neues. Köln, 1999. 285 S.
14. Remarque E. M. Liebe Deinen Nächsten. Köln, 1998. 340 S.
15. Wohlstand auf Pump geht nicht mehr, das muss allen klar sein // Bild.de. Available at: <http://www.bild.de/politik/inland/angela-merkel/wohlstandauf-pump-geht-nicht-mehr-das-muss-allen-klar-sein-30062206.bild.html>. (accessed: 17.04.2023).

REFERENCES

1. Arutyunova, N. D. (1978). Funktsionalnye tipy yazykovoy metafory [Functional types of language metaphor]. In *Izvestiya Akademii Nauk SSSR. Seriya literatury i yazyka*. Moskva: Nauka. No. 6. Pp. 381-388. (In Russ.).
2. Barton, V. I. (1978). *Sravnenie kak sredstvo poznaniya* [Comparison as a means of cognition]. Minsk: Izd. BGU. (In Russ.).

3. Belova, V. F. (1973). *Upotreblenie artiklya v zhanrakh nemetskoy gazety* [The use of the article in the genres of the German newspaper]: avtoref. diss. ... kand. filol. nauk: 10.02.04. Moskva. (In Russ.).

4. Belova, V. F. (2009). Pragmalingvisticheskaya kharakteristika yazykovogo svoeobraziya khudozhestvennogo teksta [Pragmalinguistic characteristics of the linguistic originality of a literary text]. In *Pragmalingvistika i praktika rechevogo obshcheniya*. Rostov-na-Donu. Pp. 60-64. (In Russ.).

5. Belova, V. F. (2015). Sopostavitelnoe issledovanie metafor v parlamentskom i publitsisticheskom diskursakh na nemetskom yazyke [Comparative research of metaphors in parliamentary and journalistic discourses in the German language]. In *Politicheskaya lingvistika. Razdel 3. Yazyk – Politika – Kultura*. No. 2. Pp. 122-129. (In Russ.).

6. Vinokur, G. O. (2018). *Kultura yazyka* [Language culture]. Moskva: Editorial URS. (In Russ.).

7. Golodnaya, V. N. (2015). *Metafora «identichnost cheloveka» v angliyskom yazyke: kontseptualnoe sodержanie, yazykovaya obektivatsiya, pragmaticheskie funktsii, sotsialno-kulturnye konteksty* [Metaphor «human identity» in English: conceptual content, linguistic objectification, pragmatic functions, socio-cultural contexts]: avtoref. diss. ... kand. filol. nauk: 10.02.04. Moskva. (In Russ.).

8. Dovnor, D. I., Zapolskiy, A. I. (2015). *Sovremennaya russkaya literatura* [Modern Russian literature]. Minsk: Knizhnyy dom. (In Russ.).

9. Zariпов, R. I. (2016). Metaforika obraza Rossii v politicheskom diskurse stran Zapada: kuda dvigatsya dalshe [Metaphorics of Russia image in political discourse of Western countries: where to go next]. In *Rechevoe vozdeystvie v politicheskom diskurse*. Ekaterinburg: RKP. Pp. 47-50. (In Russ.).

10. Karasik, V. I. (2002). *Yazykovoy krug: lichnost, kontsepty, diskurs* [Language Circle: Person, Concepts, Discourse]. Volgograd: Peremena. (In Russ.).

11. Kovalyova, M. P. (2003). *Figura sravneniya kak konstruktivnyy element* [The comparison figure as a constructive element]: diss. ... kand. filol. nauk: 10.02.19. Moskva. (In Russ.).

12. Lakoff, G., Johnson, M. (2004). *Metaforы, kotorymi my zhivem* [Metaphors we live by]. Moskva: Editorial URSS. (In Russ.).

13. Lebedenko, G.A. (2020). Metaforicheskaya obraznost nominatsiy v detskoй rechi (na materiale nemetskogo yazyka) [Metaphorical imagery of nominations in children's speech (based on German)]. In *Professionalnaya kommunikatsiya: aktualnye voprosy lingvistiki i metodiki*. No. 13. Pp. 40-45. (In Russ.).

14. Miletova, E. V., Chalaya, Yu. P. (2022). Protsess metaforizatsii v diskurse SMI (na materiale britanskoy gazety The Guardian) [The process of metaphorization in the media discourse (based on the british newspaper The Guardian)]. In *Professionalnaya kommunikatsiya: aktualnye voprosy lingvistiki i metodiki*. No. 15. Pp. 125-134. (In Russ.).

15. Nikolina, N. A. (2003). *Filologicheskiy analiz teksta* [Philological analysis of the text]. Moskva: Akademiya. (In Russ.).

16. Rozental, D. E. (1987). *Prakticheskaya stilistika russkogo yazyka* [Practical stylistics of the Russian language]. Moskva: Vysshaya shkola. (In Russ.).

17. Tomashevskiy, B. V. (1999). *Teoriya literatury. Poetika* [Theory of literature. Poetics]. Moskva: Aspekt Press. (In Russ.).

18. Riesel, E. (1959). *Stilistik der deutschen Sprache*. Moskau: Verlag für fremdsprachige Literatur.

19. Riesel, E., Schendels, E. (1975). *Deutsche Stilistik*. Moskau: Verlag Hochschule.

SOURCES OF ILLUSTRATIVE MATERIAL

1. *Berliner Morgenpost*. Available at: <http://www.morgenpost.de>. (accessed: 18.04.2023).
2. Cöln, C. Darum sind deutsche Weltmeister so billig zu haben. In *Welt Online. Sport*. Available at: <https://www.welt.de/sport/fussball/article131058212/Darum-sind-deutscheWeltmeister-so-billig-zu-haben.html>. (accessed: 26.04.2023).
3. *Die Welt*. Available at: www.welt.de. (accessed: 18.04.2023).
4. *Frankfurter Allgemeine Zeitung*. Available at: www.faz.net. (accessed: 19.04.2023).
5. Grass, G. *Hundejahre*. Available at: <https://www.litres.ru/book/gunter-grass-26912510/hundejahre-56778832>. (accessed: 10.03.2023).
6. *Handelsblatt*. Available at: www.handelsblatt.com. (accessed: 19.04.2023).
7. Hesse, H. *Siddhartha. Eine indische Dichtung*. Available at: https://booksafe.net/read/hesse_hermann-siddhartha-142374.html#p1. (accessed: 14.04.2023).
8. Hölderlin, F. *Hyperion oder der Eremit in Griechenland*. Available at: http://www.deutsche-liebeslyrik.de/holderlin_hyperion.htm. (accessed: 16.03.2023).
9. Mann, Th. *Der Tod in Venedig*. Available at: <https://www.gutenberg.org/ebooks/12108>. (accessed: 05.03.2023).
10. Remarque, E. M. *Der schwarze Obelisk*. Köln, 1999.
11. Remarque, E. M. *Die Nacht von Lissabon*. Köln, 1998.
12. Remarque, E. M. *Drei Kameraden*. Köln, 1998.
13. Remarque, E. M. *Im Westen nichts Neues*. Köln, 1999.
14. Remarque, E. M. *Liebe Deinen Nächsten*. Köln, 1998.
15. Wohlstand auf Pump geht nicht mehr, das muss allen klar sein. In *Bild.de*. Available at: <http://www.bild.de/politik/inland/angela-merkel/wohlstandauf-pump-geht-nicht-mehr-das-muss-allen-klar-sein-30062206.bild.html>. (accessed: 17.04.2023).

Белова Валентина Федоровна – кандидат филологических наук, доцент, профессор кафедры германистики и межкультурной коммуникации (e-mail: belovav2008@yandex.ru), Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Пятигорский государственный университет» 357502, Пятигорск, пр. Кирова, 63

Belova Valentina F. – Candidate of Philology, Associate Professor, Professor of Germanistics and Intercultural Communication Department (e-mail: belovav2008@yandex.ru), Federal State Budget Educational Institution of Higher Education «Pyatigorsk State University» 63 Kirova, Pyatigorsk, 357502

Лебеденко Галина Александровна – кандидат филологических наук, доцент кафедры германистики и межкультурной коммуникации (e-mail: lebedenko@pgu.ru), Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Пятигорский государственный университет» 357502, Пятигорск, пр. Кирова, 63

Lebedenko Galina A. – Candidate of Philology, Associate Professor of Germanistics and Intercultural Communication Department (e-mail: lebedenko@pgu.ru), Federal State Budget Educational Institution of Higher Education «Pyatigorsk State University» 63 Kirova, Pyatigorsk, 357502

Поступила в редакцию 31 октября 2023 г.

СПЕЦИФИКА РЕПРЕЗЕНТАЦИИ МЕТАФОРЫ В ТЕКСТАХ АНГЛОЯЗЫЧНЫХ ПРОПОВЕДЕЙ XIX-XXI ВВ.

В статье представлен диахронический анализ специфики манифестации метафоры в англоязычных проповедях, репрезентирующих религиозный дискурс. Материалом исследования служат проповеди, датированные концом XIX – началом XXI вв. и размещенные в сети Интернет. Автор отмечает значимость метафоры в религиозной проповеди и подчеркивает особый характер ее актуализации в текстах разных временных периодов. Согласно данным анализа фактического материала, в проповедях XIX в. превалирует развернутая метафора, подразумевающая реализацию нескольких метафорических употреблений, последовательно разворачивающихся на протяжении всего контекста. В свою очередь, проповедям XXI в. наиболее типична простая метафора, вербализуемая семантикой отдельно взятых языковых единиц или словосочетаний, лаконично репрезентирующих описываемый метафорический образ.

Ключевые слова: англоязычный религиозный дискурс, Библия, диахронический анализ, проповедь, простая метафора, развернутая метафора, оценка, речевое воздействие.

© 2023 E. V. Miletova

THE SPECIFICS OF METAPHOR REPRESENTATION IN THE ENGLISH TEXTS OF SERMONS OF THE XIX-XXI CENTURIES

The article presents a diachronic analysis of the specifics of metaphor manifestation in English sermons representing religious discourse. The research material is sermons dating from the late XIXth – early XXIst centuries and posted on the Internet. The author notes the importance of metaphor in religious sermons and emphasizes the special nature of its actualization in texts of different time periods. According to the results of the study, the expanded metaphor prevails in the sermons of the XIX century, implying the realization of several metaphorical uses that consistently unfold throughout the context. In turn, the sermons of the XXI century are mostly presented by the simple metaphor, verbalized by the semantics of a certain linguistic unit or a whole phrase used to describe in short, the metaphorical image.

Key words: English religious discourse, Bible, diachronic analysis, sermon, simple metaphor, extended metaphor, assessment, speech influence.

Введение

На протяжении всей истории развития цивилизации религия играет важную роль в жизни каждого отдельно взятого индивида и общества в целом. Сегодня сложно представить какую-либо отрасль обыденной или профессиональной жизнедеятельности человека, которая бы существовала вне религии и не имела бы ничего общего с ней, т. е. была бы свободна от воззрений и концепций, прямо или косвенно укорененных в религиозном мировоззрении. Религиозные взгляды так или иначе обуславливают и определяют бытие социума в сфере политики, экономики, медицины и т. д. Помимо этого, исходя из того, что религия есть мощный рычаг управления массовым сознанием, религиозные убеждения способствуют, в

том числе выработке ценностей, норм поведения и особого религиозного мировоззрения [Гришакова, Золотова, Крайнева, 2016; Денисов, 2021].

Изучение различных аспектов религии ведется на протяжении веков в рамках целого ряда наук (философия, психология, социология, теология и др.). Вместе с тем, важно подчеркнуть, что до конца XIX века ученые изучали феномен религии достаточно активно, но этот интерес носил преимущественно либо богословский, либо антибогословский характер. Последовательное изучение религии вне контекста религиозных общин, главным образом, началось благодаря формированию современных университетов, выполнявших и выполняющих по сей день роль научно-просветительских центров. Показательно, что, как отмечают многие исследователи религии, практически все новые научные направления, развившиеся со второй половины XIX века, зарождались как критический анализ тех или иных религиозных доктрин [см., в частности: Borchert, 2017; Reichstätter, 2017].

Достижения современной лингвистики все чаще используются в (лингво)философской концептуализации и категоризации религиозных принципов и доктрин (ср., например, концепцию «моральной грамматики», основанной на теории Н. Хомского о врожденных базовых синтаксических структурах: согласно этой концепции, люди наделены моральной способностью, которая позволяет выносить суждения о правильном и неправильном, моральном и аморальном, основываясь на подсознательно заложенных базовых принципах [Монрое, 2017]). В русле практического лингвистического анализа, представляющего для нас особый интерес, все чаще появляются работы, посвященные анализу религиозного дискурса и его языкового воплощения на примере и материале многочисленных жанровых образцов заданной дискурсивной сферы [Алимурадов, Милетова, 2015; Мечковская, 1998; Kort, 1992; Stiver, 1996].

В фокус нашего внимания в исследовании попадают англоязычные проповеди и их метафорически маркированная природа. **Цель** настоящей статьи заключается в реализации диахронического анализа употребления метафоры в англоязычных религиозных проповедях конца XIX – начала XX вв. и XXI в., определение преобладающего типа метафоризации на каждом этапе эволюции религиозного дискурса, а также основных языковых средств репрезентации метафорического значения в рассматриваемом контексте.

В качестве **материала исследования** выступают англоязычные проповеди, датированные концом XIX – началом XXI вв. и размещенные в сети Интернет. Общий объем анализируемой выборки – 300 религиозных текстов.

Объектом исследования служит религиозная метафора, а также наиболее распространенные способы ее манифестации в текстах англоязычных проповедей конца XIX – начала XX вв. и XXI в.

Предметом исследования являются языковые способы актуализации простой и развернутой метафоры в пределах религиозных проповедей различных временных периодов.

Теоретические основы исследования

Религиозный дискурс как особый тип институционального общения, базирующийся на ряде действий, ритуалов, нацеленных на приобщение человека к вере в Бога / сверхъестественные силы [Алимурадов, Милетова, 2015], в силу сложной и многогранной природы регулярно привлекает внимание исследователей [Мечковская, 1998; Kort, 1992; Stiver, 1996].

Многочисленные труды, посвященные религиозной коммуникации и языковому оформлению различных типов текстов обсуждаемой дискурсивной сферы, указывают на то, что жанровое пространство религиозного дискурса в целом строится на основе интерпретации и разъяснения содержания первоисточников, коим в христианстве служит Библия [Алимурадов, Милетова, 2015; Блувберг, 2007; Мечковская, 1998; Kort, 1992; Stiver, 1996 и др.].

Полагаем, что в процессе интерпретации и разъяснения канонов христианского учения, зафиксированных в Священном Писании, первостепенное значение имеет проповедь как устный жанр публичной речи, ориентированный на массового адресата с целью его просветления и приобщения к вере и любви к Богу [Блувберг, 2007; Денисов, 2021; Лешкова, 2019; Новикова, 2022; Салахова, 2008; Сорокина, 2020; Ясиновская, 2020 и др.].

Проповедь в нашем представлении выступает особым коммуникативным жанром религиозного дискурса, в ходе которой священнослужитель доводит необходимую информацию до прихожан, изъясняясь на родном и понятном языке, демонстрируя, тем самым, навыки владения ораторским искусством [Алимурадов, Милетова, 2015]. Специфика проповеди заключается в том, что данный жанр религиозного дискурса имеет адресата, в качестве которого может служить как отдельный индивид, так и целая группа людей. Примечательно, что проповедник не сообщает реципиенту новой информации, а лишь транслирует и расшифровывает смыслы, представленные в Библии, характеризуя и давая им оценку [Гришакова, Золотова, Крайнева, 2016; Денисов, 2021].

Сложности с передачей необходимой информации в пределах религиозного дискурса решаются с помощью различных средств языка, оказывающих психологическое воздействие на адресата и обеспечивающих понимание с его стороны. Метафора в этой

связи играет далеко не последнюю роль, поскольку выступает в качестве некоего ментального конструкта, позволяющего построить аналогию между двумя понятиями, объектами, явлениями, связанными по тому или иному параметру [Алимурадов, Милетова, Шибкова, 2023; Кондратьева, 2012; Милетова, 2014].

На наш взгляд, метафора совместно с другими средствами языка реализуют на практике прагматический потенциал религиозного дискурса и способствуют формированию и становлению у целевой аудитории религиозного мировоззрения, особой системы ценностей, правил поведения и т.д., помогая адресату лучше понять и осознать суть сообщаемой информации [Алимурадов, Милетова, Шибкова, 2023; Кондратьева, 2012; Милетова, 2014], что вполне согласуется с основной прагматической функцией метафоры, призванной представить менее известное и более абстрактное через более знакомое и конкретное [Лакофф, 2004; Солопова, Чудинов, 2018; Чудинов, 2001; Gibbs, Cameron, 2008; Kövecses, 2010].

Результаты исследования

Эмпирический анализ фактического материала свидетельствует о том, что в англоязычных проповедях как более раннего, так и современного периода рекуррентно употребляется метафора, предназначение которой, полагаем, сводится, с одной стороны, к оказанию воздействия на адресата, а с другой – служит способом формирования особого религиозного сознания и мировоззрения за счет более доступной презентации достаточно сложных для восприятия религиозных концепций и понятий.

Несмотря на изначально схожие цели и задачи, практическое воплощение метафоры в проповедях XIX и XXI вв. существенно различается, также как и различаются количественные показатели частотности ее употребления в обозначенных текстах (см. диаграмму).

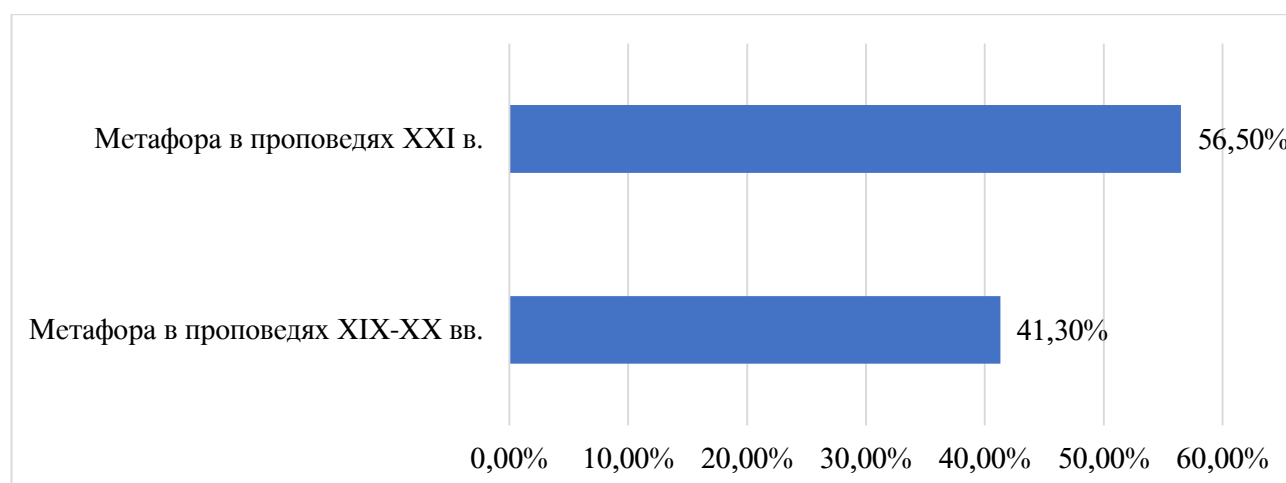

Диаграмма. Дистрибуция метафоры в проповедях XIX и XXI вв.

Как показывает диаграмма, доля метафорических употреблений в религиозных проповедях, датированных XXI в., значительно выше, чем в текстах более раннего периода. На наш взгляд, подобного рода тенденция объясняется рядом причин.

Во-первых, сама динамика жизни выдвигает новые требования и условия коммуникации, поскольку активное внедрение технологий, появление Интернета и различных социальных сетей повлекло за собой трансформацию форм общения. Так, если раньше проповедь осуществлялась священнослужителем в стенах религиозного учреждения (церковь, храм, монастырь и т. д.) и подразумевала речь (устное обращение) напрямую к целевой аудитории, то сегодня прочтение проповеди не ограничивается конкретным институтом и статусом адресанта, а, наоборот, может иметь место и в храме, и вне его (на собрании, встрече – очно, по телевизору, радио, в сети Интернет и т. д. – опосредованно) усилиями как представителя церкви, так и верующего (общественный деятель, политик, журналист, блогер и т. д.).

Во-вторых, с течением времени всякий язык развивается и меняется, стремясь соответствовать новым потребностям, что в контексте английского языка и информационного прогресса подразумевает, в том числе, переход от сложного к простому, обеспечивающий доступное и лаконичное изложение информации с позиции синтаксического оформления, грамматики, лексики и др., а также доведение до сведения массового адресата ключевых фрагментов религиозного знания, используя понятный ему набор вербальных и невербальных средств. При этом нельзя не отметить тот факт, что метафорическая репрезентация чего бы то ни было посредством метафоры имеет свои ограничения. Как справедливо отмечает М. Рапоза, даже метафора, которая, как кажется, отражает саму суть репрезентируемого объекта, не сможет раскрыть этот объект во всех его аспектах. Человеческое восприятие конечно и ограничено, в связи, с чем постоянно формулируются и используются новые метафорические номинации. Часто метафора дает возможность представить скрытый потенциал репрезентируемого понятия, раскрывая то, как то или иное явление могло бы существовать в альтернативном (возможном) мире [Raposa, 1984].

Безусловно, рассмотрение всей языковой специфики проповедей в рамках настоящего исследования не представляется возможным, в связи, с чем остановимся подробнее на конкретном аспекте – использовании метафоры в текстах разных периодов и продемонстрируем особенности актуализации метафоры в указанных образцах религиозного дискурса.

Согласно данным анализа фактического материала, 41,3% выборки англоязычных проповедей конца XIX в. – начала XX в. (300 текстов) маркированы наличием метафоры.

Примечательно, что во всех указанных примерах характер реализации метафоры тяготеет к развернутому ее типу, что подразумевает использование сразу нескольких аналогий и метафорических употреблений, суть которых раскрывается в целом контексте и становится понятна адресату после последовательного ознакомления с предлагаемой информацией. Обратимся к примеру:

(1) In the third place, *the time is short for laying up treasures in Heaven*. It is the clear teaching of the Lord Jesus that by *certain definite courses of action we make deposits in the eternal «Reserve Bank» of Heaven, deposits which it shall be our future and eternal privilege to enjoy*. Most men do not begin soon enough *to lay up for old age*, and, therefore, when old age steals upon them, they must spend it in penury and distress. But *deposits which we are to draw upon and enjoy for all eternity are vastly more important than those that the prudent man makes for a rainy day or for his old age*. *The property that we accumulate on earth we can enjoy but for a few years at the longest; the property we accumulate in Heaven we can enjoy for an endless eternity*.

How important then that we make our accumulations there as large as possible!

The time in which to do it is short, exceedingly short. *For every wasted day, for every wasted hour, for every wasted dollar, we shall be poorer for all eternity*. Ah! *there are some of us who will wake up some day to the importance of laying up treasure in Heaven; and we will regret it to all eternity that we did not begin soon enough and work more diligently at it to make a better showing* [Sermonindex].

Приведенный пример представляет собой образец использования развернутой метафоры в англоязычной проповеди, в основе которой имеется аналогия между стремлениями и усилиями к материальным накоплениям в мирской жизни и истинными сбережениями, ожидающими каждого после ухода из мира сего. Согласно замыслу проповедника, все действия человека в повседневной жизни, направленные на обогащение и увеличение достатка и материальных благ, тщетны и лишены смысла в силу скоротечности его пребывания на Земле, а то, что по-настоящему ценно и значимо – благие поступки и мысли, обеспечивающие ему жизнь вечную, светлую и радостную на Небесах. В данном случае проповедник отождествляет финансовые накопления, банковские вклады и иные традиционные и привычные простому обывателю показатели благосостояния с сокровищами на Небесах, что должно быть в приоритете у всякого верующего. С точки зрения языкового оформления, основную метафорическую нагрузку в анализируемом фрагменте проповеди реализуют такие лексемы, как: *deposit / депозит, laying up treasures / накопление сокровищ, «Reserve Bank» of Heaven / «Резервный банк» Небес* и др. Полагаем, что в примере (1)

применение метафоры обусловлено интенцией адресанта воздействовать на эмоции и чувства аудитории с целью последующего осознания необходимости изменений в поведении и решительных действий в данном направлении.

Приведем еще пример:

(2) *The power came to set up the Kingdom within them, to give them the victory over sin and self, to fit them by living experience to testify to the power of Jesus on the throne, to make men live in the world as saints. Others were to give themselves up entirely to the speaking in the naive of Jesus. But all needed and all received the gift of power, to prove that now Jesus had received the Kingdom of the Father, all power in heaven and earth was indeed given to Him, and by Him imparted to His people just as they needed it, whether for a holy life or effective service. They received the gift of power, to prove to the world that the Kingdom of God, to which they professed to belong, was not in word but in power. By having power within, they had power without and around. The power of God was felt even by those who would not yield themselves to it [Sermonindex].*

В примере (2) также присутствует развернутая метафора, «пронизывающая» весь фрагмент проповеди, подчеркивающая безграничную силу и власть Господа, его особый дар и необходимость послушания со стороны последователей. Полагаем, что данный образец проповеди при помощи метафоры репрезентирует на лексико-семантическом уровне метафорический перенос *Бог – это Сила*, основными средствами вербализации которого служат лексемы типа *power / власть, Kingdom / Королевство, throne / трон*, совместно задающие эмоциональный тон всего текста и оказывающие воздействие на получателя информации.

Иная ситуация наблюдается в случае с религиозными проповедями, появившимися в XXI в. Анализ 300 англоязычных проповедей указывает на то, что метафора по-прежнему играет важную роль в контексте и рекуррентно используется адресантом, что подтверждают и количественные данные, согласно которым в 56,5% материала выборки присутствует метафора. При этом следует отметить, что специфика репрезентации метафоры в проповедях на современном этапе развития религиозной коммуникации, а также ее структурные особенности имеют другой характер. Говоря об изменениях в манифестации религиозной метафоры, мы, прежде всего, подразумеваем преобладание простой метафоры, в рамках которой присутствует одно метафорическое употребление в переносном значении. Здесь весь метафорически значимый контекст ограничивается конкретным предложением и не определяется, как в случае с развернутой метафорой, большими фрагментами информации. Рассмотрим несколько примеров:

(3) «The things which are impossible with men are possible with God». All around you

there is a world of sin and sorrow, and Satan is there. But remember, *Christ is on the throne*; Christ is stronger; *Christ has conquered*; and *Christ will conquer* [Sermonindex].

(4) Death has no terror for a disciple of Christ, for *Jesus has conquered death*. *Death is a defeated enemy*. Jesus died and made Satan powerless [Sermonindex].

(5) *God will then set up His judgment seat to judge all unbelievers*. This will be the second resurrection [Sermonindex].

В представленных выше примерах фиксируем употребление метафор, по специфике актуализации относящихся к простому типу, что обуславливают как отображение метафоры в пределах четкого и лаконичного контекста, как правило, одного предложения (*Christ is on the throne / Христос на престоле, Christ has conquered; and Christ will conquer / Христос победил; и Христос победит, Death is a defeated enemy / Смерть – побеждённый враг, God will then set up His judgment seat to judge all unbelievers / Тогда Бог установит Своё судилище, чтобы судить всех неверующих*), так и наиболее типичная модель построения метафоры (X – это Y). Исходя из данных соображений, указанные метафоры эксплицитно репрезентируют метафорические трансформации типа *Бог – это Сила, Бог – это Победитель, Бог – это Судья, Смерть – это Враг* и т. д. семантикой определенных лексем *throne / трон, enemy / враг, judge / судья, conquered / победил*, выраженных различными частями речи (в нашем случае – именами существительными и глаголами). Полагаем, что простая метафора, получившая широкое распространение в проповедях современного периода, понятна, близка адресату, поскольку создает у него яркий образ предмета или явления, заостряя его внимание на значимых характеристиках и свойствах.

В целом же, вне зависимости от способа репрезентации, метафора в тексте религиозной проповеди преследует определенные цели – воздействие на реципиента и формирование особого религиозного мышления и мировоззрения, что, безусловно, значимо в рамках религиозной коммуникации на пути приобщения адресата к вере.

Выводы

На основании проведенного исследования могут быть сформулированы следующие выводы.

1. Англоязычный текст проповеди, выступающий одной из форм манифестации религиозного дискурса, является метафорически значимым публичным дискурсивным жанром, в пределах которого посредством различных языковых средств, включая метафору, осуществляется речевое воздействие на адресата с целью последующего формирования у реципиента особого религиозного сознания и религиозного мировоззрения.

2. Репрезентация метафоры в англоязычной религиозной проповеди с течением времени претерпевает определенные изменения: в текстах XIX в. доминирует развернутая метафора, подразумевающая последовательное и детальное описание метафорического образа, присутствие сложных для восприятия и объемных фрагментов информации, реализуемых в целом контексте; в проповедях, датированных XX в., как правило, реализуется простая метафора, манифестация которой осуществляется при участии отдельно взятых метафорически окрашенных лексических единиц или словосочетаний и соответствует схеме X – это Y.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алимуратов О. А., Милетова Е. В. Когнитивно-фреймовое моделирование категорий, вербализуемых в англоязычном религиозном дискурсе: категория оценки, репрезентируемая именами прилагательными // Проблемы языкознания, теории языка и прикладной лингвистики. Новосибирск, 2015. Т. 2. С. 159-225.
2. Алимуратов О. А., Милетова Е. В., Шибкова О. С. Религиозная метафора и способы ее вербализации в англоязычных теологических текстах // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2023. № 1. С. 32-46.
3. Блуверг С. В. Религиозный дискурс: структура и специфические признаки протестантской проповеди как разновидности религиозного дискурса // Социальная политика и социология. 2007. №2. С. 223-235.
4. Гришакова Е. С., Золотова М. В., Крайнева Н. М. Древнеанглийская проповедь как средство воздействия на формирование мировоззрения адресата (на примере проповеди Вульфстана) // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2016. № 4 (108). С. 105-109.
5. Денисов Д. В. Языковая оценка как средство воздействия проповеди на адресата // Современные лингвистические и методико-дидактические исследования. 2021. № 1 (49). С. 91-100.
6. Кондратьева О. Н. Метафорическое моделирование в религиозном дискурсе // Научный диалог. Екатеринбург. 2012. № 8. С. 191-207.
7. Лакофф Дж. Метафоры, которыми мы живем. Москва: Едиториал УРСС, 2004. 256 с.
8. Лешкова Н. В. Коммуникативно-дискурсивные особенности православной проповеди // Восточнославянская филология. Языкознание. 2019. № 9 (35). С. 80-90.
9. Мечковская Н. Б. Язык и религия. Москва: Агентство «Фаир», 1998. 352 с.
10. Милетова Е. В. Метафорические модели с участием имен прилагательных, реализуемые в современном англоязычном религиозном дискурсе // Филоlogos. 2014. № 20 (1). С. 41-50.
11. Новикова А. А. Современная англоязычная христианская проповедь как специфический вид речевой коммуникации // Вестник Луганского государственного педагогического университета. Серия 3. Филологические науки. Медиакommunikation. 2022. № 4 (86). С. 10-17.
12. Салахова А. Г. Б. Современная религиозная проповедь как креолизованный речевой жанр // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2008. № 1-1 (1). С. 153-155.
13. Солопова О. А., Чудинов А. П. Диахронический анализ метафор в британском корпусе текстов: колокола победы и Russia's V-Day // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика. 2018. Т. 22. № 2. С. 313-337.

14. Сорокина Е. Е. Протестантская проповедь в английском языке в диахроническом аспекте // *Universum: филология и искусствоведение*. 2020. № 10 (77). С. 4-13.
15. Чудинов А. П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991-2000). Екатеринбург: Изд-во Уральского государственного педагогического университета, 2001. 238 с.
16. Ясиновская Е. Г. Проповедь как жанр религиозного дискурса (на материале проповедей Ж. Кальвина) // *Балтийский гуманитарный журнал*. 2020. Т. 9. № 1 (30). С. 349-352.
17. Borchert T. *History and Diversity of Religion // On Human Nature: Biology, Psychology, Ethics, Politics, and Religion*. London; San Diego: Academic Press (an imprint of Elsevier), 2017. P. 661-674.
18. Gibbs R. W., Jr., Cameron L. J. *The Social-Cognitive Dynamics of Metaphor Performance // Cognitive Systems Research*. 2008. No. 9 (1-2). Pp. 64-75.
19. Kort W. A. *Bound to Differ: The Dynamics of Theological Discourses*. University Park, PA: Pennsylvania State University Press, 1992. 160 p.
20. Kövecses Z. *Metaphor: Practical introduction*. N.Y.: Oxford University Press, 2010. 285 p.
21. Monroe K. R. *Biology, Psychology, Ethics, and Politics: An Innate Moral Sense? // On Human Nature: Biology, Psychology, Ethics, Politics, and Religion*. London; San Diego: Academic Press (an imprint of Elsevier), 2017. P. 757-770.
22. Raposa M. L. *Religious Metaphor // Sacred Heart University Review*. 1984. Vol. 4. No. 1. Available at: <http://digitalcommons.sacredheart.edu/shureview/vol4/iss1/1>. (accessed: 06.10.2023).
23. Reichstätter J. *Gods and Demons, Priests and Scholars: The Science of Religion according to Bruce Lincoln // Religio*. 2017. No. 25. P. 69-84.
24. Stiver D. R. *The Philosophy of Religious Language: Sign, Symbol and Story*. Oxford: Blackwell Publishers Ltd., 1996. 272 p.

ИСТОЧНИК ИЛЛЮСТРАТИВНОГО МАТЕРИАЛА

Sermonindex. Available at: www.sermonindex.net. (accessed: 29.09.2023).

REFERENCES

1. Alimuradov, O. A., Miletova, E. V. (2015). Kognitivno-freymovoe modelirovanie kategoriy, verbalizuemykh v angloyazychnom religioznom diskurse: kategoriya otsenki, reprezentiruemaya imenami prilagatelnymi [Cognitive-frame modeling of categories verbalized in English-language religious discourse: evaluation category represented by adjectives]. In *Problemy yazykoznaniya, teorii yazyka i prikladnoy lingvistiki*. Novosibirsk. Vol. 2. Pp. 159-225. (In Russ.).
2. Alimuradov, O. A., Miletova, E. V., Shibkova, O. S. (2023). Religioznaya metafora i sposoby ee verbalizatsii v angloyazychnykh teologicheskikh tekstakh [Religious metaphor and ways of its verbalization in English-language theological texts]. In *Aktualnye problemy filologii i pedagogicheskoy lingvistiki*. No. 1. Pp. 32-46. (In Russ.).
3. Bluvberg, S. V. (2007). Religioznyy diskurs: struktura i specificheskie priznaki protestantskoy propovedi kak raznovidnosti religioznogo diskursa [Religious discourse: structure and specific features of Protestant sermon as a type of religious discourse]. In *Sotsialnaya politika i sotsiologiya*. No. 2. Pp. 223-235. (In Russ.).
4. Grishakova, E. S., Zolotova, M. V., Krayneva, N. M. (2016). Drevneangliyskaya propoved kak sredstvo vozdeystviya na formirovanie mirovozzreniya adresata (na primere propovedi Vulfstana) [The Old English sermon as a means of influencing the formation of the addressee's worldview (bases on Wulfstan's sermon)]. In *Izvestiya Volgogradskogo*

gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. No. 4 (108). Pp. 105-109. (In Russ.).

5. Denisov, D. V. (2021). Yazykovaya otsenka kak sredstvo vozdeystviya propovedi na adresata [Language assessment as means of influencing of the sermon on the addressee]. In *Sovremennye lingvisticheskie i metodiko-didakticheskie issledovaniya*. No. 1(49). Pp. 91-100. (In Russ.).

6. Kondrateva, O. N. (2012). Metaforicheskoe modelirovanie v religioznom diskurse [Metaphorical modeling in religious discourse]. In *Nauchnyy dialog*. Ekaterinburg. No. 8. Pp. 191-207. (In Russ.).

7. Lakoff, Dzh. (2004). *Metafory, kotorymi my zhivem* [Metaphors we live by]. Moskva: Editorial URSS. (In Russ.).

8. Leshkova, N. V. (2019). Kommunikativno-diskursivnye osobennosti pravoslavnoy propovedi [Communicative and discursive features of Orthodox sermon]. In *Vostochnoslavyanskaya filologiya. Yazykoznanie*. No. 9 (35). Pp. 80-90.

9. Mechkovskaya, N. B. (1998). *Yazyk i religiya* [Language and religion]. Moskva: Agentstvo «Fair». (In Russ.).

10. Miletova, E. V. (2014). Metaforicheskie modeli s uchastiem imen prilagatelnykh, realizuemye v sovremennom angloyazychnom religioznom diskurse [Metaphorical models involving adjectives, implemented in modern English-language religious discourse]. In *Filologos*. No. 20 (1). Pp. 41-50.

11. Novikova, A. A. (2022). Sovremennaya angloyazychnaya khristianskaya propoved kak spetsificheskii vid rechevoy kommunikatsii [Modern English-language Christian sermon as a specific type of speech communication]. In *Vestnik Luganskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Seriya 3. Filologicheskie nauki. Mediakommunikatsii*. No. 4(86). Pp. 10-17. (In Russ.).

12. Salakhova, A. G. B. (2008). Sovremennaya religioznaya propoved kak kreolizovannyi rechevoy zhanr [Modern religious sermon as a creolized speech genre]. In *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*. No. 1-1 (1). Pp. 153-155. (In Russ.).

13. Solopova, O. A., Chudinov, A. P. (2018). Diakhronicheskii analiz metafor v britanskom korpusе tekstov: kolokola pobedy i Russia's V-Day [Diachronic analysis of metaphors in the British corpus of texts: Victory Bells and Russia's V-Day]. In *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Lingvistika*. Vol. 22. No. 2. Pp. 313-337. (In Russ.).

14. Sorokina, E. E. (2020). Protestantskaya propoved v angliyskom yazyke v diakhronicheskom aspekte [Protestant sermon in English in a diachronic aspect]. In *Universum: filologiya i iskusstvovedenie*. No. 10 (77). Pp. 4-13. (In Russ.).

15. Chudinov, A. P. (2001). *Rossiya v metaforicheskom zerkale: kognitivnoe issledovanie politicheskoy metafory (1991-2000)* [Russia in a metaphorical mirror: a cognitive study of political metaphor (1991-2000)]. Ekaterinburg: Izd-vo Uralskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. (In Russ.).

16. Yasinovskaya, E. G. (2020). Propoved kak zhanr religioznogo diskursa (na materiale propovedey Zh. Kalvina) [Sermon as a genre of religious discourse (based on J. Calvin's sermons)]. In *Baltiyskiy gumanitarnyy zhurnal*. Vol. 9. No. 1 (30). Pp. 349-352. (In Russ.).

17. Borchert, T. (2017). History and Diversity of Religion. In *On Human Nature: Biology, Psychology, Ethics, Politics, and Religion*. London; San Diego: Academic Press (an imprint of Elsevier). Pp. 661-674.

18. Gibbs, R. W., Jr., Cameron, L. J. (2008). The Social-Cognitive Dynamics of Metaphor Performance. In *Cognitive Systems Research*. No. 9 (1-2). Pp. 64-75.

19. Kort, W. A. (1992). *Bound to Differ: The Dynamics of Theological Discourses*. University Park, PA: Pennsylvania State University Press.

20. Kövecses, Z. (2010). *Metaphor: Practical introduction*. N.Y.: Oxford University Press.

21. Monroe, K. R. (2017). *Biology, Psychology, Ethics, and Politics: An Innate Moral*

Sense? In *On Human Nature: Biology, Psychology, Ethics, Politics, and Religion*. London; San Diego: Academic Press (an imprint of Elsevier). Pp. 757-770.

22. Raposa, M. L. (1984). Religious Metaphor. In *Sacred Heart University Review*. Vol. 4. No. 1. Available at: <http://digitalcommons.sacredheart.edu/shureview/vol4/iss1/1>. (accessed: 06.10.2023).

23. Reichstätter, J. (2017). Gods and Demons, Priests and Scholars: The Science of Religion according to Bruce Lincoln. In *Religio*. No. 25. Pp. 69-84.

24. Stiver, D. R (1996). *The Philosophy of Religious Language: Sign, Symbol and Story*. Oxford: Blackwell Publishers Ltd.

SOURCE OF ILLUSTRATIVE MATERIAL

Sermonindex. Available at: www.sermonindex.net. (accessed: 29.09.2023).

Милетова Екатерина Владимировна – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры английского языка и профессиональной коммуникации (katemiletova@rambler.ru), Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Пятигорский государственный университет»
357532, Пятигорск, пр. Калинина, 9

Miletova Ekaterina V. – Candidate of Philology, Associate Professor, Associate Professor of English and Professional Communication Department (katemiletova@rambler.ru), Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «Pyatigorsk State University»
9 Kalinina, Pyatigorsk, 357532

Поступила в редакцию 24 октября 2023 г.

ДИМИНУТИВНЫЕ И АУГМЕНТАТИВНЫЕ НАИМЕНОВАНИЯ ЛИЦА ПО ПРИЗНАКУ ТРУДОВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Настоящая статья посвящена исследованию национально-культурного компонента значения диминутивных и аугментативных наименований лица по трудовой деятельности в английском языке. Установлено количественное преобладание диминутивных обозначений человека над аугментативными. Осуществлена семантическая классификация диминутивов и аугментативов по профессии. Выявлено превалирование наименований военнослужащего и священнослужителя. Описана актуализация национально-культурного компонента значения в рассматриваемых лексемах.

Ключевые слова: диминутив, аугментатив, наименование лица, трудовая деятельность, семантика, национально-культурный компонент.

© 2023 A. S. Ososkova

ENGLISH DIMINUTIVE AND AUGMENTATIVE DESIGNATIONS OF PERSON BY LABOUR

The article addresses the national and cultural component of meaning of diminutive and augmentative designations of a person by labour in English. Diminutive designations of a person prevail over augmentative ones. Semantic classification of diminutives and augmentatives by labour is suggested. Predominance of designations of a serviceman and a clergyman is determined. Verbalization of national and cultural component in the meaning of the lexemes under study is considered.

Kew words: diminutive, augmentative, designation of a person, labour, semantics, national and cultural component.

1. Введение

Данная статья посвящена изучению диминутивных и аугментативных наименований лица по трудовой деятельности в английском языке, то есть таких единиц, как:

1. *Medico* ‘медик’ – UK a medical doctor, whether physician or surgeon [CNPDSUE];
2. *Mech* ‘механик’ – UK a mechanic [CNPDSUE];
3. *Supermodel* ‘супермодель’ – a famous and successful fashion model [Merriam-Webster];
4. *Big hat* ‘полицейский’ – US a local state trooper [CNPDSUE].

В словаре русского языка понятие *труд* трактуется как «целесообразная деятельность человека, работа, требующая умственного или физического напряжения» [Ефремова]. Английская лингвистика определяет термин *labour* как «the services performed by workers for wages» [Merriam-Webster]. Из анализа словарных дефиниций следует, что в англоязычной картине мира труд – это осознанная деятельность человека, требующая специальной подготовки и рассматриваемая как источник заработка.

Язык – это продукт культуры, носителем которой выступает человек. Вслед за В. Н. Телия «субъект номинации и речевой деятельности – это всегда субъект национальной культуры» [Телия, 1996: 214], поэтому диминутивные и аугментативные наименования лица по трудовой деятельности содержат национально-специфическую информацию.

В языке отмечено сосуществование пласта официальной нейтральной лексики и производных маркированных словоформ, которые вступают друг с другом в отношения семантической эквивалентности. Диминутивные и аугментативные наименования лица по трудовой деятельности являются производными образованиями, которые на ряду с количественным значением (уменьшительность / увеличительность) выражают коннотативные смыслы, а именно, эмоциональную, оценочную и стилистическую окраску. Диминутивы и аугментативы рассматриваемой группы обладают сходными структурными особенностями, то есть образуются синтетическим и аналитическим способом.

Актуальность данного исследования обусловлена интенсивным появлением в английском языке производных словоформ, передающих значение диминутивности и аугментативности, в результате необходимости выражения субъективной оценки и эмоционального состояния говорящего к объекту номинации. С позиции антропоцентрической парадигмы особую актуальность имеет изучение английских наименований лица по профессии, поскольку именно труд выделяет человека из остального мира. Изучение национально-культурного компонента значения диминутивов и аугментативов по трудовой деятельности вызывает интерес отечественной и зарубежной лингвистики в связи с тем, что лингвокультурная специфика лексического пласта английского языка отличается в зависимости от англоговорящей страны или региона.

Цель работы – установление и описание национально-культурного компонента значения диминутивных и аугментативных наименований лица по трудовой деятельности в английском языке.

В современной лингвистической литературе аугментативы представлены довольно фрагментарно, акцент делается на структурно-семантические исследования таких лексем [Курилова, 2018; Sarwar, 2018]. Фокус исследователей сосредоточен на изучении диминутивов в аспекте оценочности [Шмелева, 2023], морфофонологии [Davis, 2023], межкультурной коммуникации [Агеева, Салахиева, 2023], этнопсихолингвистики [Штеба, Никодимова, 2023]. Актуальным остается анализ диминутивов и аугментативов в сопоставительном аспекте, ведь данные языковые единицы выполняют аналогичные функции с помощью разных стратегий [Ефремов, 2021; Zivingi, Sulaiman, 2022].

В качестве методологической основы исследования использованы труды в области оценки [Арутюнова, 1999; Бессонова, Осташова, 2022; Вольф, 2020; Телия, 2008; Vyessonova, 2021], в рамках предметного поля диминутивности и аугментативности [Dressler, Barbaresi, 2011; Schneider, 2012; Manova, Grestenberger, Korecky-Kröll, 2023], а также лингвокультурологической парадигмы [Воробьев, 1997; Маслова 2016].

2. Результаты исследования

2.1. Материал исследования и критерии его отбора

В корпус материала исследования входит 631 наименование лица по трудовой деятельности, в том числе 504 диминутива (80%) и 127 аугментативов (20%), полученное методом сплошной выборки из авторитетных толковых словарей английского языка: Green's Dictionary of Slang, Merriam-Webster Dictionary, The Concise New Partridge Dictionary of Slang and Unconventional English, The Lingo Dictionary of favourite Australian words and phrases, The New Shorter Oxford English Dictionary on Historical Principles [Green's Dictionary; Merriam-Webster; CNPDSUE; Lingo Dictionary; NSOED]. Отбор английских диминутивных и аугментативных наименований лица по трудовой деятельности осуществлялся на основании следующих критериев.

Первым критерием является наличие в толковании антропоморфного маркера, указывающего на человека (*a person, a person of, a person who, someone who*).

Второй критерий заключается в наличии указателя профессии в толковании (*priest, lieutenant, bricklayer, journalist*).

Третьим критерием выступает наличие маркера узуальной оценки в толковании. На субъективную оценку в дефиниции указывают качественные прилагательные. Маркерами диминутивности могут послужить прилагательные *inferior, secondary, petty, unqualified*, а маркерами аугментативности – *chief, famous, successful, prominent*.

Четвертым критерием отбора эмпирического материала служит наличие категориального показателя. Он может быть представлен аффиксом или дескриптором. Категориальным показателем диминутивности могут быть суффиксы *-ie (-ie, -ey), -o, -s, -aster, -ette*, префиксы *under-, sub-, hypo-, vice-*, прилагательные *baby, little, rear, petty, second, junior, half*. Категориальным показателем аугментативности могут послужить префиксы *super-, arch-, mega-*, прилагательные *big, chief, superior, grand, head*.

Пятым критерием отбора является наличие лексикографического маркера в виде эмотивных (*derog.*), стилистических (*slang, colloq., informal*) и территориальных помет (*UK, US, Aus, NZ, Canada, Scotland*).

2.2. Характеристика материала исследования

В эмпирический материал исследования входят диминутивные наименования военнослужащего (*swaddy* ‘солдатик’), священнослужителя (*priestling* ‘попик’), государственного служащего (*dep* ‘депутат’), водителя транспорта (*chauf* ‘шофер’), фермера (*farmerette* ‘фермерша’), грузчика (*coalie* ‘погрузчик угля’), надзирателя общественного порядка (*knocko* ‘полицейский из отдела по борьбе с наркотиками’), врача (*physio* ‘физиотерапевт’), работника сферы образования (*chalkie* ‘учитель’), техника (*sparks* ‘электрик’), журналиста (*gaz* ‘газетчик’), музыканта (*compo* ‘композитор’) и представителей других профессий.

В выборке выявлены аугментативные наименования служителя религиозного культа (*archdeacon* ‘архидиакон’), военнослужащего (*big dad* ‘старший инструктор по боевой подготовке’), госслужащего (*prime minister* ‘премьер-министр’), работника образовательной сферы (*senior lecturer* ‘старший преподаватель’), сотрудника правоохранительных органов (*super-snooper* ‘супер-детектив’) и другие.

Среди диминутивных наименований преобладают обозначения военнослужащего (14%), а среди аугментативных единиц – священнослужителя (22%). С одной стороны, превалирование таких наименований человека по трудовой деятельности обусловлено лингвистическими процессами. Для представителей духовенства и военных предусмотрены ранги от низшего к высшему, что отражает семантику уменьшительных и увеличительных словоформ относительно нулевой отметки. С другой стороны, высокая численность обозначений военнослужащего и священнослужителя в английском языке объясняется особой значимостью данных профессий в англоязычном сообществе.

Христианство как основная религия англоязычной лингвокультуры предопределяет целый пласт аугментативных наименования священнослужителя с учетом иерархии: *archbishop* ‘архиепископ’, *archpresbyter* ‘протоиерей’, *archpastor* ‘архипастырь’. В англоязычных странах существует множество религиозных организаций, среди них международная религиозно-филантропическая организация Армия Спасения (англ. *Salvation Army*). Суффиксальным сленгизмом *Salvo* ‘сальво’ в австралийском английском именуют члена данной организации, который помогает нуждающимся.

За свою историю Соединенные штаты Америки участвовали во множестве военных кампаний. Во время Вьетнамской войны (1955-1975) в обиход вошло диминутивное словосочетание *doughnut dolly* ‘пончиковая куколка’, которым называли женщин-волонтеров Красного Креста, раздающих пончики военнослужащим. В период Корейской

войны (1950-1953) появилось устойчивое словосочетание *bed-check Charlie* ‘бедчек Чарли’ (буквально «Чарли, срывающий с кровати»), которым называли пилотов, совершающих ночью массированные воздушные налеты по американским войскам.

В диминутиве *bobby* ‘бобби (полицейский)’ зафиксирован узнаваемый символ британской лингвокультуры, а именно, образ английского офицера полиции. История данного прозвища уходит корнями в конец XIX века и связана с именем премьер-министра Великобритании сэра Роберта Пиля, который принял Закон «О столичной полиции», чем сделал работу правоохранительных органов эффективнее. Следовательно, имя отца современной британской полиции стало нарицательным и пишется со строчной буквы: *Robert* ‘Роберт’ < *bobby* ‘бобби (полицейский)’.

В суффиксальном диминутиве *waddie* ‘ковбой’, этимология которого затемнена, отражен стереотипный образ американского парня. Ковбой или скотник, пасущий крупный рогатый скот на ранчо, исторически ассоциируется с Диким Западом, современными штатами Техас, Оклахома, Канзас, Колорадо и другими, которые славятся своими плодородными землями и считаются центром американского сельского хозяйства и скотоводства.

Диминутив *cocky* ‘фермер’ образован от нейтрального австрализма *cockatoo* ‘мелкий фермер’, а диминутив *sheepo* ‘пастух’ произведен от существительного *sheep* ‘овца’. Данные неформальные прозвища зародились и функционируют в Австралии и Новой Зеландии, для которых выращивание овощей, фруктов, виноделие, пчеловодство, животноводство, молочное животноводство, рыболовство, а также производство шерсти и хлопка являются основой экономики.

В 2002 году в канадском английском появилось неформальное диминутивное прозвище певицы в ночном клубе *chantoosie* ‘клубная певица’. Примечательно, что употребление лексемы ограничено рамками канадского города Монреаль. Слово заимствовано из французского *chanteuse* ‘певица’ и оформлено уменьшительным суффиксом *-ie*. Это не удивительно, ведь в билингвальной Канаде французский язык признан официальным наряду с английским.

В антарктическом английском, на котором говорят жители Антарктиды, есть диминутив *doggo* ‘разводчик ездовых собак’, образованный от существительного *dog* ‘пес’. В самом холодном и безлюдном месте на Земле ездовые собаки не только служат средством для перевоза грузов и самостоятельного передвижения людей, но и составляют им компанию.

3. Выводы

1. В ходе анализа словарных дефиниций ключевого термина исследования *labour* ‘труд’ установлен более широкий семантический объем понятия в английском языке.

Отмечено, что в англоязычной картине мира труд считается источником заработка.

2. Количественное значение в языке выражается диминутивами и аугментативами. Диминутивы передают значение малости, в аугментативы – большой величины. При этом уменьшительные и увеличительные языковые единицы способны выражать субъективные эмоционально-оценочные оттенки значения.

3. Диминутивные и аугментативные наименования лица по трудовой деятельности являются семантически и структурно осложненными производными от нейтральных лексем. Маркированные единицы приобретают дополнительные денотативные смыслы, расширяют коннотативное значение и изменяют свою структурную форму.

4. Сплошная выборка эмпирического материала проводилась из лексикографических источников с учетом пяти установленных критериев: наличие в толковании антропоморфного маркера, указателя профессии, маркера узуальной оценки, наличие категориального показателя в виде аффикса или дескриптора, наличие лексикографического маркера.

5. В результате исследования установлен корпус английских диминутивных и аугментативных наименований лица по трудовой деятельности, который составляет 631 единица. Выявлено количественное преобладание диминутивов (80%) над аугментативами (20%).

6. В рамках лексико-семантической группы «трудовая деятельность» выявлены обозначения военнослужащего, священнослужителя, государственного служащего, работника сферы образования, сотрудника правоохранительных органов и других. Количественный анализ наименований по трудовой деятельности показал, что наиболее многочисленными диминутивами являются обозначения военнослужащего (14%), а аугментативами – обозначения священнослужителя (22%), что обусловлено лингвистическими особенностями и общественными процессами в англоязычном социуме.

7. Диминутивные и аугментативные обозначения человека по трудовой деятельности кодируют свойственные англоязычному лингвокультурному коллективу реалии среды, культуры, быта, а также ценности, идеалы и установки людей. Так, анализируемые культурно-маркированные языковые единицы отражают профессии, географическое положение, климат, вероисповедание, политическую, военную, экономическую, социальную ситуацию в стране и мире.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Агеева Ю. В. Диминутивные формы в аспекте межкультурной коммуникации // Филология и культура. 2023. № 2 (72). С. 193-198.
2. Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. Москва, 1999. I–XV. 896 с.
3. Бессонова О. Л., Осташова О. И. Оценочное высказывание в англоязычном художественном дискурсе XIX-XX веков // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2. Языкознание. 2022. Т. 21. № 4. С. 72-86.
4. Вольф Е. М. Функциональная семантика оценки. Серия: Лингвистическое наследие XX века. Изд. стереотип. URSS. 2020. 278 с.
5. Воробьев В. В. Лингвокультурология: теория и методы. Москва: Изд-во РУДН, 1997. 331 с.
6. Ефремов В. А. Аффектонимы: семантика, прагматика и лингвокультурология // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2021. № 73. С. 18-37.
7. Курилова С. Н. Аугментативность как аффиксально маркированная категория частей речи в юкагирском языке (на материале языка тундровых юкагиров) // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2018. Т. 16. № 3. С. 88-101.
8. Маслова В. А. Коды лингвокультуры. Москва: ФЛИНТА : Наука, 2016. 180 с.
9. Телия В. Н. Русская фразеология: семантический, парадигматический и лингвокультурологический аспекты. Москва: Язык русской культуры, 1996. 288 с.
10. Телия В. Н. Человеческий фактор в языке. Языковые механизмы экспрессивности. Москва, 2008. 220 с.
11. Шмелева Т. В. Оценочные высказывания в комментариях к стриму // Verba. Северо-Западный лингвистический журнал. 2023. № 2 (7). С. 89-102.
12. Штеба А. А., Никодимова А. Д. Недостаточные эмоции в парадигме языковой категоризации эмоций // Этнопсихолингвистика. 2023. № 3 (14). С. 58-73.
13. Byessonova O. Evaluative Thesaurus as Instrument in Coding Values of the English Linguocultural Community. In: The Ethical and Axiological Aspects in the Literature and the Culture of the 20th and 21st Centuries: Collective monograph / edited by Maja Jakimovska-Toshikj, Katarina Žeňuchová. Skopje: Institute of Macedonian Literature, Ss. Cyril and Methodius University, 2021. P. 259-284.
14. Davis C. The morpho-phonology of an English diminutive. Proceedings of the Linguistic Society of America. 8 (1). 2023. Available at: <https://journals.linguisticsociety.org/proceedings/index.php/PLSA/article/view/5497/5139>. (accessed: 17.10.2023)
15. Dressler W., Barbaresi M. Morphopragmatics: diminutives and intensifiers in Italian, German and other languages. Berlin, 2011. 690 p.
16. Manova S., Grestenberger L., Korecky-Kröll K. Introduction: Diminutives across languages, theoretical frameworks and linguistic domains // Trends in Linguistics. Studies and Monographs. Berlin, 2023. P. 1-26 (preprint).
17. Sarwar M. A Study of Augmentativization in English and Bangla // JER Journal of ELT Research. Vol. 3. No. 1. 2018. P. 68-77.
18. Schneider K. Diminutives in English. Max Niemeyer Verlag GmbH, Tübingen, 2012. 266 p.
19. Zivingi S., Sulaiman R. Comparative morphological analysis of diminutive and augmentative in English, Kurdish and Arabic. International Journal of Communication. Vol. 9. Iss. 2. 2022. P. 132-135.

СПИСОК ЛЕКSIKOGPAΦИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ

1. Ефремова Т. Ф. Современный толковый словарь русского языка. Доступ: <http://www.efremova.info>. (дата обращения: 17.10.2023)

2. Green's Dictionary of Slang. Available at: <https://greensdictofslang.com>. (accessed: 17.10.2023)
3. Merriam-Webster Dictionary. Available at: <https://www.merriam-webster.com>. (accessed: 17.10.2023)
4. The Concise New Partridge Dictionary of Slang and Unconventional English. London, New York, 2007. 740 p. [CNPDSUE].
5. The Lingo Dictionary of favourite Australian words and phrases. Auckland: Exisle Publishing Limited, 2010. 342 p.
6. The New Shorter Oxford English Dictionary on Historical Principles. Oxford, 2002. Vol. 1–2. 3750 p. [NSOED].

REFERENCES

1. Ageeva, Yu. V. (2023). Diminutivnye formy v aspekte mezhkulturnoy kommunikatsii [Diminutive forms in the aspect of intercultural communication]. In *Filologiya i kultura*. No. 2(72). Pp. 193-198. (In Russ.).
2. Arutyunova, N. D. (1999). *Yazyk i mir cheloveka* [Language and world of man]. Moskva. I–XV. (In Russ.).
3. Bessonova, O. L., Ostashova, O. I. (2022). Otsenochnoe vyskazyvanie v angloyazychnom khudozhestvennom diskurse XIX-XX vekov [Evaluative Utterance in the English-Speaking Fictional Discourse of the 19th and 20th Centuries]. In *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie*. Vol. 21. No. 4. Pp. 72-86. (In Russ.).
4. Volf, E. M. (2020). *Funktsionalnaya semantika otsenki* [Functional Semantics of Evaluation]. Seriya: Lingvisticheskoe nasledie XX veka. Izd. ster. URSS. (In Russ.).
5. Vorobev, V. V. (1997). *Lingvokulturologiya: teoriya i metody* [Linguistic culturology: theory and methods]. Moskva: Izd-vo RUDN. (In Russ.)
6. Efremov, V. A. (2021). Affektonimy: semantika, pragmatika i lingvokulturologiya [Affectonyms: semantics, pragmatics, and cultural linguistics]. In *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya*. No. 73. Pp. 18-37. (In Russ.).
7. Kurilova, S. N. (2018). Augmentativnost kak affiksallyno markirovannaya kategoriya chastei rechi v yukagirskom yazyke (na materiale yazyka tundrovyykh yukagirov) [Augmentativity as a marked affixal speech parts category in Tundra Yukaghir]. In *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika i mezhkulturnaya kommunikatsiya*. Vol. 16. No. 3. Pp. 88-101. (In Russ.).
8. Maslova, V. A. (2016). *Kody lingvokultury* [Linguistic culture codes]. Moskva: FLINTA : Nauka. (In Russ.).
9. Teliya, V. N. (1996). *Russkaya frazeologiya: semanticheskiy, paradigmicheskiy i lingvokulturologicheskiy aspekty* [Russian Phraseology: Semantic, Paradigmatic, and Linguocultural Aspects]. Moskva: Yazyk russkoy kultury. (In Russ.).
10. Teliya, V. N. (2008). *Chelovecheskiy faktor v yazyke. Yazykovye mekhanizmy ekspressivnosti* [Human factor in language. Language mechanisms of expressiveness]. Moskva (In Russ.).
11. Shmeleva, T. V. (2023). Otsenochnye vyskazyvaniya v kommentariyakh k strimu [Evaluative statements in the comments to stream]. In *Verba. Severo-Zapadnyy lingvisticheskiy zhurnal*. No. 2 (7). Pp. 89-102. (In Russ.).
12. Shteba, A. A., Nikodimova, A. D. (2023). Nedostatochnye emotsii v paradigme yazykovoy kategorizatsii emotsii [Insufficient emotions in the paradigm of linguistic categorization of emotions]. In *Etnopsikholingvistika*. No. 3 (14). Pp 58-73. (In Russ.).
13. Byessonova, O. (2021). Evaluative Thesaurus as Instrument in Coding Values of the English Linguocultural Community. In *The Ethical and Axiological Aspects in the Literature and*

the Culture of the 20th and 21st Centuries: Collective monograph. In Maja Jakimovska-Toshikj, Katarina Žeňuchová (eds.). Skopje: Institute of Macedonian Literature, Ss. Cyril and Methodius University. Pp. 259-284.

14. Davis, C. (2023). The morpho-phonology of an English diminutive. In *Proceedings of the Linguistic Society of America*. 8 (1). Available at: <https://journals.linguisticsociety.org/proceedings/index.php/PLSA/article/view/5497/5139>. (accessed: 17.10.2023)

15. Dressler, W. U., Barbaresi, L. M. (2011). *Morphopragmatics: diminutives and intensifiers in Italian, German and other languages*. Berlin.

16. Manova, S., Grestenberger, L., Korecky-Kröll, K. (2023). Introduction: Diminutives across languages, theoretical frameworks and linguistic domains. In *Trends in Linguistics. Studies and Monographs*. Berlin. Pp. 1-26 (preprint).

17. Sarwar, M. A. (2018). Study of Augmentativization in English and Bangla. In *JER Journal of ELT Research*. Vol. 3. No. 1. Pp. 68-77.

18. Schneider, K. P. (2012). *Diminutives in English*. Max Niemeyer Verlag GmbH, Tübingen.

19. Zivingi, S., Sulaiman, R. (2022) Comparative morphological analysis of diminutive and augmentative in English, Kurdish and Arabic. In *International Journal of Communication*. Vol. 9. Iss. 2. Pp. 132-135.

LEXICOGRAPHIC SOURCES

1. Efremova T. F. *Sovremennyy tolkovyy slovar russkogo yazyka* [The modern Russian Dictionary]. Available at: <http://www.efremova.info>. (accessed: 17.10.2023). (In Russ.).

2. *Green's Dictionary of Slang*. Available at: <https://greensdictofslang.com>. (accessed: 17.10.2023).

3. *Merriam-Webster Dictionary*. Available: <https://www.merriam-webster.com>. (accessed: 17.10.2023).

4. *The Concise New Partridge Dictionary of Slang and Unconventional English*. Routledge, 2007.

5. *The Lingo Dictionary of favourite Australian words and phrases*. Auckland: Exisle Publishing Limited, 2010.

6. *The New Shorter Oxford English Dictionary on Historical Principles*. Oxford: Oxford University Press, 2002. Vol. 1–2.

Осокова Анна Сергеевна – аспирант
кафедры английской филологии
(e-mail: anna_ososkova@mail.ru),
Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего
образования «Донецкий государственный
университет»
283001, Донецк, Университетская, 24

Ososkova Anna S. – Post-Graduate Student
of English Philology Department
(e-mail: anna_ososkova@mail.ru),
Federal State Educational Institution of Higher
Education «Donetsk State University»
24 Universitetskaya, Donetsk, 283001

Поступила в редакцию 19 октября 2023 г.

УДК 81'42:811.111

© 2023 И. В. Фатьянова

ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ОЦЕНОЧНОЙ ЛЕКСИКИ В АМЕРИКАНСКОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ XX – НАЧАЛА XXI ВЕКОВ (НА МАТЕРИАЛЕ ПУБЛИЧНЫХ ВЫСТУПЛЕНИЙ ПРЕЗИДЕНТОВ)*

Статья посвящена исследованию функционирования оценочной лексики в американском политическом дискурсе XX – начала XXI веков, которая была отмечена в официальных выступлениях президентов США. Обосновывается необходимость исследования языковых средств, которые повышают перлокутивный эффект речи президента. Определены функции, которые выполняет оценочная лексика в ритуальном жанре президентских выступлений в XX – начале XXI веков.

Ключевые слова: оценочная лексика, американский политический дискурс, лингвокультурологический анализ, политическая фразеология, идеологема, мифологема, эвфемизм.

© 2023 I. V. Fatyanova

PECULIARITIES OF LINGUISTIC MEANS OF EVALUATION FUNCTIONING IN AMERICAN POLITICAL DISCOURSE OF THE XXTH – BEGINNING OF THE XXIST CENTURIES

The article presents the analysis of linguistic means of evaluation functioning in the American political discourse of the XXth – beginning of the XXIst centuries, singled out in the public speeches of the US presidents. The necessity to study the language means that highlight the perlocutionary effect of presidential speech is foregrounded. The functions that linguistic means of evaluation fulfil in presidential speeches are determined.

Key words: linguistic means of evaluation, American political discourse, linguo-cultural analysis, political phraseology, ideologeme, mythologeme, euphemism.

Вводные замечания. Статья посвящена изучению функционирования оценочной лексики в американском политическом дискурсе (далее АПД) XX – начала XXI веков, выявлению и анализу способов формирования общественного мнения с помощью данного вида лексики на материале публичных выступлений президентов США.

Многогранность оценки определяется тем фактом, что ее лингвистическая природа изучается в различных направлениях: когнитивном, стилистическом, прагматическом и др. Оценка является универсальной в том плане, что она просматривается в языках всех народов, причем на всех этапах их исторического развития в тесной связи с эволюцией цивилизованного общества. На современном этапе развития языкознания для лингвистов особый интерес вызывает исследование оценочных единиц по таким направлениям, как

* Исследование проводилось по теме государственного задания (номер госрегистрации 1023031200012-7-6.2.1).

1) аксиология и оценочная семантика (Н. Д. Арутюнова, О. Л. Бессонова, Е. М. Вольф, В. И. Карасик, Т. В. Маркелова, Е. Ф. Серебренникова, G. Thompson, P. Pupier, и др.); 2) дискурсология (Л. Г. Викулова, Т. Г. Добросклонская, В. И. Карасик, Е. С. Кубрякова, Н. И. Формановская, Е. И. Шейгал, Т. А. van Dijk и др.); 3) прагмалингвистика (М. М. Бахтин, Н. Н. Болдырев, А. А. Ворожбитова, Ю. Н. Караулов, В. Н. Телия, G. Lakoff и др.); 4) стилистика (И. В. Арнольд, Э. В. Будаев, К. А. Долинин, М. Р. Желтухина, Ю. С. Степанов, А. П. Чудинов, P. Charaudeau, C. Fromilhague, M. Bonhomme и др.).

Следует заметить, что как XX в., так и начало XXI в., стало временем, когда глобальные конфликты и войны, которые касаются ценностей отдельных культур, религий и цивилизаций, стали доминантными во всем мире. В отличие от норм поведения, общепринятых в обществе согласно регистру общения, непосредственная апелляция к ценностям больше характерна для институционального, ритуального, идеологического общения, например, для различных типов политического дискурса (далее ПД) [Шейгал, 2004; Светоносова, 2006]. Однако систематическое лингвокультурологическое исследование, посвященное ценностям, используемым в АПД на материале публичных выступлений президентов, не осуществлялось.

Таким образом, актуальность темы работы обусловлена отсутствием комплексного исследования функционирования оценочной лексики в ПД и состоит, во-первых, в значимости категории оценки как для любой культуры вообще, так, и американской, в частности, и, во-вторых, изучение культурных ценностей в лексической системе языка и АПД, дает ключ к овладению национальной концептосферой и пониманию предпосылок, лежащих в основе ее динамичных проявлений.

Объектом исследования является система оценочных средств в АПД XX – начала XXI веков, **предметом** – специфика употребления средств выражения оценки гарантами Конституции США.

Цель работы состоит в изучении средств выражения оценки, используемых в публичных выступлениях президентов США, а именно, выявление, каким образом оценочная лексика формирует общественное мнение и создает оценочное отношение к происходящим событиям, способствует формированию оценочных стереотипов у адресатов сообщения.

Характеристика материала исследования и методика его анализа

АПД представляет собой форму социального взаимодействия, определяемую конкретными ценностями и социальными нормами, условностями и социальной практикой, ограниченной и находящейся под влиянием конкретных институциональных структур в социуме и реальных временных процессов. Включение историко-социальной

перспективы в объем понятия АПД позволяет в большей степени отразить динамику социальной природы языкового знака на любом уровне и рассмотреть его в качестве результата социальных процессов, мотивированных единством формы и значения.

Центральным жанром АПД является речь президента, так как она соответствует основной интенции ПД – борьбе за власть. Основными признаками АПД являются хронотоп общения адресанта и адресата, институциональная сфера общения, тематическая заданность общения, коммуникативная цель, лексические, грамматические средства и стилистические особенности риторического произведения, используемые для достижения перлокутивного эффекта.

Пространство АПД XX – начала XXI веков, реализуемое публичными выступлениями президентов, представляет собой совокупность ритуальных, ориентационных и агональных жанров.

Материал исследования составили тексты официальных стенограмм публичных выступлений 20 президентов США за период с 1901 г. по 2021 г., представленные на сайте – *Millercenter.org: Presidential speeches*. Проанализированы 80 речей (66 текстов XX в. и 14 текстов XXI в.), относящиеся к ритуальным жанрам политического дискурса (см. табл. 1).

Таблица 1. *Ритуальный жанр президентской речи в АПД в XX – начала XXI вв.*

№	Президент	Ритуальные жанры					ВСЕГО
		Инаугурационная речь	Традиционное обращение	Юбилейная речь	Прощальная речь	Речь-оправдание / покаяние	
1	2	3	4	5	6	7	8
XX век							
1.	Теодор Рузвельт (14.09.1901-04.03.1909)	1	2				3
2.	Уильям Тафт (04.03.1909-04.03.1913)	1					1
3.	Вудро Вильсон (04.03.1913-04.03.1921)	2		3			5
4.	Уоррен Гардинг (04.03.1921-02.08.1923)	1					1
5.	Калвин Кулидж (02.08.1923-04.03.1929)	1	1	3			5
6.	Герберт Гувер (04.03.1929-04.03.1933)	1					1
7.	Франклин Рузвельт (04.03.1933-12.04.1945)	4		1			5
8.	Гарри Трумэн (12.04.1945-20.01.1953)	1		2	1		4
9.	Дуайт Эйзенхауэр (20.01.1953-20.01.1961)	1			1		2
10.	Джон Кеннеди (20.01.1961-22.11.1963)	1	5	4			10
11.	Линдон Джонсон (22.11.1963-20.01.1969)	1	3	2			6
12.	Ричард Никсон (20.01.1969-09.08.1974)	2			1		3
13.	Джеральд Форд (09.08.1974-20.01.1977)		1			1	2

Окончание табл. 1

<i>I</i>	<i>2</i>	<i>3</i>	<i>4</i>	<i>5</i>	<i>6</i>	<i>7</i>	<i>8</i>
14.	Джимми Картер (20.01.1977-20.01.1981)	1			1		2
15.	Рональд Рейган (20.01.1981-20.01.1989)	2		4	2		8
16.	Джордж Герберт Уокер Буш («Джордж Буш-старший») (20.01.1989-20.01.1993)	1					1
17.	Билл Клинтон (20.01.1993-20.01.2001)	2		2	1	2	7
ВСЕГО В XX ВЕКЕ		23	12	21	7	3	66
XXI век							
18.	Джордж Уокер Буш («Джордж Буш-младший») (20.01.2001-20.01.2009)	2			1		3
19.	Барак Обама (20.01.2009-20.01.2017)	2		2			4
20.	Дональд Трамп (20.01.2017-20.01.2021)	1		4	1	1	7
ВСЕГО В XXI ВЕКЕ		5		6	2	1	14

В основе работы лежат общенаучные принципы системного анализа (классификация, описание, моделирование), а также частнонаучного (контекстуальный анализ, лингвостилистический анализ, а также количественный анализ для выявления частотности средств выражения оценки).

Теоретические основы исследования оценочной лексики в АПД XX – начала XXI веков

Лингвокультурологические исследования [Бабаева, 2004; Карасик, 2002; Телия, 1988; Шейгал, 2002; Ashilova, Begalinov, Pushkarev et al., 2023; Ikhsanova, 2021; Khrebtov, 2020; Khuchbarova, 2021 и др.] доказывают привязанность национальных ценностей к конкретной культуре. Установление ценностных доминант, характерных для определённого этнокультурного сообщества, позволяет выявить отличия в мировосприятии отдельных народов и социальных групп. В. И. Карасик рассматривает ценности как «наиболее фундаментальные характеристики культуры», лежащие в основе оценки того, что окружает человека [Карасик, 2002: 116].

Ценностная картина мира включает общечеловеческую и специфическую части и воссоздаётся в виде связанных между собой оценочных суждений, соотносимых с юридическими, моральными, религиозными кодексами, характерными литературными и фольклорными сюжетами. Между оценочными суждениями устанавливаются отношения включения и ассоциативного пересечения, что делает возможным формирование ценностных парадигм соответствующей культуры. По определению ученого, в ценностной картине мира заложены наиболее значимые для этой культуры смыслы и ценностные доминанты, сочетание которых и образует поддерживаемый и сохраняемый в языке тип культуры [Карасик, 2002: 166].

Развивая идеи, предложенные В. И. Карасиком, Е. В. Бабаева подчёркивает существенную роль ценностей при оформлении дискурсивных типов и жанров.

Характеристика ценностно-нормативной картины мира, по её мнению, опирается на концепцию дискурса, предложенную В. И. Карасиком, а именно на противопоставление социолингвистических и прагмалингвистических разновидностей коммуникации [Бабаева, 2004: 14].

Таким образом, в качестве базовой концепции принимается положение о том, что основу любой культуры составляют ценности, которые так или иначе проявляются во всех сферах жизни, в том числе государственном устройстве [Бабаева 2004; Карасик 2002; 2007].

Манипулятивное воздействие, реализуемое в ПД, предполагает апеллирование к ценностям, разделяемым большинством, и скрытое навязывание иных ценностей [Карасик, 2002: 321]. Для создания ценностной ориентации в АПД используются различные вербальные средства: коммуникативные стратегии и тактики, жанры, оценочная лексика, например, лозунги, афоризмы, аллюзии к прецедентным текстам, эвфемизмы [Шейгал, 2002]. Ключевые и тематические слова, метафоры и аргументативные стратегии являются средством актуализации ценностей в АПД XX – начала XXI веков.

В большинстве современных исследований понятие «оценка» коррелирует с понятием «ценность». Главное отличие оценки от ценности состоит в том, что оценка, подразумевающая реализацию человеческого отношения, вербализуемая в языке, является изменчивой величиной, в то время как ценность, будучи исторически и социально значимой для человека в мире бытия, считается величиной постоянной.

Основными компонентами оценки являются субъект и объект оценки, взаимодействие которых находит своё отражение на оценочной шкале. Формируясь на основе ценностных установок, норм и стереотипов, принятых в обществе, оценка, будучи антропоцентрически ориентированной категорией, выступает главным репрезентантом ценностного мировоззрения субъекта [Бессонова, 2019; 2021].

Результаты исследования

Лингвисты отмечают, что ценности ПД сводятся к обоснованию и отстаиванию права на власть представителей политической элиты [Карасик, 2002; Шейгал, 2004]. Основой для большинства текстов политического содержания принято считать оппозицию «свои-чужие», которая находит своё отражение на разных уровнях языковой системы и определяет восприятие политической жизни массовой аудиторией, разделяющей современные оценочные мнения [Марьянчик, 2013; Гришаева, 2017].

По словам А. П. Чудинова, «объектом оценки в политическом дискурсе чаще всего

становятся группы (люди, социумы, явления и др.), которые воспринимаются как СВОИ или ЧУЖИЕ, а также события и факты, которые находятся в той или иной связи с названными группами» [Чудинов, 2006: 65].

Оценка в ПД, с одной стороны, субъективна и опирается на систему ценностей отдельного индивида, с другой стороны, оценивающий субъект зависим от ценностей той социальной группы, и шире, от культуры, к которой он принадлежит [Вольф, 2002]. Прагматический характер оценки в ПД выявляется через изучение особенностей языковых единиц, направленных на выражение определённого отношения к тем или иным событиям, участниками которых выступают представители высших эшелонов власти.

По свидетельству учёных, оценочный аспект реализуется на всех уровнях языка [Вольф, 2002]. Между тем выражение оценки в ПД, по мнению лингвистов, осуществляется преимущественно при помощи стилистических приёмов и экспрессивной лексики, так как именно они способствуют достижению перлокутивного эффекта [Шейгал, 2004].

Оценочность является одной из характеристик ПД, будучи социально-обусловленной. Её специфика сводится к выражению позиции определённого политического направления с точки зрения соответствия / несоответствия оцениваемого объекта ценностной картине определённой идеологии. Прагматический потенциал оценки выявляется через изучение особенностей ее имплицитной или эксплицитной актуализации в дискурсе.

Наиболее эффективно прагматические установки ПД реализуются с помощью имплицитных средств выражения оценки, которые позволяют автору высказывания воздействовать на широкую аудиторию, снимая с себя ответственность за вероятное понимание его слов адресатом и нивелируя различия между представителями разных политических идеологий и политических сторонников или оппозиционеров.

Борьба за власть, как основная функция ПД, определяет использование ряда стратегий, большинство из которых связаны с обращением к ценностям. В президентских речах ритуального жанра, цель которых – убеждать, аргументировать, прославлять страну и систему власти, пропагандировать идеи равенства и демократии, формировать идейную основу для объединения общества, призывать к совместным усилиям построения будущего страны и нации, в большинстве случаев доминирует оценочная лексика, т. к. каждый пункт данного выступления должен быть идеологически аргументирован ценностями и традициями.

Исходя из основных характеристик АПД, представляется возможным утверждать, что в политике большая роль отводится вербальным знакам, как словам, так и фразеологическим единицам, идеологемам, мифологемам и эвфемизмам, которые

группируются вокруг ключевых слов политической сферы и создаются на базе обобщенных понятий.

В АПД XX – начала XXI веков широко применяются фразеологические единицы:

(1) *'Speak softly and carry a big stick, and you will go far'* [Theodore Roosevelt, September 2, 1901].

Данный афоризм вошел в историю как «Политика большой дубинки», предполагающей намерение США урегулировать возможные конфликты с Латинской Америкой за счет использования собственной военной мощи.

Оппозиция «свой-чужой» в АПД XX – начала XXI веков свидетельствует об отсутствии друзей в политических кругах и имеющихся врагов, которых легко нажать, что наглядно представлено в президентской риторике с помощью коммуникативных фразеологизмов:

(2) *'If all that Americans want is security they can go to prison'* [Dwight D. Eisenhower, December 9, 1949];

(3) *'The White House is the finest prison in the world'* [Harry S. Truman, September 26, 1947].

Данные примеры демонстрируют сложившуюся социально-политическую обстановку в США: первый представляет тюрьму как единственное место, где законопослушные граждане могут чувствовать себя защищенными; второй имплицитно представляет высшие политические круги США посредством оксюморонного сочетания, отражая негативную семантику, реализуемую метафорической номинацией *prison* (тюрьма).

В основе создания идеологем ПД лежат ценности. АПД XX – начала XXI веков характеризуется широким употреблением выше указанных лексических средств:

(4) *'We must always be wary of those who with sounding brass and a tinkling cymbal preach the 'ism' of appeasement'* [F. D. Roosevelt, January 6, 1941];

(5) *'...a nation exists to serve its citizens'* [D. Trump, January 20, 2017].

Ценности могут функционировать в ПД как мифологемы, основой которых является фантомный денотат – либо несуществующий, либо неясный и размытый [Шейгал, 2000: 158].

Фантомность политического сознания, фидеистическое отношение к слову, магическая функция ПД – все это обусловило важную роль мифа в политической коммуникации [Шейгал, 2004].

Мифологема, как одна из форм выражения идеологии, персуазивный и манипуляционный потенциал которой использует адресант в ПД [Иванова, 2004: 54],

является одним из наиболее частотных средств описания сложившейся политической ситуации в АПД XX – начала XXI веков:

(6) ‘Today the eyes of all people are truly upon us – and our governments, in every branch, at every level, national, state and local, must be as *a city upon a hill* – constructed and inhabited by men aware of their great trust and their great responsibilities’ [John F. Kennedy, January 9, 1961];

(7) ‘Our *democratic faith* is more than the *creed of our country*, it is the *inborn hope of our humanity*, an ideal we carry but do not own, a trust we bear and pass along, and even nearly 225 years, we have a long a way yet to travel’ [G. W. Bush, January 20, 2001].

АПД XX века наиболее приспособлен для приукрашивания действительности и для использования сокрытия реального положения дел, поэтому тенденция к эвфемизации является одной из прагматических закономерностей функционирования политического языка.

В АПД начала XXI в. прослеживается устойчивая тенденция к появлению эвфемизмов вследствие возникновения новых сфер в социально-политической жизни общества, подлежащих завуалированию.

Политические эвфемизмы, наряду с политическими метафорами, эпитетами и другими лексическими средствами, являются одним из действенных способов приукрашивания действительности, а также манипулирования сознанием адресанта с целью создания выгодной для адресата картины происходящих событий.

Так, например, чернокожий (*black*) заменяется эвфемизмами *African American*, *member of the African diaspora* (представитель африканской диаспоры); индеец (*Indian*) – словосочетанием *indigenous person* (местный житель), бедные (*the poor*) – *low-income people* (малообеспеченные), *the unprivileged* (непривилегированные), *the socially disadvantaged* (социально незащищенные).

Одним из главных факторов, указывающих на использование ценности является языковая репрезентация данной ценности и активное употребление соответствующего слова и его словоформ и производных.

Ниже приводится таблица частотности употребления ряда слов-имен ценностей в речах президентов США в XX – начале XXI вв.

Таблица 2. Частотность употребления слова-имени ценности в АПД XX – начала XXI веков

Президент	Название ценности																
	AMERICA	DEMOCRACY	FREEDOM	EQUALITY	HOPE	NATIONALISM PATRIOTISM	GREATNESS	PROSPERITY	LIBERTY	SECURITY	SAFETY	SUCCESS	HONOUR	PEACE	FAITH	POWER	FAMILY
Теодор Рузвельт	10	12	6	4	4	12	7	10	6	9	9	16	5	10	18	20	4
Уильям Гафт	5	8	4	4	3	4	4	6	4	4	4	6	3	7	8	10	2
Вудро Вильсон	12	16	18	14	17	25	28	14	19	16	22	12	29	18	23	14	8
Уоррен Гардинг	35	32	28	4	6	12	6	9	21	5	3	7	19	9	18	22	4
Калвин Кулидж	19	10	19	8	2	23	11	7	12	6	6	3	4	14	12	20	3
Герберт Гувер	18	12	14	7	5	9	4	6	8	5	4	7	5	5	11	19	5
Франклин Рузвельт	79	65	48	25	35	87	65	34	43	78	65	37	49	74	63	75	47
Гарри Трумэн	41	43	57	38	27	39	21	15	13	29	24	17	15	32	18	37	9
Дуайт Эйзенхауэр	37	35	39	11	9	17	8	12	14	21	24	18	29	24	12	31	8
Джон Кеннеди	17	15	12	10	16	12	11	11	18	8	6	8	11	6	8	14	5
Линдон Джонсон	19	13	10	4	5	15	5	8	9	4	4	8	2	3	12	14	3
Ричард Никсон	38	27	23	12	12	30	37	35	21	20	26	19	18	12	19	17	10
Джеральд Форд	7	5	2	1	3	8	9	6	4	5	7	2	3	2	3	8	4
Джимми Картер	12	7	9	2	5	10	8	5	3	5	5	3	2	2	5	6	2
Рональд Рейган	59	48	32	18	23	38	43	37	29	34	36	21	19	15	42	40	17
Джордж Герберт Уокер Буш	23	27	14	6	9	21	20	18	12	18	17	9	8	5	7	19	12
Билл Клинтон	68	54	49	23	32	44	57	55	43	41	42	34	19	25	17	39	18
Всего в XX в.	499	429	374	191	213	406	344	278	279	308	304	226	240	263	296	405	161
Джордж Уокер Буш	49	52	35	12	24	39	15	17	8	43	45	11	18	21	12	29	19
Барак Обама	54	52	34	23	27	43	29	52	31	29	32	15	17	12	19	39	12
Дональд Трамп	65	57	39	27	35	58	52	48	32	51	54	18	24	32	55	59	43
Всего в XXI в.	168	161	108	62	86	140	96	117	71	123	131	44	59	65	86	127	74

Исходя из приведенных данных в таблице 2, можно утверждать, что наиболее употребительными для обоих веков являются слова *America, Democracy, Freedom, Nationalism / Patriotism, Liberty, Power, Security*.

Демократическое устройство США считается идеалом в представлении многих американцев, в связи с этим президенты делают в своих речах акцент на свободе, независимости и демократии, чтобы расположить адресата к себе, создавая свой образ как сторонника государственных ценностей, прописанных в Конституции США.

Известно, что в сознании американцев с раннего детства закладывается ценность свободы и равенства общества. Демократическая идея равенства – мечта американцев, мир, где у всех будет право на достойную жизнь.

По поводу актуализации в речах президентов ценностей свободы и равенства общества следует отметить, что демонстрация политиками в текстах данных ценностей как не чуждых им способствует доверительному отношению со стороны избирателей. Поэтому президенты стараются доказать, что свобода и равенство для них являются одними из основных приоритетов деятельности, которую американское общество должны защищать.

Патриотизм рассматривается американцами как высшая ценность и играет значительную роль в формировании национального самосознания: уважении к своему флагу, гербу и гимну. Следовательно, адресат (народ) будет расположен к тем речам президента, в которых будет продемонстрирована его любовь к Америке.

Выводы

В результате проведенного исследования отмечено, что в АПД XX – начала XXI веков оценка выполняет различные функции, а именно характерологическую, описывая события непосредственно, реактивную, выражая отношение адресанта к описываемым событиям и представляемому материалу на суд адресату, и манипулятивную, направленную на актуализацию наиболее значимых элементов сообщения по мнению адресанта с целью влияния на сознание адресата, изменяя его эмоциональное состояние и ценностные ориентации. В большинстве случаев оценка выражается с помощью прилагательных и существительных, которые становятся именами ценностей в АПД XX – начала XXI веков. Для усиления перлокутивного эффекта речи президентов используются фразеологизмы, идеологемы, мифологемы и эвфемизмы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бабаева Е. В. Лингвокультурологические характеристики русской и немецкой аксиологических картин мира: автореф. дисс. ... д-ра филол. наук: 10.02.20. Волгоград, 2004. 40 с.
2. Бессонова О. Л. Основные характеристики оценочного тезауруса английского языка // *Studia Linguistica*. Санкт-Петербург, 2019. № 28. С. 52-58.
3. Вольф Е. М. Функциональная семантика оценки. 2-е изд. Москва: Едиториал УРСС, 2002. 280 с.
4. Гришаева Л. И. «Сказка – ложь, да в ней намёк...», или о принципах конструирования политической медиареальности // *Политическая лингвистика*. 2017. № 4 (64). С. 18-27.
5. Иванова С. В. Лингвокультурология и лингвокогнитология: Сопряжение парадигм Уфа: Изд-во БашГУ, 2004. 150 с.
6. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002. 477 с.

7. Карасик В. И. Дискурс // Социальная психолингвистика: Хрестоматия. Москва: Лабиринт, 2007. С. 162-196.
8. Марьянчик В. А. Аксиологичность и оценочность медиа-политического текста. Москва: Либроком, 2013. 272 с.
9. Светоносова Т. А. Сопоставительное исследование ценностей в российском и американском политическом дискурсе: дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.20. Екатеринбург, 2006. 174 с.
10. Телия В.Н. Метафора как модель смыслопроизводства и ее экспрессивно-оценочная функция // Метафора в языке и тексте. Москва: Наука, 1988. С. 26-52.
11. Чудинов А. П. Политическая лингвистика. Москва: Флинта, Наука, 2006. 254 с.
12. Шейгал Е. И. Невербальные знаки политического дискурса // Основное высшее и дополнительное образование: проблемы дидактики и лингвистики. Волгоград, 2000. Вып. 1. С. 157-161.
13. Шейгал Е. И. Культурные концепты политического дискурса // Коммуникация: теория и практика в различных социальных контекстах. Пятигорск: Изд-во ПГЛУ, 2002. С. 24-26.
14. Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса. Москва: Гнозис, 2004. 326 с.
15. Ashilova M. S., Begalinov A. S., Pushkarev Yu. V. et al. Values in foundation of modern globalizing society: Change study // Science for Education Today. 2023. Vol. 13. No. 2. P. 99-121.
16. Byessonova O. Evaluative Thesaurus as Instrument in Coding Values of the English Linguocultural Community // The Ethical and Axiological Aspects in the Literature and the Culture of the 20th and 21st Centuries [Collective monograph] / edited by Maja Jakimovska-Toshikj, Katarina Žeňuchová. Skopje: Institute of Macedonian Literature, Ss. Cyril and Methodius University, 2021. P. 259-284.
17. Ikhsanova L. I. Linguocultural approach to the study of allusion // Russian Linguistic Bulletin. 2021. No. 4 (28). P. 29-31.
18. Khrebtov M. Ia. Historiographical Overview of the Research on the Transformation of the Russian People's Values // Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences. 2020. Vol. 13. No. 5. P. 738-751.
19. Khuchbarova D. M. Linguo-culturological research of the English and Russian phraseological units in business discourse // Baltic Humanitarian Journal. 2021. Vol. 10. No. 1 (34). P. 393-397.

СПИСОК ИЛЛЮСТРАТИВНОГО МАТЕРИАЛА

1. Bush G. First Inaugural Address, 20 January, 2001. Доступ: <https://www.debates.org/voter-education/debate-transcripts/october-11-2000-debate-transcript>. (дата обращения: 01.09.2023).
2. Eisenhower D. D. Speech to luncheon clubs, Galveston, Texas, 8 December, 1949. Доступ: <https://www.azquotes.com/quote/781580>. (дата обращения: 12.09.2023).
3. Kennedy J. F. Address of President-Elect John F. Kennedy delivered to a Joint Convention of the General Court of the Commonwealth of Massachusetts, 9 January, 1961. Доступ: <https://www.jfklibrary.org/archives/other-resources/john-f-kennedy-speeches/massachusetts-general-court-19610109>. (дата обращения: 01.09.2023).
4. Roosevelt Th. Address of Vice President Roosevelt, Minnesota State Fair, Minneapolis, 2 September, 1901. Доступ: <https://www.theodorerooseveltcenter.org/Research/Digital-Library/Record?libID=o286433>. (дата обращения: 01.09.2023).
5. Truman H. S. Truman Calls the White House 'The Finest Jail in the World'; President Tells Group How He Went to Cash Check and Tied Up Traffic, and How His Peeking Stopped

Ball Game. Доступ: <https://www.nytimes.com/1947/09/26/archives/truman-calls-the-white-house-the-finest-jail-in-the-world-president.html>. (дата обращения: 25.08.2023).

6. Trump D. Inaugural Address, 20 January 2017. Доступ: <https://millercenter.org/the-presidency/presidential-speeches/january-20-2017-inaugural-address>. (дата обращения: 12.06.2022).

7. Roosevelt F.D. Four Freedom, 6 January 1941. Доступ: <https://millercenter.org/the-presidency/presidential-speeches/january-6-1941-state-union-four-freedoms>. (дата обращения: 04.10.2022).

REFERENCES

1. Babaeva, E. V. (2004). *Lingvokulturologicheskie kharakteristiki russkoy i nemetskoy aksiologicheskikh kartin mira* [Linguo-cultural characteristics of Russian and German axiological pictures of the world]: avtoref. diss. ... d-ra filol. nauk: 10.02.20. Volgograd. (In Russ.).

2. Bessonova, O. L. (2019). Osnovnye kharakteristiki otsenchnogo tezaurusangliyskogo yazyka [Principal Features of English Evaluative Theasaurus]. In *Studia Linguistica*. Sankt-Peterburg. No. 28. Pp. 52-58. (In Russ.).

3. Volf, E. M. (2002). *Funktsionalnaya semantika otsenki* [Functional semantics of evaluation]. 2nd ed. Moskva: Editorial URSS. (In Russ.).

4. Grishaeva, L. I. (2017). «Skazka – lozh, da v ney namek...», ili o printsipakh konstruirovaniya politicheskoy mediarealnosti [«A fairy tale is a lie, but there is a hint in it...», or about the principles of constructing political media reality]. In *Politicheskaya lingvistika*. No. 4 (64). Pp. 18-27. (In Russ.).

5. Ivanova, S. V. (2004). *Lingvokulturologiya i lingvokognitologiya: Sopryazhenie paradigm* [Linguoculturology and linguocognitology: Conjugation of paradigms]. Ufa: Izd-vo BashGU. (In Russ.).

6. Karasik, V. I. (2002). *Yazykovoy krug: lichnost, kontsepty, diskurs* [Language circle: personality, concepts, discourse]. Volgograd: Peremena. (In Russ.).

7. Karasik, V. I. (2007). Diskurs [Discourse]. In *Sotsialnaya psikholingvistika: Khrestomatiya*. Moskva: Labirint. Pp. 162-196. (In Russ.).

8. Maryanchik, V. A. (2013). *Aksiologichnost i otsenchnost media-politicheskogo teksta* [Axiology and evaluation of media political text]. Moskva: Librokom. (In Russ.).

9. Svetonosova, T. A. (2006). *Sopostavitelnoe issledovanie tsennostey v rossiyskom i amerikanskom politicheskome diskurse* [A comparative study of values in Russian and American political discourse]: diss. ... kand. filol. nauk: 10.02.20. Ekaterinburg. (In Russ.).

10. Teliya, V. N. (1988). Metafora kak model smysloproizvodstva i ee ekspressivno-otsenchnaya funktsiya [Metaphor as a model of meaning production and its expressive-evaluative function]. In *Metafora v yazyke i tekste*. Moskva: Nauka. Pp. 26-52. (In Russ.).

11. Chudinov, A. P. (2006). *Politicheskaya lingvistika* [Political Linguistics]. Moskva: Flinta, Nauka. (In Russ.).

12. Sheygal, E. I. (2000). Neverbalnye znaki politicheskogo diskursa [Nonverbal signs of political discourse]. In *Osnovnoe vysshee i dopolnitelnoe obrazovanie: problemy didaktiki i lingvistiki*. Volgograd. Iss. 1. Pp. 157-161. (In Russ.).

13. Sheygal, E. I. (2002). Kulturnye kontsepty politicheskogo diskursa [Cultural concepts of political discourse]. In *Kommunikatsiya: teoriya i praktika v razlichnykh sotsialnykh kontekstakh*. Pyatigorsk: Izd-vo PGLU. Pp. 24-26. (In Russ.).

14. Sheygal, E. I. (2004). *Semiotika politicheskogo diskursa* [Semiotics of Political Discourse]. Moskva: Gnozis. (In Russ.).

15. Ashilova, M. S., Begalinov, A. S., Pushkarev, Yu. V. et al. (2023). Values in foundation of modern globalizing society: Change study. In *Science for Education Today*. Vol. 13. No. 2. Pp. 99-121.

16. Byessonova, O. (2021). Evaluative Thesaurus as Instrument in Coding Values of the English Linguocultural Community. In *The Ethical and Axiological Aspects in the Literature and the Culture of the 20th and 21st Centuries* [Collective monograph]. In Maja Jakimovska-Toshikj, Katarina Žeňuchová (eds.). Skopje: Institute of Macedonian Literature, Ss. Cyril and Methodius University. Pp. 259-284.

17. Ikhsanova, L. I. (2021). Linguocultural approach to the study of allusion. In *Russian Linguistic Bulletin*. No. 4 (28). Pp. 29-31.

18. Khrebtov, M. Ia. (2020). Historiographical Overview of the Research on the Transformation of the Russian People's Values. In *Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences*. Vol. 13. No. 5. Pp. 738-751.

19. Khuchbarova, D. M. (2021). Linguo-culturological research of the English and Russian phraseological units in business discourse. In *Baltic Humanitarian Journal*. Vol. 10. No. 1 (34). Pp. 393-397.

SOURCES OF ILLUSTRATIVE MATERIAL

1. Bush, G. *First Inaugural Address, 20 January, 2001*. Available at: <https://www.debates.org/voter-education/debate-transcripts/october-11-2000-debate-transcript>. (accessed: 01.09.2023).

2. Eisenhower, D. D. *Speech to luncheon clubs, Galveston, Texas, 8 December, 1949*. Available at: <https://www.azquotes.com/quote/781580>. (accessed: 12.09.2023).

3. Kennedy, J. F. *Address of President-Elect John F. Kennedy delivered to a Joint Convention of the General Court of the Commonwealth of Massachusetts, 9 January, 1961*. Available at: <https://www.jfklibrary.org/archives/other-resources/john-f-kennedy-speeches/massachusetts-general-court-19610109>. (accessed: 12.09.2023).

4. Roosevelt, Th. *Address of Vice President Roosevelt, Minnesota State Fair, Minneapolis, 2 September, 1901*. Available at: <https://www.theodorerooseveltcenter.org/Research/Digital-Library/Record?libID=o286433>. (accessed: 12.09.2023).

5. Truman, H. S. *Truman Calls the White House 'The Finest Jail in the World'; President Tells Group How He Went to Cash Check and Tied Up Traffic, and How His Peeking Stopped Ball Game*. Available at: <https://www.nytimes.com/1947/09/26/archives/truman-calls-the-white-house-the-finest-jail-in-the-world-president.html>. (accessed: 12.09.2023).

6. Trump, D. *Inaugural Address, 20 January 2017*. Available at: <https://millercenter.org/the-presidency/presidential-speeches/january-20-2017-inaugural-address>. (accessed: 12.06.2022).

7. Roosevelt, F. D. *Four Freedom, 6 January 1941*. Available at: <https://millercenter.org/the-presidency/presidential-speeches/january-6-1941-state-union-four-freedoms>. (accessed: 04.10.2022).

Фатьянова Ирина Валерьевна – доктор филологических наук, доцент кафедры английской филологии (e-mail: irafatianova@mail.ru), Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Донецкий государственный университет» 283001, Донецк, Университетская, 24

Fatyanova Irene V. – Doctor of Philology, Associate Professor of English Philology Department (e-mail: irafatianova@mail.ru), Federal State Budget Educational Institution of Higher Education «Donetsk State University» 24 Universitetskaya, Donetsk, 283001

Поступила в редакцию 02 октября 2023 г.

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ЗАГЛАВИЙ-КОМПОЗИТОВ КАК СМЫСЛОВЫХ КОМПРЕССИВОВ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ

В данной статье рассматриваются основные способы языковой компрессии, проявляющиеся в заглавиях современных немецкоязычных романов. В ходе исследования выделена наиболее частотная модель компрессивного словообразования в наименованиях современных немецкоязычных романов – словосложение (сущ. + сущ.). В результате исследования был сделан вывод о том, что сложные существительные (композицы), употребленные в качестве заглавия романов, выполняют стилистическую функцию.

Ключевые слова: компрессивное словообразование, заглавие, современный немецкоязычный роман, лингво-прагматический потенциал заглавия, композицы.

FUNCTIONING OF TITLE COMPOSITES AS SEMANTIC COMPRESSIONS OF FICTIONAL TEXT

This article discusses the main methods of language compression, manifested in the titles of modern German-language novels. In the course the most frequent model of compression word formation in the naming of modern German-speaking novels is identified – compound nouns. An attempt to consider the linguistic-pragmatic potential of composites titles and their functioning as semantic compressors of romance texts made it possible to analyze the motivation of modern German-speaking authors when using composites titles. As a result of the study, it was concluded that compound nouns used as the title of novels perform a stylistic function.

Key words: compressive word formation, title, modern German-language novel, linguopragmatic potential of title, composites.

1. Введение

Стремительный рост информационных потоков в современном обществе, в частности проникновение рекламы и маркетинга в литературный процесс ставит перед современными писателями задачу найти способы, позволяющие организовать заглавие художественного текста таким образом, чтобы он смог передать читателю как можно больше информации о произведении в броской, выразительной и одновременно краткой форме. Для этого авторы-романисты активно используют в частности механизмы лингво-прагматической компрессии в нейминге.

Цель данной статьи – выявить наиболее характерные механизмы языковой и смысловой компрессии для оформления заглавий немецкоязычных романов, изданных после 1989 года, а также рассмотреть на наиболее показательных примерах функционирование самых частотных способов лингво-прагматической компрессии.

Проблемы языковой компрессии традиционно привлекали внимание многих ученых – Ш. Балли (1955), Р. А. Будагова (1974), В. П. Кобкова (1975), А. Мартине (1960), Л. Н. Мурзина (1967) и др. В фокусе исследований были разные проявления компрессии: сжатие, краткость, совмещение, стяжение, редукция, элиминирование, явление свертывания и т.д. в различных типах текстов.

Под *языковой компрессией* (лат. *compression* – сжатие) понимается упрощение поверхностной структуры текста за счет повышения информативности языковых знаков [Карпилович, 2003: 4]. Впервые данный термин употребил А. А. Харкевич в 1960-е гг., обозначив процесс сжатия спектра речевого сигнала в электроакустики [Харкевич, 1955: 5]. Последующее активное употребление этого термина в физике и развитие смежных технологий дало толчок для расширения спектра его функционирования. Так, в качестве примеров из повседневной жизни современного человека Т. В. Макарова называет компрессию графического файла в компьютерных технологиях [Макарова, Ткаченко, Капустина, 2009: 105], «компрессию данных», способ обработки данных для сокращения размера файла. Именно сжатие информации и обратило на себя внимание лингвистов. Д. И. Блюменау, рассматривая термин «свертывание», отмечает: «В науке со «свертками» мы сталкиваемся постоянно; в их качестве выступают законы, постулаты, теоремы, формулы, положения и тому подобные «сгустки» знаний, концентрирующие в себе наиболее существенное, необходимое, являющееся результатом обобщения, «свертывания» подчас огромного фактического материала» [Блюменау, 2002: 13].

Представляется необходимым рассмотреть «компрессию» также в связи с универсальным явлением языковой экономии. Данный феномен лингвисты определяли разными терминами: «поиск легких артикуляций» [Passy, 1890], «принцип наименьшего усилия» [Zimpf, 1949], «закон экономии речевых усилий» [Мартине, 1960], «экономия языковых средств» [Есперсен, 1958]. Так, П. Пасси объяснял причины изменения в фонетическом строе языка тем, что «язык постоянно стремится освободиться от того, что является лишним», видя причины лингвистической экономии в том, что «язык постоянно стремится выделить то, что является необходимым» [Passy, 1890: 228], отмечая также, что говорящий не осознает эти процессы. Вслед за П. Пасси, Г. Суит обращается к фонетике разных языков, выдвинув тезис о том, что для некоторых из них ослабление и опущение конечных согласных не влияет на процесс понимания речи [Sweet, 1888: 49].

О. Есперсен выделил конкретные случаи языковой экономии: выражение одной формой глагола разных временных отношений, употребление формы единственного числа

вместо формы множественного, а также выпадение гласных и согласных при артикуляции [Есперсен, 1958: 241]. По его мнению, лингвистическая «экономия» напрямую связана с прогрессивным развитием языка, лишь экономные языки способны достичь наибольшей выразительности. Этой точки зрения придерживался и Г. Пауль, считая, что экономия обеспечивает расширение ресурсов языка, устраняя при этом «излишества»: «В языке для всех случаев вырабатываются способы выражения, которые содержат ровно столько средств, сколько необходимо для понимания» [Пауль, 1960: 302].

Соотносясь в широком смысле с явлением языковой экономии, компрессия является одной из главных тенденций в языке. Согласно теории информации текст – до и после компрессии – несет одну и ту же информацию об объекте описания. Но при этом компрессия влияет на грамматическую и семантическую структуру текста из-за уменьшения набора и репертуара языковых единиц: морфем, слов, предложений и др. Н. С. Валгина указывает, что «языковая единица не должна утрачивать своего коммуникативного смысла», иначе решение коммуникативной задачи не состоится [Валгина, 2003: 14]. Количество опускаемой информации зависит от стилистической принадлежности текста и жанрово-текстовой нормы.

Несомненно, что заглавие, в частности романа, само по себе является смысловым компрессивом по отношению к «номинаруемому» им тексту. Оно является «имплицитной максимально сжатой содержательно-концептуальной информацией» [Гальперин, 2007: 134], поскольку в свернутом виде концентрирует, обобщает основное содержание текста. Однако в то же время оно не может быть приравнено к его ключевому слову. Вслед за Н. А. Лавровой, мы считаем, что заглавие динамично, так как его значение может быть переосмыслено реципиентом-читателем под действием контекстуальных и экстралингвистических факторов [Лаврова, 2009: 117].

Согласно Д. Я. Янковскому, процесс смысловой компрессии заглавия происходит по следующему принципу: 1) анализ входного текста; 2) преобразование в представлении основного содержания; 3) синтез выходного текста [цит. по Лещенко, 2016: 81]. При этом на этапе преобразования основного содержания художественного текста в заглавие происходит творческое переосмысление автором своего текста. Нам кажется правомерным высказать тезис о том, что композиты в заглавиях выполняют стилистическую функцию и используются автором как стилистическое средство для создания успешной коммуникации в рамках коммуникативной триады «автор-текст-читатель» уже на первичном этапе знакомства читателя с текстом.

Компрессивное словообразование в немецком языке чаще всего происходит за счет

усечения разноструктурных однословных наименований, так как немецкий язык обладает широкими возможностями трансформации словосочетаний в сложные слова, подвергая их затем дальнейшему усечению. К компрессивному словообразованию относят: усечение, инициальную аббревиацию, контаминацию, акронимию, многокомпонентное словосложение [Абрамов, Семенюк, 2000: 259-260]. Самым продуктивным способом словообразования в немецком языке является словосложение: ср. *der Arbeitstag, das Klassenzimmer, das Lehrbuch* [Deutsche Wortbildung, 1991; Fleischer, Barz, 1995]. Именно благодаря широким возможностям создания новых окказиональных слов авторами-романистами и их прагматическим потенциалом объясняется особый интерес к словосложению в рамках данного исследования.

2. Методология исследования

Материалом для данного исследования послужил составленный с помощью базы данных Немецкой национальной библиотеки в Лейпциге (*Katalog der DEUTSCHEN NATIONALBIBLIOTHEK* <https://portal.dnb.de/opac.htm>) валидный корпус заглавий немецкоязычных романов, изданных в ФРГ после 1989 года. Заглавия отбирались по следующим параметрам поиска и ключевым словам: *tit=roman and jhr=1989- and cod=ger*. Собрав 30 000 наименований романов, мы методом сплошного отбора исключили электронные и аудио-книги, повторяющие печатные издания и переводы романов иностранной литературы. Полученный корпус заглавий насчитывает т. о. 1161 единицу.

При сборе материала корпуса было установлено, что некоторые заглавия имеют более емкую форму. Так, при составлении корпуса выявлено, что количество составных компонентов в рассматриваемых малоформатных текстах варьируется от 1 до 17 слов. К составным элементам, вслед за Ю. В. Веденева, мы причисляем знаменательные и служебные языковые единицы, которые изолированы и отдельно оформлены в графическом плане, в том числе артикли, междометия [Веденева, 2018 : 10]. Очевидно, что наибольшее количество заглавий имеет в своем составе 1-2 слова (319 заглавий или 30% корпуса). Самую малочисленную группу составили заглавия, состоящие из 7 и более слов (122 единицы, 12% корпуса).

3. Основная часть

В ходе исследования было выявлено, что в состав 271 заглавий (23% от общего количества) входит слово-композит: из них 45% (124 заглавия) состоят лишь из одного сложносоставного существительного, в то время как в остальных заглавиях 55% (147 ед.) субстантивный композит встречается в составе заглавий, выраженных предложным или

беспредложным словосочетанием. Данный факт позволяет предположить, что заглавия-компози́ты являются одним из ведущих способов смысловой компрессии при озаглавливании (нейминге) авторами современных немецкоязычных романов. Н. В. Нагамова отмечает, что «сложное слово, будучи более экономичным и выразительным средством общения, является высшей ступенью абстракции по сравнению со словосочетанием» [Нагамова, 2009: 242]. В свою очередь, Е. А. Василевская обращает внимание на соединительный элемент в структуре компози́тов и подразделяет сложные слова на: 1) «компози́ты без соединительной гласной» (203 единицы, 75% данной группы); 2) «компози́ты с соединительной гласной» (68 единиц, 25% данной группы) [Василевская, 1962: 44].

Н. Д. Арутюнова предложила более полную синтаксико-морфологическую классификацию сложносоставных существительных подразделив их на отглагольные сложные существительные, копулятивные сложные существительные, атрибутивные сложные существительные [Арутюнова, 2007: 114-165]. Опираясь на данную классификацию, в анализируемом эмпирическом материале были выделены: отглагольные (5 единиц (3%)), копулятивные (9 единиц (45%)), атрибутивные (257 единиц (93%)). В отобранных примерах среди компози́тов наиболее частотно определительное словообразование.

Под сложным словом (компози́том), вслед за М. Д. Степановой мы понимаем лексическую единицу, «основа которых состоит из двух или нескольких корней или из корней со словообразовательными аффиксами» [Степанова, Фляйшер, 1984]. Компози́ты имеют сложную производную основу, при этом ударным становится определяемое (значимое) слово.

Вслед за М. Д. Степановой и В. Фляйшером в немецком языке выделяются 4 вида сложных слов: 1. Полносложные соединения. 2. Неполносложные соединения. 3. Сдвиги. 4. Сращения [Степанова, Фляйшер, 1984]. Эту классификацию, в основе которой лежит критерий наличия / отсутствия соединительного элемента, обосновал Я. Гримм, выделив дихотомию «собственно и несобственно сложные существительные» [Гримм, 1826: 407-597]. При этом морфемы, входящие в состав сложного существительного, не идентичны словам, из которых компози́т состоит: «Grundmorpheme sind nicht identisch mit Wörtern. Aber die Länge der Komposita gilt nicht als Unterscheidungsmerkmal, sondern das Verhältnis der Glieder zueinander» [Dudenverlag, 2009: 50]. При морфологической классификации учитывается только морфологический критерий, но при выделении определительных и копулятивных компози́тов во внимание берется как синтаксический, так и семантический критерий. Отметим, что в качестве заглавий выступают как общеупотребительные компози́ты, зафиксированные в корпусе немецкого языка DWDS и

словарях серии Duden (100 единиц заглавий), так и авторские окказиональные образования (171 единица заглавий).

В заглавиях-композигах в качестве основного компонента выступают чаще существительное или субстантивированные формы других частей речи. Определяющим компонентом могут являться разные частеречные формы. Наиболее частотная модель композигов, используемая в заглавиях современных немецкоязычных романов, имеет вид: **сущ. + сущ.** без соединительного элемента (42,21% в группе заглавий, содержащих композиги без соединительной гласной). Ср.: *Die Diplomatentallee* (Аннет Винерс, 2022), *Die Tucherbin* (Тea Блум, 2022), *Kaiserstuhl* (Бриджитта Глазер, 2022), *Lehrerzimmer* (Маркус Орс. 2022).

Способы создания стилистических эффектов в композигах-заглавиях продуктивно описывать, опираясь на теорию стиля М. Риффатера. Согласно данной теории, стилистический эффект возникает на основе контрастов, либо на основе целого текста, или на основе отдельных его единиц [Riffaterre, 1978: 201]. Именно для таких заглавий и характерна семантическая компрессия, так как их интерпретация предполагает выход за пределы языковой формы и обращение к экстралингвистическим факторам, к контексту и умению читателя устанавливать имплицитные связи между компонентами заглавия-композига.

Рассмотрим наиболее характерные (наглядные) примеры таких заглавий. Так, название романа Петера О. Хотьевича «Das Wespennest» (1999) является соединением двух полнозначных существительных: *die Wespen* (форма мн. ч.) 'осы' и *(das) Nest* 'гнездо'. У этого композига есть два значения: 1. Nest verschiedener Arten der Wespen aus einer papierartigen Masse, die in Waben unterteilt ist, in denen Eier und Larven zu erwachsenen Tieren heranreifen: a) [metonymisch] die Wespen in einem Wespennest; Wespenvolk; b) [bildlich] heikle Angelegenheit, welche die Gemüter erhitzt (wenn sie angesprochen wird) 2. [Bäckerei] Gebäck unterschiedlicher Art (oft in schwimmendem Fett gebacken, aus gerolltem Hefeteig oder aus Eischnee und Mandeln), das durch seine Struktur an ein Wespennest erinnert [DWDS].

Заглавие отсылает к одноименной первой сатирической газете «Das Wespennest», основанной после Второй Мировой войны в 1945 году Вернером Фиком и Гансом Бауэром, где печаталась политическая сатира, театральные рецензии. Кроме того, под таким названием в ФРГ был издан сборник рассказов Агаты Кристи «Das Wespennest» (1997). Данные аллюзии, возникающие в сознании «знающего» читателя, позволяют сделать вывод, что это заглавие-композиг функционирует в сознании осведомленного читателя как прецедентное имя.

Заглавие романа Вальтера Каппахера «Der Fliegenpalast» (2009) представляет собой окказиональный композит, так как эта лексема отсутствует в лексическом корпусе немецкого языка DWDs. Заглавие образовано сложением двух существительных: *die Fliegen* (мн. ч.) ‘мухи’ и *der Palast* ‘дворец’. Данное заглавие, на первый взгляд, не дает читателю информации о содержании или тематике романа, оно представляет собой метафору, которую необходимо декодировать.

Главный герой этого романа – писатель фон Гофмансталь отправляется на горный курорт недалеко от Зальцбрука. Основное содержание романа составляют его воспоминания и переписка с разными людьми об их общем прошлом, размышления о своем творчестве и творчестве знаменитых писателей. Большинство времени фон Гофмансталь проводит в зимнем саду отеля, а образ и номинация «мухи» при этом символичны. В мифологии муха – символ физического и морального разложения, образ мухи становится выражением одряхления духа, творческого кризиса главного героя. В. Каппахер использует также прием антитезы: мухи, как символ разложения, а дворец, как символ красоты и величия.

Ярким и содержательно нагруженным примером заглавия-композиата является название серии романов Стефани Шустер «Die Wunderfrauen». Это сложное существительное включает два компонента: *das Wunder* ‘чудо’ и *die Frauen* (мн. ч.) ‘женщины’. В корпусе DWDS данная лексема встречается 61 раз в связи с упоминанием романа С. Шустер в прессе. Так как лексема *das Wunder* имеет яркую положительную коннотацию, можно говорить об использовании автором эпитета по отношению к главным героиням романа. Заглавие отсылает читателя к фильму и комиксам серии «Marvel» о супергероях «Чудо-женщина», сохранивших в немецкоязычном пространстве оригинальное английское название «Wonder Woman». Эта аллюзия позволяет читателю изначально воспринимать героинь как необычных, талантливых и способных женщин.

Серия романов рассказывает историю четырех сильных женщин во времена «экономического чуда» в ФРГ, популярности хиппи, затрагивая тему эмансипации, любви и дружбы. Главная героиня Луиза Дальман мечтает о собственном деле: маленьком продуктовом магазине, о независимости от мужа. На ее пути встречаются три женщины Аннабель вон Талер (богатая женщина-врач), беженки из Силезии Мари Вагнер и Хельга Кнауф. Первая часть трилогии «Die Wunderfrauen. Alles was das Herz begehrt» (2020) – начинается повествование с 1953 года, периода «экономического чуда» и заканчивается 1960-ми гг. Вторая часть «Die Wunderfrauen. Vor allem nur das Beste» повествует о начале 1960-х гг., т. н. *Swinging Sixties*. Магазин Луизы Дальманн процветает: его полки

наполнены свежими товарами из окрестностей, деликатесами со всего мира. Луиза хочет конкурировать, пытаясь выполнить заказы клиентов на самообслуживания. Жизнь трех подруг и главной героини в этом десятилетии полны потрясений. Одинокая Хельга усердно работает врачом, ее невестка Мари занимается своими детьми, Аннабель пытается спасти семью от разрыва. Женщины понимают, что могут реализовать мечты лишь вместе. В третьей части произведения «Die Wunderfrauen. Freiheit im Angebot» (2021) действие происходит в 1972 году во время Олимпийских игр в Мюнхене. Луиза борется за сохранение своего небольшого продуктового магазина, несмотря на конкуренцию супермаркета, признавая, что ее брак подходит к концу: с новым законом о разводе она решается на вопиющий шаг. Поддержку в эти бурные времена она находит у подруг. Хельга мечтает о собственной врачебной практике, Мари вкладывает всю энергию в свой конный двор, Аннабель сталкивается с прошлым своей семьи. Действие четвертой части «Die Wunderfrauen. Wünschen werden wahr» происходит в Верхней Баварии в 1991 г. Луиза управляет пансионом и конным двором, пытается исполнить желания своих гостей. Ссоры с дочерью приводят к тому, что она чувствует себя одинокой, проводя Рождество без детей и внуков. Однако подруги Аннабель, Хельга и Мари с ней рядом в этот праздник. Объединяя свои усилия, они достигают своих планов на будущее.

Заглавие романа «Der Geschichtenbäcker» (2022) (пекарь историй) Карстена Хенна представляет собой окказиональный композит, состоящий из существительных *die Geschichten* (мн. ч.) ‘истории’ и *der Bäcker* ‘пекарь’. Семантика данного заглавия остается туманной для читателя до последних страниц романа: означает ли название, что автор называет своего персонажа лжецом, изобретателем вымышленных историй, или же главный герой по профессии пекарь, незаурядный мастер, который вошел в историю благодаря таланту? Роман рассказывает историю бывшей танцовщицы Софи, которая после увольнения начала работать в деревенской пекарне. Конец танцевальной карьеры, переезд в деревню дался ей нелегко, но она вдохновляется работой итальянского пекаря Джакомо, увидев в его работе ритм, грацию, танцевальную пластику. Именно в пекарне девушка обретает себя, учиться искать счастье в мелочах, находит свою любовь. Смысловое содержание заглавия актуализруется только после прочтения всего произведения: *der Geschichtenbäcker* ‘пекарь, который поменял сценарий жизни Софи к лучшему, помог ей преодолеть трудности, научил ее радоваться простым вещам’.

Заглавие другого романа Карстена Хенна «Der Buchspazierer» (2020) (Гуляющий по книгам) также представляет собой окказиональный композит, созданный на основе

соединения двух существительных *das Buch* 'книга' и *Spazierer* 'прохожий'. Несмотря на то, что в словаре Duden лексема *Spazierer* не зафиксирована, в корпусе DWDS обнаруживаются примеры из региональных немецких газет с этой лексемой: «Einen besonderen Dank sprach **Spazierer** den Ausbildern aus», «Kein Abstand, Straßennutzung, Nervigkeit – was dürfen **Spazierer**?» [DWDS]. Исходя из представленных примеров данная лексема может выступать синонимом лексемы «*Passant*». Такая трактовка не согласуется с содержанием романа, следовательно, это заглавие может быть рассмотрено как пример авторского словотворчества. В корпусе DWDS «*Buchspazierer*» употребляется 53 раза в газетных рецензиях на данный роман. Романист представляет историю об объединяющей и мотивирующей силе книг. Главный герой – книготорговец Карл теряет работу, закрывает свою лавку и приносит заказанные, но не проданные книги к себе домой. Клиенты, которые покупали у него книги, стали для него друзьями, связывали его с реальным миром, а не с вымышленным миром книг. Приспособиться к новой жизни герою помогают девятилетняя девочка-клиентка и книги.

Интересно заглавие романа Катарины Хакер «*Der Bademeister*» (2000). Оно не является окказиональным композитом, фиксируется словарем Duden и корпусом немецкого языка DWDS со значением: «für die Anwendung medizinischer Bäder und anderer therapeutischer Maßnahmen ausgebildete Person». Именно это значение актуализируется в тексте романа. Герой романа – Хьюго, смотритель бассейна в Берлине, который подлежит закрытию. С момента, когда администрация объявила ему о закрытии бассейна, мужчина не может с этим смириться и все бродит по пустому зданию, вспоминая прошлое как своей семьи, так и самого бассейна, раскрывая тайну этих стен, хранящих историю нацистских преступлений. Лексема заглавия разворачивается в самом первом предложении, когда главный герой заявляет «... Ich bin der **Bademeister** ...» [Hacker, 2012: 1], тем самым идентифицирует себя только по профессии. Однако по ходу романа читатель узнает, что главный герой не выбирал эту профессию на всю жизнь: «... Ich wollte nie **Bademeister** sein, ich hatte andere Pläne ...» [Hacker, 2012: 15]. После увольнения и закрытия бассейна главный герой дает себе ироничную характеристику: «... der **Bademeister** ohne Schwimmbad ...» [Hacker, 2012: 36]. Нами приведены цитаты из текста, повторяющиеся без изменений трижды, тем самым давая возможность говорить об употреблении автором приема семантического повтора. Данный прием выполняет стилистическую функцию: во-первых, он подчеркивает полное разрушение идентичности главного героя и его полное слияние с профессией и с бассейном, так как имя персонажа читатель узнает в середине романа: «... Seit ich Cremer nicht mehr sehe, ruft keiner mich beim Namen. Guten Morgen, Hugo, hat Cremer jeden Morgen zu mir gesagt und hat mich

Hugo genannt, weil Tanja mich so rief ...» [Hacker, 2012: 45]. Интересно, что читатель не может достоверно сказать, настоящее ли это имя героя. Итак, заглавие данного романа не является самостоятельным экспрессивно-выразительным средством, а раскрывает свой прагматический потенциал лишь после прочтения всего романа. Однако заложенный в романе конфликт «der Bademeister ohne Schwimmbad», читатель прогнозирует на этапе предпонимания текста именно с помощью заглавия.

Заглавие романа Херы Линд «Die Erfolgsmasche» представляет с собой авторский окказиональный композит с соединительной согласной -s, соединяющей два существительных *der Erfolg* 'успех' и *die Masche* 'петля, уловка'. Значение данного наименования романа функционирует одновременно как метафора и эпитет. Успешной уловкой автор называет удавшийся обман главной героини романа. Главная героиня – автор колонки о жизни матери-одиночки в газете Соня Райнфаль – после смены главного редактора оказывается без работы. Перед ней стоит вопрос о финансовом обеспечении своих двух детей-подростков (Греты и Алексы) и еще подкидыша подруги – дочери Тони (Соня называет ее «... Kuckukskund ...») [Lind, 2011: 3]. Оказавшись в затруднительном материальном положении, она решается на обман: писать колонку под мужским выдуманным псевдонимом, от лица отца-одиночки Себастьяна Рихтера. Данный план оказывается успешным, обман остается некоторое время нераскрытым: «... Das ist wirklich eine ganz linke Masche ...», sagt Siegfried mit glänzenden Augen, als wir den Computer runterfahren. Aber in seiner Stimme schwingt weniger Angst als tiefe Zufriedenheit mit. «... Vielleicht meine **Erfolgsmasche**», antworte ich keck». Wenn das mal gut geht, murmelt Siegfried, der sich die Hemdsärmel wieder runterrollt. «Ich bin jedenfalls da, wenn du mich brauchst ...» [Lind, 2011: 54].

Популярность колонки приводит к новому обману: главная героиня высылаёт редакторам фотографию незнакомца и, представившись агентом Хеллой Кофф, соглашается на контракт с продюсером мюзиклов. Необходимость присутствия автора колонки побуждает Соню найти незнакомца, который несмотря на взаимную симпатию, раскрывает обман главной героини перед публикой. Продюсеру однако понравился такой пиар мюзикла и он добавляет новый слоган ко всем материалам о мюзикле: «... aus der Feder einer Frau ...» [Lind, 2011: 301]. В конце читатель понимает, что главная героиня воплатила в жизнь свой девиз: «... Nur die Harten komm' in' Garten!..» [Lind, 2011: 2], со значением «... Wer etwas erreichen will, muss sich durchsetzen / durchkämpfen / durchbeißen; Wer Erfolg haben will, muss hart dafür arbeiten» [Redensarten-Index].

Интересно использование в заглавиях-композиатах ресурсов английского языка. Так, например, в заглавиях романов Кристиана Крахта «Faserland» (1995) и «Eurotrasch» (2021) в состав сложного существительного вошли лексемы из английского и немецкого языков. Такой прием помог автору проиллюстрировать проблему «лингвистической катастрофы» (Denglisch) в современной Германии и «растворения немецкой культуры в культуре англоязычной» [Кучумова, 2009: 23]. Интерпретация заглавия романа «Faserland» допускает множество трактовок. Во-первых, данная лексема отсылает к английскому слову *Fatherland* 'отечество', направляя тем самым читателя к одноименному английскому антиутопическому роману Роберта Харриса «Fatherland» (1992), в котором повествование происходит в альтернативном мире: Третий Рейх выиграл Вторую мировую войну и теперь доминирует над всей Европой. Данная интерпретация заглавия правомерна, учитывая, что «Я-рассказчик» в романе Кристиана Крахта постоянно делает ссылки на нацистскую Германию во время своего путешествия по Германии и Швейцарии, считая многих своих сограждан нацистами. Намеренное искажение в заглавии немецкого слова *das Vaterland* свидетельствует об утраченной связи отцов и детей и критическое отношение главного героя к поколению своих отцов и дедов. Во-вторых, у лексемы *die Faser*, входящей в состав композита, есть значение «*einem Faden ähnliches, feines, dünnes Gebilde von unterschiedlicher Länge, das meist versponnen werden kann*» [DWDS]. При такой интерпретации читатель фокусируется уже не на образе современной Германии и Швейцарии, а на атрибутах современной культуры потребления: брендовая одежда (герой уделяет особое внимание именно тканям, из которых она сделана), поп-музыке и ток-шоу.

4. Выводы

4.1. Наиболее частотными моделями компрессивного словообразования в построении заглавий романов современных немецкоязычных авторов являются сложные существительные (композиаты). Появление в заглавии романа композита нацелено на установление контакта между автором и читательской аудиторией: такое заглавие «направляет» читателя на верную интерпретацию замысла автора.

4.2. Языковая компрессия позволяет автору такого заглавия реализовать в высказывании синтаксические, стилистические фигуры, социокультурные аллюзии и смысловые реминисценции. Композиты используются авторами-романистами в качестве наименования места действия, персонажей или ключевого предмета-символа, ставшего метафорой и др. и позволяют не только отразить информационно-содержательный аспект, но и передать образный, аксиологический и эмоциональный посыл.

4.3. Рассмотренные романские заглавия могут быть отнесены к идиоматичным единицам, так как их значения не представляют собой сумму прямых значений составляющих их компонентов. Мотивом создания таких единиц является прагматическая установка автора на компактность языковой формы, которая при этом не осложняет интерпретацию содержательной стороны произведения.

4.4. Активное использование авторами в номинации современных романов композигов является частью игровой стратегии авторов в процессе номинации, нацеленной на привлечение читателя к данному литературному произведению после прочтения еще раз.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абрамов Б. А., Семенюк Н. Н. и др. *Немецкий язык // Языки мира. Германские языки. Кельтские языки.* Москва: Academia, 2000. С. 216-274.
2. Арутюнова Н. Д. *Логический анализ языка: языковые механизмы комизма.* Москва: Индрик, 2007. 726 с.
3. Блюменау Д. И. *Информационный анализ / синтез для формирования вторичного потока документов.* Санкт-Петербург: Издательство «Профессия», 2002. 240 с.
4. Валгина Н. С. *Теория текста.* Москва, 2003. 173 с.
5. Василевская *Словообразование в русском языке: очерки и наблюдения.* Москва, 1962. 132 с.
6. Веденева Ю. В. *Дискурсивный мир англоязычной поэзии для детей (на материале заглавий поэтических произведений): автореф. дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.04.* Самара, 2018. 23 с.
7. Гальперин И. Р. *Текст как объект лингвистического исследования.* 5-е изд., стереотипное. Москва: КомКнига, 2007. 144 с.
8. Гримм Я. *Немецкая грамматика.* Берлин, 1826. 1112 с.
9. Есперсен О. *Философия грамматики.* Москва: Иностран. лит., 1958. 404 с.
10. Карпилович Т. П. *Когнитивно-дискурсивный подход к моделированию смысловой компрессии текста // Актуальные проблемы германистики и профессионально-педагогического иноязычного образования.* Барановичи, 2003. С. 3-10.
11. Кучумова Г. В. *Немецкоязычный роман 1980-2000 гг.: курс на демифологизацию.* Самара: Самарская гуманитар. акад., 2009. 152 с.
12. Лаврова Н. А. *Контаминированное заглавие как компрессивное отражение содержания газетно-журнальной статьи // Вестник Московского государственного областного университета.* 2009. № 2. С. 117-121.
13. Лещенко Н. В. *Лингвистическая компрессия на разных композиционных уровнях аналитической статьи и способы её реализации в иностранном языке // Вестник Минского государственного лингвистического университета.* 2016. № 6 (85). С. 79-86.
14. Макарова Т. В., Ткаченко О. Г., Капустина О. Н. *Основы информационных технологий в рекламе.* Москва: Юнити – Дана, 2009. 271 с.
15. Мартине А. *Принцип экономии в фонетических изменениях: (Проблемы диахронической фонологии) / пер. с фр. А. А. Зализняка.* Москва: Изд-во иностр. лит., 1960. 261 с.
16. Нагамова Н. В. *Сложное слово и словосочетание в системе лексических единиц немецкого языка // Вестник Ставропольского университета.* 2009. Вып. 65. С. 240-245.

17. Пауль Г. Принципы истории языка. Москва: Иностр. лит., 1960. 500 с.
18. Степанова М. Д., Фляйшер В. Теоретические основы словообразования в немецком языке. Москва: Высшая школа, 1984. 264 с.
19. Харкевич А. А. Очерки общей теории связи. Москва: Гостехиздат, 1955. 268 с.
20. Deutsche Wortbildung: Typen und Tendenzen in der Gegenwartssprache: eine Bestandsaufnahme des Instituts für deutsche Sprache, Forschungsstelle Innsbruck. Substantivkomposita: (Komposita und kompositionsähnliche Strukturen 1). Hauptteil 4. Berlin-New York: Walter de Gruyter, 1991. 863 S.
21. Fleischer W., Barz I. Wortbildung der deutschen Gegenwartssprache. Tübingen: Max Niemeyer Verlag, 1995. 381 S.
22. Passy P. Etudes sur les changements phonétique et leurs caracteres. Paris: Firmin-Didot, 1890. 270 p.
23. Riffaterre M. Semiotics of poetry. Bloomington: Indiana University Press, 1978. 232 p.
24. Sweet H. History of the English sounds from the earliest period. Oxford: Clarendon Press, 1888. 409 p.
25. Zimpf J. Human Behavior And The Principle Of Least Effort. Addison Wesley Press, Inc., 1949. 597 p.

ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК

Duden. Die Grammatik. Unentbehrlich für richtiges Deutsch. Band 8-Bibliographisches Institut AG, Mannheim, 2009. 1349 S.

СПИСОК ИЛЛЮСТРАТИВНОГО МАТЕРИАЛА

1. DWDS. Der deutsche Wortschatz von 1600 bis heute. Available at: <https://www.dwds.de>. (accessed: 08.10.2023).
2. Hacker K. Der Bademesiter. FISCHER Taschenbuch, 2012. 238 S.
3. Lind H. Die Erfolgsmasche. Roman. München: Diana-Verl., 2011. 348 S.
4. Redesarten-Index. Available at: <https://www.redensarten-index.de>. (accessed: 08.10.2023).

REFERENCES

1. Abramov, B. A., Semenyuk, N. N. et al. (2000). Nemetskiy yazyk [The German language]. In *Yazyki mira. Germanskie yazyki. Keltskie yazyki*. Moskva: Academia. Pp. 216-274 (In Russ.).
2. Arutyunova, N. D. (2007). *Logicheskiy analiz yazyka: yazykovye mekhanizmy komizma* [Logical analysis of language: language mechanisms of comism]. Moskva: Indrik. (In Russ.).
3. Blyumenau, D. I. (2002). *Informatsionnyy analiz / sintez dlya formirovaniya vtorichnogo potoka dokumentov* [Information analysis / synthesis to form a secondary document flow]. Sankt-Peterburg: Izdatelstvo «Professiya». (In Russ.).
4. Valgina, N. S. (2003). *Teoriya teksta* [The text theory]. Moskva. (In Russ.).
5. Vasilevskaya, E. A. (1962). *Slovoslozhenie v russkom yazyke: ocherki i nablyudeniya* [Word complication in Russian: essays and observations]. Moskva. (In Russ.).
6. Vedeneva, Yu. V. (2018). *Diskursivnyy mir angloyazychnoy poezii dlya detey (na materiale zaglaviy poeticheskikh proizvedeniy)* [Discursive world of English-language poetry for children (based on the titles of poetic works)]: aftoref. diss. ... kand. filol. nauk: 10.02.04. Samara. (In Russ.).
7. Galperin, I. R. (2007). *Tekst kak obekt lingvisticheskogo issledovaniya* [Text as an object of linguistic study]. 5th ed. Moskva: KomKniga. (In Russ.).
8. Grimm, J. (1826). *Nemetskaya grammatika* [German grammar]. Berlin. (In Russ.).
9. Espersen, O. (1958). *Filosofiya grammatiki* [Philosophy of grammar]. Moskva: Inostr. lit. (In Russ.).

10. Karpilovich, T. P. (2003). Kognitivno-diskursivnyy podkhod k modelirovaniyu smyslovoy kompressii teksta [Cognitive Discursive Approach to Text Semantic Compression Modeling]. In *Aktualnye problemy germanistiki i professionalno-pedagogicheskogo inoyazychnogo obrazovaniya*. Baranovichi. Pp. 3-10. (In Russ.).

11. Kuchumova, G. V. (2009). *Nemetskoyazychnyy roman 1980-2000 gg.: kurs na demifologizatsiyu* [German-language novel 1980-2000: a course towards demythologization]. Samara: Samarskaya gumanit. akad. (In Russ.).

12. Lavrova, N. A. (2009). Kontaminirovannoe zaglavie kak kompressivnoe otrazhenie sodержaniya gazetno-zhurnalnoy stati [Contaminated title as a compressive reflection of the content of a newspaper-journal article]. In *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta*. No. 2. Pp. 117-121. (In Russ.).

13. Leshchenko, N. V. (2009). Lingvisticheskaya kompressiya na raznykh kompozitsionnykh urovnyakh analiticheskoy stati i sposoby ee realizatsii v inostrannom yazyke [Linguistic compression at different composition levels of the analytical article and methods of its implementation in a foreign language]. In *Vestnik Minskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta*. Minsk. No. 6 (85). Pp. 79-86. (In Russ.).

14. Makarova, T. V., Tkachenko, O. G., Kapustina, O. N. (2009). *Osnovy informatsionnykh tekhnologiy v reklame* [Basics of information technology in advertising]. Moskva: Yuniti – Dana. (In Russ.).

15. Martine, A. (1960). *Printsip ekonomii v foneticheskikh izmeneniyakh: (Problemy diakhronicheskoy fonologii)* [The principle of economy in phonetic changes: (Problems of diachronics phonology)]. In A. A. Zaliznyak (transl). Moskva: Izd-vo inostr. lit. (In Russ.).

16. Nagamova, N. V. (2009). Slozhnoe slovo i slovosochetanie v sisteme leksicheskikh edinits nemetskogo yazyka [Complex word and phrase in the system of lexical units of the German language]. In *Vestnik Stavropolskogo universiteta*. Iss. 65. Pp. 240-245. (In Russ.).

17. Paul, G. (1960). *Printsipy istorii yazyka* [Principles of language history]. Moskva: Inostr. lit. (In Russ.).

18. Stepanova, M. D., Flyaysher, V. (1984). *Teoreticheskie osnovy slovoobrazovaniya v nemetskom yazyke* [Theoretical foundations of word formation in German]. Moskva: Vysshaya shkola. (In Russ.).

19. Kharkevich, A. A. (1955). *Ocherki obshchey teorii svyazi* [Essays on the general theory of communication]. Moskva: Gostekhizda. (In Russ.).

20. *Deutsche Wortbildung: Typen und Tendenzen in der Gegenwartssprache: eine Bestandsaufnahme des Instituts für deutsche Sprache, Forschungsstelle Innsbruck. Substantivkomposita: (Komposita und kompositionsähnliche Strukturen 1)*. Hauptteil 4. Berlin-New York: Walter de Gruyter, 1991.

21. Fleischer W., Barz I. (1995). *Wortbildung der deutschen Gegenwartssprache*. Tübingen: Max Niemeyer Verlag.

22. Passy, P. (1890). *Etudes sur les changements phonétique et leurs caracteres*. Paris: Firmin-Didot.

23. Riffaterre, M. (1978). *Semiotics of poetry*. Bloomington: Indiana University Press.

24. Sweet, H. (1888). *History of the English sounds from the earliest period*. Oxford: Clarendon Press.

25. Zimpf, J. (1949). *Human Behavior And The Principle Of Least Effort*. Addison Wesley Press, Inc.

LEXICOGRAPHIC SOURCE

Duden. Die Grammatik. Unentbehrlich für richtiges Deutsch. Band 8. Bibliographisches Institut AG, Mannheim, 2009.

SOURCES OF ILLUSTRATIVE MATERIAL

1. DWDS. Der deutsche Wortschatz von 1600 bis heute. Available at: <https://www.dwds.de>. (accessed: 08.10.2023).
2. Hacker, K. (2012) *Der Bademesiter*. FISCHER Taschenbuch.
3. Lind, H. (2011) *Die Erfolgsmasche. Roman*. München: Diana-Verl.
4. *Redesarten-Index*. Available at: <https://www.redensarten-index.de>. (accessed: 08.10.2023).

Штырова Валерия Эдуардовна – аспирант
кафедры немецкой филологии
(e-mail: shtirova2014@gmail.com),
Самарский национальный исследовательский
университет имени академика С. П. Королева
443086, Самара, Московское шоссе, 34

Shtyrova Valeria E. – Post-Graduate Student
of German Philology Department
(e-mail: shtirova2014@gmail.com),
Samara National Research University Named
after S. P. Koroleva
34 Moskovskoe Highway, Samara, 443086

Поступила в редакцию 12 октября 2023 г.

РОМАНСКИЕ ЯЗЫКИ

УДК 811.133.1

© 2023 Т. Н. Глоба

СТРУКТУРНО-КОММУНИКАТИВНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПОСТРОЕНИЯ ФРАНЦУЗСКОГО ДИАЛОГА

В статье исследованы структурно-коммуникативные особенности построения диалогов на материале новелл французских авторов: рассмотрены различные подходы к понятию диалога; представлена типология основных видов французского диалога; обозначены функции диалога в художественном произведении; рассмотрены составляющие коммуникативно-прагматической структуры французского диалога; выявлены типы диалогов по коммуникативной установке и характеру взаимодействия участников коммуникации; охарактеризованы основные типы интенции в диалогах французских авторов.

Ключевые слова: диалог, диалогическая речь, иллокутивный акт, речевой акт, реплика, высказывание, коммуникация, интенция.

© 2023 T. N. Globa

STRUCTURAL AND COMMUNICATIVE FEATURES OF FRENCH DIALOGUE CONSTRUCTING

The article examines the structural and communicative features of dialogues construction in the novels of French authors: various approaches to the concept of dialogue are considered; the typology of the main types of French dialogue is presented; the functions of dialogue in a work of fiction are designated; the components of the communicative and pragmatic structure of the French dialogue are considered; the types of dialogues on the communicative attitude and the nature of interaction of communication participants are identified; the main types of intention in the dialogues of French authors are characterized.

Key words: dialogue, dialogic speech, illocutionary act, speech act, remark, utterance, communication, intention.

Ситуация употребления языка – это прежде всего ситуация речевой интеракции. Основным условием речевого взаимодействия является наличие минимум двух говорящих. Только диалогическая речь самым полным образом реализует специфику человеческого общения как обмена действиями, как социальную интеракцию или же цепь таких интеракций. Наибольшее значение в диалогическом тексте имеет его коммуникативная направленность, адресация, то есть обращение высказывания конкретного говорящего конкретному слушающему.

Теория диалога в исследовании рассматривается на основе научных трудов В. И. Максимова, Н. Д. Арутюновой, Ю. Н. Антоновой, Ю. С. Пановой, В. А. Афиногеновой, вместе с тем, диалоги изучаются с использованием понятий теории речевой коммуникации

как коммуникативного процесса. Диалогическая составляющая литературного произведения в данной работе исследуется в связи со стилистической установкой автора, содержащей в себе проблему отношения автора к героям, реализацию авторских интенций через анализ диалогической речи персонажей.

На современном этапе развития лингвистика уделяет большое внимание изучению прагматического аспекта языка («язык в действии») и, особенно, разработке теории диалога как коммуникативной деятельности. Теоретический фундамент для исследований диалогической речи в отечественной лингвистике был заложен в 20-х годах XX века в работах Л. П. Якубинского «О диалогической речи» [Якубинский, 1986], Л. В. Щербы «Языковая система и речевая деятельность» [Щерба, 2004], В. В. Виноградова «О теории художественной речи», М. М. Бахтина «Проблема речевых жанров» [Бахтин, 1986], в которых исследуются теоретические вопросы диалога на материале русского языка, а также в зарубежной лингвистике теория диалога рассматривается в трудах Дж. Р. Сёрля «Что такое речевой акт?» [Сёрл, 2010] на материале английского языка; в трудах К. Кербрата-Ореккьони «Les actes de langage dans le discours» [Kerbrat-Orecchioni, 2008], Ж. Мёшлер «Pragmatique conversationnelle et pragmatique de la pertinence» [Moeschler, 1988] на материале французского языка.

Актуальность представленной работы состоит в комплексном анализе структурно-коммуникативного аспекта лингвистических особенностей построения французского диалога в художественном тексте с точки зрения коммуникативных свойств и теории интеракции, а также в определении особенностей типологии диалогов в произведениях отдельно взятых французских авторов.

Предметом исследования обозначены структурно-функциональная организация и коммуникативные особенности построения реплик французского диалога.

Целью исследования является анализ компонентов коммуникативных структур диалогов, а также выявление моделей построения диалогов на материале новелл французских авторов.

В соответствии с целью и предметом данного исследования были поставлены следующие **задачи**:

- 1) определить сущность диалога как коммуникативной деятельности;
- 2) обозначить функции французского диалога в художественном произведении;
- 3) рассмотреть составляющие коммуникативно-прагматической структуры диалога;
- 4) выявить типы диалогов и на основе методологического анализа типов диалога составить классификацию с точки зрения коммуникативных установок и характера

взаимодействия участников на материале новелл французских авторов;

5) выявить и охарактеризовать типы диалогической интенции в новеллах французских авторов.

Для решения поставленных в работе задач использовались следующие **методы** и приёмы лингвистического анализа:

1) описательный метод, который позволил комплексно представить полученные результаты исследования;

2) метод компонентного анализа, при помощи которого описывалась структура и осуществлялась классификация отобранных языковых единиц;

3) метод количественного подсчета полученных в ходе исследования данных позволил определить продуктивность исследуемых единиц и проиллюстрировать основные положения и выводы;

4) метод интен-анализа интеракции, который предусматривал интерпретацию устремлений собеседников диалогов и осуществлялся путем анализа ответных реплик партнера.

Источником практического материала исследования послужили французские тексты следующих новелл А. Моруа: «Карьера» [Maurois, 2010], «Ты великая актриса» [Maurois, 2010], «Добрый вечер, милочка» [Maurois, 2010], «Отель Танатос» [Maurois, 2010], «Проклятие золотого тельца» [Maurois, 2010], «Завещание» [Maurois, 2010], «Собор» [Maurois, 2010], «Рождение мастера» [Maurois, 2010], «В новую школу» [Maurois, 2010], «Возвращение заключенного» [Maurois, 2010], «Ангел-хранитель» [Maurois, 2010]; новелл П. Мэриме: «Кармен» [Mérimée, 1976], «Партия в триктрак» [Mérimée, 1976], «Венера Ильская» [Mérimée, 1976], «Этрусская ваза» [Mérimée, 1976], «Маттео Фальконе» [Mérimée, 1976]; новеллы А. Вюрмсера «Жюльен распахнул окно» [Nouvelle française du XXe siècle, 1976]; М. Дрюона «Рыцарь» [Nouvelle française du XXe siècle, 1976]; Б. Виана «Чем опасны классики» [Nouvelle française du XXe siècle, 1976]; Д. Буланже «Подпись» [Nouvelle française du XXe siècle, 1976]; Б. Клавеля «Человек в кожаном пальто» [Nouvelle française du XXe siècle, 1976]. В результате проведенного исследования было проанализировано 1400 реплик, которые составляют 232 диалога в 21 новелле французских авторов.

Проблема изучения диалога становится одной из основных сфер интереса современной лингвистики в связи с расширением содержания понятия «диалог» и трудностью его делимитации. Диалог рассматривается не только как «языковой материал и средство речевого общения, но и как процесс и результат речевого общения, коммуникативная сущность высказываний и отношения между ними в тексте, формы и

жанры речевой деятельности» [Лагутин, 1991: 3]. В широком контекстуальном поле проблема диалога исследуется в концепции от всеобщности диалога – диалога культур до диалога человека с самим собой – диалога внутреннего [Александров, 2014: 1]. Из всех видов речевого общения диалог наиболее распространенная его форма, которая «затрагивает все сферы жизни, все уровни взаимоотношений людей от межличностных до международных» [Сёрл, 2010: 3].

В ходе исследования выявлено, что базовыми видами иллокутивных актов являются: информативы, директивы (и/или интеррогативы), экспрессивы, декларативы и комиссивы [Сусов, 1980: 24]. В ходе анализа реплик диалогов французских авторов было доказано преобладание в них речевых актов (далее РА) информативов – как метода сообщения, осуждения, прогнозирования, которые имеют своей целью зафиксировать ответственность говорящего за сообщение о некотором положении дел, за истинность выражаемого суждения [Kerbrat-Orecchioni, 2005: 39], данные РА выявлены в 503 случаях (что составляет 36% от общего количества эмпирического материала); РА-экспрессивы имеют разные эмоциональные оттенки: скрытого императива для достижения цели говорящего, явного сожаления или даже скрытой агрессии, исследованы на материале 419 реплик (30%); РА-интеррогативы (имеют иллокутивной целью получение информации) были выявлены в 280 случаях (20%); РА-директивы (иллокутивная цель – добиться выполнения определенных действий от собеседника) обнаружены в 140 репликах (10%). Внутри речевых актов интеррогативов и директивов Ю. С. Панова выделяет также этикетные РА, которые часто сопровождают, как просьбу, так и приказ, если необходимо смягчить их иллокутивную силу согласно принципу вежливости [Панова, 2011: 73], в анализируемых новеллах данный вид РА выявлен в 58 случаях (4%).

Более подробно рассмотрим вышеперечисленные речевые акты на примере диалогов из новеллы А. Моруа «Le retour du prisonnier», а именно на примере следующей реплики-стимула: – *Parce qu'elle est jolie, parce qu'elle était seule, parce qu'il y a tant d'autres hommes ...* [Maurois, 2010: 150] – «Потому что она красива, потому что она была одна, а вокруг столько мужчин ...». Данная реплика относится к информативному РА, в котором сообщается информация о параметрах характера объекта обсуждения – супруги одного из коммуникантов.

В новелле П. Мэриме «La partie du trictrac» экспрессивный РА представлен в виде обмена эмоциональными репликами между героями:

– *Non, ma pauvre enfant, dit-il en la repoussant avec douceur, il faut absolument que je me tue. Je souffre trop, je ne puis résister à la douleur que je sens là* (реплика 1) – «Нет, мое

бедное дитя, сказал он, нежно отталкивая ее, мне совершенно необходимо покончить с собой. Мне слишком больно, я не могу сопротивляться боли, которую чувствую’.

– *Eh bien, si tu veux mourir, Roger, je mourrai avec toi! Sans toi, que m’importe la vie! J’ai du courage, j’ai tiré des fusils; je me tuerai tout comme un autre. D’abord, moi qui ai joué la tragédie, j’en ai l’habitude* (реплика 2) ‘– Что ж, если ты хочешь умереть, Роже, я умру вместе с тобой! Без тебя какая мне разница, какая у меня жизнь! Мне хватит мужества, я стреляла из ружья; я убью себя так же, как и любого другого. К тому же, я, сыгравшая трагедию, привыкла к этому’ [Mérimée, 1976: 158]. В реплике 1 у героя преобладает эмоция сожаления и вины «*Je souffre trop*», так как он обманом выиграл деньги, что повлекло за собой смерть его партнера по игре. И эта вина и муки совести заставляют его желать смерти «... *il faut absolument que je me tue*». У героини (реплика 2) преобладают эмоции решимости и порывистости, так как она до этого обвиняя Роже, сейчас хочет уйти вместе с ним: «*Sans toi, que m’importe la vie!*». Однако финальная реплика разрушает эту интенцию и придает фразе другой оттенок – оттенок комичности, поскольку героиня словно играет роль, а не действительно намеревается умереть вместе с Роже: «*D’abord, moi qui ai joué la tragédie, j’en ai l’habitude*». Таким образом, в представленных примерах, речевые акты экспрессивы имеют разные эмоциональные оттенки: скрытого императива для достижения своей цели, явного сожаления и даже скрытой агрессии, что подтверждает гипотезу о полиинтенциональности реплик в новеллах французских авторов.

РА-директивы можно проиллюстрировать на примере диалога из новеллы А. Моруа «*La rentrée*»:

– *N’emploie pas des mots que tu ne comprends pas ... Comment est-elle, cette Mme Dujarrique?* [Maurois, 2010: 165] ‘– Не употребляй слов, которых не понимаешь ... Какая она, эта мадам Дюжаррик?’.

Реплика принадлежит отцу мальчика, с которым происходит беседа. Первый речевой ход выражен директивным речевым актом, который содержит иллюкутивную цель – добиться выполнения действия «*N’emploie pas ...*». Второй речевой ход представлен интеррогативным актом.

Этикетный речевой акт является наименее репрезентированным в анализируемых новеллах. Проиллюстрируем его на примере реплики из диалога в новелле П. Мэриме «*Carmen*»:

– *Je crains que le cheval de Monsieur ne soit malade ; je voudrais que Monsieur le vît: peut-être saura-t-il ce qu’il faut lui faire* [Mérimée, 1976: 483] ‘– Я боюсь, что лошадь

господина больна; я бы хотел, чтобы господин увидел это: возможно, он сможет с этим что-нибудь сделать’.

Так как эта реплика относится к этикетному РА, она используется в данном случае для смягчения коммуникативного намерения говорящего с целью пригласить главного героя на беседу. Формулу этикетного речевого оборота использует слуга-проводник, что в некотором смысле нарушает иерархическую модель РА, где вышестоящий по положению обращается к нижестоящему. Здесь этикетный РА выражен с помощью эксплицитного оборота вежливости «... *je voudrais que ...*»

Композиционно-смысловая функциональная структура диалогов в большинстве случаев включает все компоненты: зачин, основную часть или ядро и завершение или концовку согласно классификации В. И. Максимова [Максимов, 2000: 18]. Полная структура диалога выявлена в 187 из 232 анализируемых диалогов, что составляет 81% от общего числа. Следовательно, неполные диалоги, в которых отсутствует одна из смысловых частей являются нетипичными для новелл французских авторов. Зачины, или инициальные реплики, диалогов, выступающие в качестве установления контакта между коммуникантами, а также выполняющие информативную функцию ввода читателя в смысловое содержание сюжета, являются типичными для новелл французских авторов. Позиция инициальной реплики диалога, выполняющей в равной степени активную и нейтральную функции, находится как в зачине диалога, который начинает саму новеллу, так и после авторского повествования. Зачин диалога в форме вопроса является преобладающим и выявлен в 99 диалогах (43%). Финальная реплика чаще всего позволяет установить закономерность окончания диалога исключительно в конкретной коммуникативной ситуации, то есть остается без ответа [Kerbrat-Orecchioni, 2008: 136]. В некоторых случаях финальная реплика выполняет активную функцию по отношению к концовке самой новеллы и завершает ее. Финальная реплика в форме сообщения информации является преобладающей и выявлена в 175 диалогах, что составляет 75% от общего числа.

Функцию инициальной реплики в форме вопроса проанализируем на примере фрагмента диалога из новеллы А. Моруа «Le testament»:

– *Eh bien? demanda-t-elle. Que dis-tu de ces gens-là?* [Maurois, 2010: 127] ‘– Ну что ж? – спросила она. Что ты скажешь об этих людях?’ Зачин диалога является инициальной репликой, выраженная в форме интеррогатива. В этом примере инициальная реплика выполняет также функцию установления речевого контакта только в конкретных условиях, поскольку отсутствие формул вежливости в начале разговора присуще собеседникам, состоящим в близких отношениях, в данном случае брачных.

Финальную реплику как способ сообщения информации проиллюстрируем на примере диалога из новеллы Проспера Мэриме «Mateo Falcone»:

– *Dans le ravin. Je vais l'enterrer. Il est mort en chrétien; je lui ferai chanter une messe. Qu'on dise à mon gendre Tiodoro Bianchi de venir demeurer avec nous* [Mérimée, 1976: 48]
‘– В овраге. Я собираюсь похоронить его. Он умер христианином; я закажу ему мессу. Пусть скажут моему зятю, Тиодору Бьянчи, чтобы он приехал и остался жить с нами’. В данной реплике, завершающей новеллу, Маттео Фальконе сообщает своей супруге о месте захоронения умершего сына. Финальная реплика не требует никакого ответа и представлена констатацией печального завершения новеллы.

В рамках коммуникативного аспекта также проведено исследование типов диалогов с точки зрения коммуникативных установок и характера взаимодействия участников; выявлены типы основных интенций и определены функции диалога в новеллах французских авторов. В результате типологического анализа диалогов в новеллах представляется возможным считать типичным для авторского стиля диалог-беседу, который представляет собой обмен мнениями в личностных интересах коммуникантов (63 диалога (27%)), а также диалог-беседу, как обмен мнениями по каким-либо вопросам (61 диалог (26%)). Такие количественные показатели обусловлены характером диалога-беседы как обмена мнениями в целом, где различаются лишь направления модальности.

Наиболее используемый в новеллах тип диалога-беседы как обмен мнениями в личностных интересах носит модально-убедительный характер, а в репликах преобладает утвердительно восклицательный характер, например в новелле «Tu es une grande artiste»:

– *Bien... Je verrai Odette, mais je ne vous promets pas de plaider votre cause... Je l'exposerai, rien de plus!* (реплика 1) ‘– Хорошо ... Я увижу Одетту, но я не обещаю, что буду защищать вашу правоту ... Я объясню ей, не более того!’

– *Vous ne la combattrez pas? C'est tout ce que je vous demande ... Je vais faire appeler Odette, je vous laisserai seul avec elle et vous lui parlerez librement* (реплика 2) [Maurois, 2010: 48]. ‘– Вы не будете её переубеждать? Это всё, о чём я Вас прошу ... Я позову Одетту, оставлю вас наедине, и вы спокойно поговорите.’

В приведённом диалоге собеседники, Бертран и Робер Фабер, завершают разговор. Робер (реплика 2) убедил Бертрана поговорить с женой Фабера. На модальность диалога указывают некоторые ключевые слова и словосочетания, используемые автором в репликах «*C'est tout ce que je vous demande*», побудительный характер всех фраз сказанных Робером, а также согласие «*Bien*» Бертрана и общий утвердительный характер реплики 1.

В соответствии с типологией диалогов по характеру взаимодействия участников доминирует диалог-равенство – как форма общения (179 диалогов (77%)), при которой оба участника диалога ведут беседу, не направленную на достижение какого-либо совместного, конкретного результата, в чём и выражается его функция; иными словами, по стратегии ни один из участников не зависит от собеседника. Примером диалога-равенства, как преобладающего типа с точки зрения коммуникативных установок может служить диалог из новеллы Б. Виана «*Le danger des classiques*»:

– *Vous êtes tellement élégante aujourd'hui!* – *m'écriai-je, surpris de mon propre courage*
'– Вы сегодня так элегантны! – воскликнул я, удивляясь собственной смелости.'

– *Vous aimez ça, Bob?* '– Вам это нравится, Боб?'

– *Très* '– Очень.'

– *Je suis très contente, dit-elle d'un ton moqueur* [Balashov, Balashova, 1976: 467]
'– Я очень рада, – сказала она насмешливым тоном'.

Данный диалог представляет собой обмен комплиментами между двумя коллегами-сотрудниками научного института.

Констатируем, что при лингвистическом анализе особенностей диалога в литературном произведении проявляется его композиционная структура. Выбор авторов и типа художественных произведений обусловлен тем, что писатели именно в новеллах отводят диалогам ведущее место в структуре произведений, наделяя их большой функциональной нагрузкой, что обуславливается размером и литературной формой новеллы. В творчестве французских писателей диалоги доминируют, иногда полностью устраняя из текста авторскую речь. В произведениях такого типа авторский замысел распознается через анализ речи интенции персонажей путем восприятия содержательно-коммуникативной структуры диалогов. Таким образом, выявляется сущность авторского метода французских новеллистов – полная авторская непричастность.

В результате типологического анализа 232 диалогов из представленных новелл французских авторов с точки зрения коммуникативных установок было выявлено 142 диалога-беседы (61%), а также 90 диалогов-разговоров, что составляет 39% от общего количества выборки. Такие количественные показатели обусловлены характером диалога-беседы как обмена мнениями в целом, где различаются лишь направления модальности, и диалога-разговора, как обмена сведениями при передаче информации от одного участника коммуникации другому.

По характеру взаимодействия участников в анализируемых диалогах было выделено наличие типа диалога-равенства – 189 диалогов (81%), диалога-сотрудничества –

25 диалогов (11%), диалога-зависимости – 18 диалогов (8% от общего числа диалогов в новеллах французских авторов). Преобладание диалога-равенства, прежде всего, обусловлено художественной формой новеллы и сюжетной необходимостью, то есть выбор используемого типа диалога по характеру взаимодействия участников зависит исключительно от сюжета новеллы и используемых авторских средств для его воплощения.

В художественном произведении диалог прежде всего указывает на взаимодействие коммуникантов с помощью речи, а также является основой формирования коммуникативных связей между собеседниками [Moeschler, 1988: 67]. Специфика диалога в новеллах французских писателей заключается в наборе разнообразно сочетающихся речевых актов. Зачин диалога происходит в определенной инициальной реплике, которая привлекает внимание как других действующих персонажей, так и читателя. Ядро диалога часто имеет вопросно-ответную или повествовательную форму. Завершение диалога состоит из информативной, экспрессивной или интеррогативной финальной реплики, которая в 8 случаях из 21 завершают новеллу.

Зачин и основа диалога в новеллах максимально приближены к реальности с помощью приема «показа», когда авторские ремарки отсутствуют. Завершение диалога имеет эффект вспышки и обрывается в самый кульминационный момент.

Анализ диалогических текстов новелл французских авторов позволяет констатировать, что в 187 (81%) случаях диалоги формируют полную (зачин, основная часть (ядро), завершение), а в 45 (19%) случаях не полную (зачин, основная часть (ядро) или зачин, завершение) композиционно-смысловую части диалога.

Вербальная характеристика партнеров по коммуникации используется в зачине диалога в прологе новелл. Она вводит персонажей в сюжет новелл и представляет их читателю. Диалог демонстрирует ролевые отношения и выражает социальный статус собеседников. Специфика диалогов в новеллах французских авторов заключается в выборе речевых актов и их сочетаемости, вот почему финальные реплики диалогов настолько значимы.

Согласно анализу речевых актов диалогов (736 реплик-стимулов и 664 реплик-реакций), в новеллах французских авторов среди базовых видов иллокутивных актов в репликах-стимулах и в репликах-реакциях было установлено следующее соотношение речевых актов: РА-информативы – 503, РА-экспрессивы – 419, РА-интеррогативы – 280, РА-директивы – 140 случаев, этикетные РА – 58 реплик.

Преобладающий характер диалога-беседы как обмена мнениями и диалога-беседы как обмена сведениями в личностных интересах объясняется тонким психологизмом в

сюжетах французских новелл. В выборе сюжетов авторы по большей части останавливаются на специальных темах с межличностной проблематикой, дидактической направленностью и реализуют их в форме притчи.

Интенция реплики является основополагающей стороной речевого высказывания. Успешность реализации коммуникативного воздействия напрямую зависит от эффективности применяемых стратегий и тактик речевого поведения. Следует упомянуть, что речевое намерение отличается многоплановостью, так как общая интенция является одновременно проявлением нескольких отдельных, более мелких. В связи с этим цель имеет свойство меняться по ходу высказывания с внесением говорящим корректировок для воплощения стратегического замысла. Интенция представляет собой субъективный фактор речевого взаимодействия коммуникантов, который функционирует после осознания субъектом мотивов порождения речевой деятельности и позволяет прогнозировать его возможный результат. Вследствие этого разграничивают информативные, побудительные, эмоционально-оценочные и контактные интенции.

В анализируемых диалогах французских авторов в реализации коммуникативной стратегии преобладают эмоционально-оценочная интенция – 645 реплик (46%), также побудительная и информативная интенции – 336 реплик (24%) и 321 реплика (23%) соответственно. Наименее используемой была выявлена чистая контактная интенция как способ реализации коммуникативной интенции – 98 реплик (7%).

Диалог в художественном произведении – это прежде всего взаимодействие коммуникантов с помощью речи. Исходя из проведенного анализа, можно сделать вывод, что диалог в новеллах французских авторов имеет характероформирующую, а также сюжетообразующую и сюжеторазвивающую функции. Специфика художественного диалога определяется эстетической функцией, которая представляет собой процесс художественно-образного мышления. С помощью диалога авторы создают цельный текст, в котором происходит завязка сюжета новеллы, формируются речевые портреты персонажей, которые отражают особенности их речевого поведения.

Перспектива дальнейшего изучения принципов оформления диалогов и их коммуникативных особенностей в художественном произведении может заключаться в анализе стилистических приемов, используемых автором для реализации коммуникативной интенции адресанта.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Александров Е. П. Проблема диалога в современном гуманитарном знании. // Вестник Таганрогского института управления и экономики. Таганрог. 2014. № 1. С. 52-57.

2. Бахтин М. М. Проблема речевых жанров. Литературно-критические статьи. Москва, 1986. 472 с.
3. Лагутин В. И. Проблема анализа художественного диалога (к прагмалингвистической теории драмы). Кишинев: ШТИИИЦА, 1991. 97 с.
4. Максимов В. И. Русский язык и культура речи. Москва: Гардарики, 2000. 412 с.
5. Панова Ю. С. Структурно-коммуникативные особенности диалога в новеллах Андре Моруа: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.05. Тула, 2011. 188 с.
6. Сёрл Дж. Р. Философия языка. 2-е изд. Москва: Едиториал, 2010. 208 с.
7. Сусов И. П. Семантика и прагматика предложения. Калинин: КГУ, 1980. 51 с.
8. Щерба Л. В. Языковая система и речевая деятельность. Москва: Едиториал, 2004. 432 с.
9. Якубинский Л. П. О диалогической речи. Избранные работы. Москва, 1986. 58 с.
10. Kerbrat-Orecchioni C. *Le discours en interaction*. Paris: A. Collin, 2005. 365 p.
11. Kerbrat-Orecchioni C. *Les actes de langage dans le discours*. Paris: A. Collin, 2008. 200 p.
12. Moeschler J. *Pragmatique conversationnelle et pragmatique de la pertinence // Cahiers de linguistique française*. Genève, 1988. No. 11. P. 65-85.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ ИЛЛЮСТРАТИВНОГО МАТЕРИАЛА

1. Nouvelle française du XXe siècle. 1940 – 1970 / comp. V. Balashov, T. Balashova. Moskva: Khudozhestvennaya literatura, 1976. 574 p.
2. Maurois A. *Une carrière et autres nouvelles*. Moskva: Radouga, 2010. 190 p.
3. Mérimée P. *Nouvelles*. 3e Edition. Moskva: EDITION DU PROGRES, 1976. 616 p.

REFERENCES

1. Aleksandrov, E. P. (2014). Problema dialoga v sovremennom gumanitarnom znanii [The problem of dialogue in modern humanitarian knowledge]. In *Vestnik Taganrogskegogo instituta upravleniya i ekonomiki*. Taganrog. No. 1. Pp. 52-57. (In Russ.).
2. Bakhtin, M. M (1986). *Problema rechevykh zhanrov. Literaturno-kriticheskie stati* [The problem of speech genres. Literary and critical articles]. Moskva. (In Russ.).
3. Lagutin, V. I. (1991). *Problema analiza khudozhestvennogo dialoga (k pragmalingvisticheskoi teorii dramy)* [The problem of the analysis of artistic dialogue (to the pragmalinguistic theory of drama)]. Kishinev: ShTIINTsA. (In Russ.).
4. Maksimov, V. I. (2000). *Russkiy yazyk i kultura rechi* [Russian language and speech culture]. Moskva: Gardariki. (In Russ.).
5. Panova, Yu. S. (2011). *Strukturno-kommunikativnye osobennosti dialoga v novellakh Andre Morua* [Structural and communicative features of dialogue in Andre Mauroy's short stories]: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk: 10.02.05. Tula. (In Russ.).
6. Serl, Dzh. R. (2010). *Filosofiya yazyka* [Philosophy of language]. 2nd ed. Moskva: Editorial. (In Russ.).
7. Susov, I. P. (1980). *Semantika i pragmatika predlozheniya* [Semantics and pragmatics of the sentence]. Kalinin: KGU. (In Russ.).
8. Shcherba, L. V. (2004). *Yazykovaya sistema i rechevaya deyatelnost* [Language system and speech activity]. Moskva: Editorial. (In Russ.).
9. Yakubinskiy, L. P. (1986). *O dialogicheskoy rechi. Izbrannye raboty* [About dialogical speech. Selected works]. Moskva. (In Russ.).
10. Kerbrat-Orecchioni, C. (2005). *Le discours en interaction*. Paris: A. Collin.
11. Kerbrat-Orecchioni, C. (2008) *Les actes de langage dans le discours*. Paris: A. Collin.
12. Moeschler, J. (1988). *Pragmatique conversationnelle et pragmatique de la pertinence*. In *Cahiers de linguistique française*. Genève. No. 11. Pp. 65-85.

SOURCES OF ILLUSTRATIVE MATERIAL

1. *Nouvelle française du XXe siècle. 1940 – 1970.* In V. Balashov, T. Balashova (comp.). Moskva: Khudozhestvennaya literatura, 1976.
2. Maurois, A. (2010). *Une carrière et autres nouvelles.* Moskva: Radouga.
3. Mérimée, P. (1976). *Nouvelles.* 3rd edition. Moskva: EDITION DU PROGRES.

Глоба Татьяна Николаевна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры романской филологии (e-mail: t.n.globa@mail.ru), Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Донецкий государственный университет» 283001, Донецк, Университетская, 24

Globa Tatyana N. – Candidate of Pedagogics, Associate Professor of Romance Philology Department (e-mail: t.n.globa@mail.ru), Federal State Educational Institution of Higher Education «Donetsk State University» 24 Universitetskaya, Donetsk, 283001

Поступила в редакцию 16 августа 2023 г.

ТЕОРИЯ ЯЗЫКА

УДК 81'33

© 2023 А. С. Кулева

НЕЗАМЕТНАЯ ДИАХРОНИЯ: О НАЗВАНИЯХ РАСТЕНИЙ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ

В статье рассматриваются проблемы словарного описания фитонимов. Названия растений в современном русском языке представляют собой малоисследованную неустойчивую группу лексики. Существенные изменения, произошедшие в этой группе в последние десятилетия, не находят адекватного описания в толковых словарях. Трудности, с которыми сталкивается носитель языка, иллюстрируются примерами из переводной художественной литературы.

Ключевые слова: лексикография, лексикология, толковый словарь, фитоним, перевод.

© 2023 A. S. Kuleva

DIACHRONY UNNOTICED: ON PLANT NAMES IN MODERN RUSSIAN

The article deals with the problems of the lexicographic description of plant names (phytonyms). The plant names in Modern Russian represent a poorly researched unstable group of lexicon. The significant changes that have occurred in this group in recent decades are not adequately described in explanatory dictionaries. The difficulties faced by a native speaker are illustrated by examples from translated fiction.

Key words: lexicology, lexicography, explanatory dictionary, phytonym, translation.

Названия растений (фитонимы) представляют собой очень интересную лексическую группу. До сих пор русские названия растений изучались преимущественно в рамках диалектологических и этнокультурных исследований – в этой сфере существуют давние традиции и обширная научная литература, ср. [Меркулова, 1967; Арьянова, 2006-2008; ЛАРНГ, 2017] и [Колосова, 2009; Kolosova, Kovalenko, 2019; PhytoLex], а также работы типа [Разина, 2020]. Функционирование названий растений в современном русском языке привлекает внимание исследователей нечасто (ср. [Протасова, 2014; Shmelev A., Shmeleva E., 2009] и др.).

Приходится признать, что данная группа до сих пор не изучена должным образом, главной причиной чего можно назвать двойственный характер рассматриваемых единиц. С одной стороны, кажется, что они представляют собой разновидность конкретной предметной лексики, называющей элементы объективной реальности. В этом смысле фитонимы логично рассматривать как ботаническую номенклатуру, терминологическую или терминоподобную лексику. С другой стороны, легко обнаруживается, что эта группа разнородна, изменчива, границы ее размыты. Наиболее наглядно такую двойственность можно увидеть при сопоставлении толковых словарей.

В основных толковых словарях современного русского языка, описывающих словоупотребление на протяжении последнего столетия [СУ; БАС-1; МАС; БАС-3; СШв; АТоС], названия растений представлены довольно скупо: общий словник лексем, выбранных из названных источников, не превышает тысячи единиц. Более того, от словаря к словарю ряд лексем сокращается. Причиной этого можно назвать ориентацию лексикографов на упомянутую выше тенденцию рассматривать фитонимы как разновидность номенклатуры. Так, параллельно с тем, как толкования становились всё более «научноцентричными» («трава с голубыми цветами» > «травянистое растение семейства ...»), из словника выводились единицы устаревшие, сниженные и вообще «недостаточно научные» – ср.: *конопель, сморода, желтоцвет* «[любое] растение с желтыми цветами», *пламенник* «=флокс», *timoфеева трава* «=timoфеевка» и т. п. С другой стороны, словник практически не пополнялся новыми единицами – можно отметить лишь единичные добавления, ср.: *панайя* [СШв], *брокколи* [АТоС]. Обращение к семантическому словарю [РСС: 514-558] показывает, что рассматриваемая группа не только невелика и разнородна, но и системно устарела.

Кроме того, принятый в отечественной лексикографии принцип не включать в словарь общенационального языка узко специальную терминологию склоняет лексикографов к исключению «слишком научных», малоупотребительных единиц (ср. только в МАС: *гравилат, драцена, ежа, кизильник, пеларгония, традесканция, физалис, чубушник*). Однако отнесение подобных лексем к узко специальным не выглядит убедительным решением. Приписывание фитонимам терминологического значения, иными словами – попытка выстроить ряд стилистически нейтральных однозначных единиц, приводит к искусственному ограничению, обеднению этой лексической группы.

Как представляется, такой подход не оправдал себя: сокращение лексической группы, исключение вариативности, игнорирование сложных семантических связей между единицами в конечном счете искажает языковую картину мира.

Вызывает сомнения и успешность «научноцентрического» принципа. Если обратиться к соответствующим источникам, можно обнаружить, что русские фитонимы не являются предметом изучения наук естественнонаучной сферы, поскольку в качестве научных названий растений используется латинская номенклатура (ср. [Черепанов, 1995]). Русские названия рассматриваются либо как вспомогательные или даже маргинальные единицы [Николаева, Паутова, 2002], хотя известные ученые иногда отмечают, что сотрудничество между ботаниками и филологами было бы полезным и весьма желательным [Цвелёв, 2011], тем более что именно ботаниками в свое время были созданы выдающиеся

труды, до сих пор сохраняющие свое значение и с филологической точки зрения [Анненков, 1878; Маевский, 1892 / 2014].

Таким образом, кажутся перспективными изучение названий растений с лингвистической точки зрения и соответствующая переориентация лексикографического описания слов рассматриваемой группы. Но это остается делом будущего. В настоящее же время наиболее исследованной областью оказывается сфера языка художественной литературы (ср. [Шарафадина, 2018]), в том числе и в словарном жанре [Кожевникова, Петрова, 2015], см. подробнее [Кулева, 2020]. Следует отметить, что лексикографическое описание фитонимов привлекает внимание не только русских лингвистов, ср. [Faircloth, Thomas, 2014; Quealy, Hasegawa-Collins, 2017; Judd W., Judd G., 2017]. Сопоставительные исследования в этом смысле особенно полезны.

Если сравнивать русские переводы художественной литературы с их иноязычными оригиналами, можно обнаружить интересные особенности функционирования фитонимов.

Так, приведем примеры из одной из самых популярных некогда книг подросткового чтения: Томас Майн Рид «Оцеола, вождь семинолов» (пер. Б. Б. Томашевского, 1956) / «Osceola the Seminole, or The Red Fawn of the Flower Land» (1858). Оказывается, что современный читатель сталкивается приблизительно с теми же трудностями, что и ранее переводчик, и более того, веком раньше – сам автор, знакомявший преимущественно европейского читателя с американской природой. Сравним несколько фрагментов:

(1) «Твои [Флориды] леса все еще девственны и нетронуты, твои саванны полны зелени, твои рощи благоухают ароматами **аниса**, **апельсинового дерева**, **мирта** и **магнолии**. Голубая **иксия** сверкает на твоих равнинах, золотистая **нимфея** отражается в твоих водах. На твоих болотах возвышаются огромные **кипарисы**, гигантские **кедры**, **эвкалипты** и **лавры**. **Сосны** окаймляют твои холмы, покрытые серебристым песком, и смешивают свою хвою с листвой **пальм**. || Thy forests are still virgin and inviolate; verdant thy savannas; thy groves as fragrant as ever – those perfumed groves of **aniseed** and **orange**, of **myrtle** and **magnolia**. Still sparkles upon thy plains the cerulean **ixia**; still gleam in thy waters the golden **nymphae**; above thy swamps yet tower the colossal **cypress**, the gigantic **cedar**, the **gum**, and the **bay-tree**; still over thy gentle slopes of silvery sand wave long-leaved **pin**es, mingling their acetalous foliage with the frondage of the **palm**».

(2) «На поляне растут большие **пальмы** с длинными остроконечными листьями и маленькие **пальметто** с широкими веерообразными листьями. Тут цветут **магнолии** и благоухающий **анис**, там – радужная корона **юкки**. || Upon the lawn, behold tall tapering **palms**, with pinnatifid leaves – a species of **oreodoxia** – others with broad fan-shaped fronds –

the *palmettoes* of the south; behold **magnolias**, clumps of the fragrant **illicium**, and radiating crowns of the *yucca gloriosa* – all indigenous to the soil».

(3) «На этих полях и растет **индиго**. Впрочем, здесь есть и другие культуры: **маис**, **сладкий картофель**, **рис** и **сахарный тростник**. || These fields exhibit the staple of cultivation, the precious **dye-plant**, though other vegetation appears upon them. There are **maize-plants** and **sweet potatoes** (*Convolvulus batatas*) some **rice**, and **sugar-cane**».

(4) «Подобные естественные водохранилища хотя и расположены на равнинах, но всегда окружены холмами или обломками скал, покрытыми вечнозелеными зарослями **магнолий**, **розового лавра**, **дуба**, **шелковицы** и **пальметто**. || Such natural reservoirs, although occurring in the midst of level plains, are always partially surrounded by eminences – knolls, and detached masses of testaceous rocks; all of which are covered by an evergreen thicket of native trees, as *magnolia grandiflora*, **red bay**, *zanthoxylon*, **live-oak**, **mulberry**, and several species of **fan-palms** (*palmettoes*)».

(5) «Мы увидели возделанные поля, засеянные **маисом** и засаженные **бататом** – **сладким картофелем**, – **стручковым перцем**, **дынями** и **тыквами**. || We saw fields under cultivation. We noticed crops of **maize**, and **sweet potatoes**, with **capsicums**, **melons**, and **calabashes**. Все это характерно для усадеб испанских колонистов».

(6) «Даже самый ландшафт напоминал испанский: здесь были экзотические растения – **китайские апельсины**, великолепные **тыквы-папайи**, **стручковый перец** и **томаты**. The scene, too, had Spanish touches. There were exotic plants, the **China orange**, the splendid **papaya**, the **capsicums** (**chiles**), and **love-apples** (**tomatoes**); almost characteristics of the home of the Spanish colonist».

(7) «На озере был чудесный островок <...>. Он был довольно большой, холмистый посередине и весь порос вечнозелеными деревьями – **дубами**, **магнолиями**, **звездчатым анисом** и дикими **апельсиновыми деревьями**. <...> Там можно было встретить кусты **желтодревника** с яркими желтыми цветами, ароматный ярко-красный **дерен** и много других благоухающих растений. <...> Правда, кое-где ползучие лианы и чужеродные растения – эпифиты, или паразиты, – преграждали путь, а между ними вились огромные изглоданные лозы **дикого винограда**, переплетались кусты **хинина** и **сарсапариллы**, цвели **бегонии**, **бромелии** и пахучие **орхидеи**. || In the lake, there was a beautiful island <...>. For the most part, it was clad with timber, nearly all evergreen – as the **live-oak**, **magnolia**, **illicium**, and the **wild orange** – indigenous to Florida. There was **zanthoxylon trees**, with their conspicuous yellow blossoms; the perfumed flowering **dogwood**, and sweet-scented plants and shrubs <...>. Here and there, the path was tangled with epiphytes or parasites – with enormous gnarled vines of the **fox-grape** – with **bignonias** – with **china** and **sarsaparilla**

briers – with **bromilias** and sweet-scented **orchids** <...>».

Нетрудно заметить, что переводчик применяет те же стратегии, что и автор: наряду с общеизвестными единицами (*сосна*, *пальма*) использует более терминологичные именованья (в оригинале среди них есть также выделенные курсивом латинские термины – единственный вариант, от которого переводчик отказался), обиходные названия (*dogwood* vs. *дёрен*), а также инокультурные единицы (*sarsaparilla* vs. *сарсапарилла*), в том числе уточняемые через контекстные синонимы или упоминание характерных признаков. Однако очевидно, что в оригинале и переводе эти единицы не точно соответствуют друг другу: иногда в переводе обиходному названию оригинала соответствует более специальная единица (*dye-plant* vs. *индиго*), в разных контекстах перевод расходится с оригиналом (*aniseed*, *illicium* vs. *анис*, *звездчатый анис*). Ряд растений может приводиться не только с разными соответствиями, но и в другом порядке, ср. в (4): *magnolia grandiflora* ‘магнолия’, *red bay* ‘розовый лавр’, *zanthoxylon* (перевод отсутствует; в (7) – ‘желтодревник’), *live-oak* ‘дуб’, *mulberry* ‘шелковица’, *species of fan-palms (palmettoes)* ‘пальметто’.

Некоторые несовпадения перевода и оригинала вполне понятны – многие единицы на момент не только отсутствовали в общезыковых толковых словарях, но и не находили адекватного представления в естественнонаучных источниках. Можно предположить, что даже не все удачные переводы были понятны массовому читателю и оставались эффектными экзотизмами (ср. *иксия*).

Однако для современного читателя могут возникнуть трудности скорее с другими единицами. Так, сейчас вполне известны *батат* и *папайя*, варианты *сладкий картофель* и *тыквы-папайи* выглядят архаично. Согласно [НКРЯ], *батат* встречается с 1950-х гг., *папайя* – с 1970-х; слово *батат* зафиксировано в [МАС], *папайя* ‘То же, что дынное дерево’ в [СШв].

Таким образом, анализ функционирования фитонимов в художественном тексте в сопоставлении с данными толковых словарей показывает, что названия растений в современном русском языке, их семантика, динамика словоупотребления изучены явно недостаточно. Лексикографическое описание фитонимов требует переосмысления и обновления.

Следует отметить, что недостаток внимания к лексическим единицам, называющим растения, видимо, неслучаен и носит системный характер. Так, американскими ботаниками в последние десятилетия был предложен термин «plant blindness» ‘слепота к растениям’ как неспособность увидеть или заметить растения в своем окружении, ведущая к неспособности осознать важность растений для биосферы и в жизни человека [Allen, 2003; Knapp, 2019].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Колосова В. Б. Лексика и символика славянской народной ботаники. Этнолингвистический аспект. Москва: Индрик, 2009. 352 с.
2. Кулева А. С. О названиях растений в лингвистической перспективе: «Растения Средиземья», словари и переводы // Вопросы языкознания. 2020. № 5. С. 115-131.
3. Меркулова В. А. Очерки по русской народной номенклатуре растений. Москва: Наука, 1967. 259 с.
4. Протасова Е. Ю. Герань или пеларгония: модернизация понятия // Уральский филологический вестник. Серия: Язык. Система. Личность: лингвистика креатива. 2014. Т. 23. № 1. С. 111-120.
5. Разина А. С. Проект этнолингвистического словаря «Мир, отраженный в народных названиях растений» // Вестник Томского государственного университета. 2020. № 457. С. 34-45.
6. Цвелёв Н. Н. О русских названиях семейств покрытосеменных растений // Новости систематики высших растений. Москва; Санкт-Петербург: Товарищество научных изданий КМК, 2011. Т. 42. С. 24-29.
7. Шарафадина К. И. Селам, откройся! Флоропозитика в образном языке русской и зарубежной литературы. Санкт-Петербург: Нестор-История, 2018. 543 с.
8. Allen W. Plant blindness // *BioScience*. 2003. Vol. 53. No. 10. P. 926.
9. Faircloth N., Thomas V. *Shakespeare's Plants and Gardens: A Dictionary* (Arden Shakespeare Dictionaries). London; New York: Bloomsbury, 2014. 432 p.
10. Judd W. S., Judd G. A. *Flora of Middle-earth: Plants of J.R.R. Tolkien's legendarium*. New York: Oxford Univ. Press, 2017. 406 p.
11. Knapp S. Are humans really blind to plants? // *Plants, People, Planet*. 2019. Vol. 1. Iss. 3. P. 164-168.
12. Kolosova V., Kovalenko K. Images of plants in Old Russian heritage: Materials of Phytalex database // *Plant Diversity: sociocultural dimensions and interdisciplinary projections*. Sofia: The Institute of Ethnology and Folklore Studies with Ethnographic Museum, Bulgarian Academy of Sciences, 2019. P. 27.
13. Quealy G., Hasegawa-Collins S. *Botanical Shakespeare: An Illustrated Compendium of All the Flowers, Fruits, Herbs, Trees, Seeds, and Grasses Cited by the World's Greatest Playwright*. New York, HarperCollins, 2017. 208 p.
14. Shmelev A., Shmeleva E. Russian botanical terms: Towards their lexicographic description // *Proceedings of the 4th International Conf. on Meaning-Text Theory*. Montréal, 2009. P. 339-348.

СПИСОК ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ

1. Академический толковый словарь русского языка / отв. ред. Л. П. Крысин. Москва: Языки славянской культуры, 2016. Т. 1: А – Вилять. 668 с.; Т. 2: Вина – Гяур. 680 с. [АТос].
2. Анненков Н. И. Ботанический словарь. Санкт-Петербург: Имп. Академия наук, 1878. 646 с.
3. Арьянова В. Г. Словарь фитонимов Среднего Приобья. Томск: Томский гос. пед. ун-т. 2006. Т. 1: А–К. 144 с.; 2007. Т. 2: Л–Т. 157 с.; 2008. Т. 3: У–Я. 198 с.
4. Биологический энциклопедический словарь / гл. ред. М. С. Гиляров. Москва: Советская энциклопедия, 1986. 831 с. [БЭС].
5. Большой академический словарь русского языка. Санкт-Петербург, 2004. Т. 1: А–Бишь. 661 с. [БАС-3].

6. Кожевникова Н. А., Петрова З. Ю. Материалы к словарю метафор и сравнений русской литературы XIX–XX вв. Москва: Языки славянской культуры, 2015. Вып. 3: Растения. 446 с.
7. Лексический атлас русских народных говоров. Москва; Санкт-Петербург: Нестор-История, 2017. Т. 1. Растительный мир. 736 с. [ЛЯРНГ].
8. Маевский П. Ф. Флора средней полосы европейской части России. 11-е изд. испр. и доп. Москва: Тов-во научных изданий КМК, 2014. 635 с.
9. Национальный корпус русского языка. Доступ: <http://www.ruscorpora.ru>. (дата обращения: 20.05.2023). [НКРЯ].
10. Николаева М. Г., Паутова И. А. Краткий словарь русских названий растений. Санкт-Петербург: Росток, 2002. 78 с.
11. Орфографический академический ресурс «АКАДЕМОС». Доступ: <https://orfo.ruslang.ru>. (дата обращения: 20.05.2023). [Академос].
12. Русский семантический словарь / под общ. ред. акад. Н. Ю. Шведовой. Москва: Азбуковник, 2002. Т. 1. 807 с. [РСС].
13. Словарь русского языка: в 4-х т. / под ред. А. П. Евгеньевой. 3-е изд. Москва: Русский язык, 1985. Т. 1. А–Й. 696 с. [МАС].
14. Словарь современного русского литературного языка: в 17-ти т. / под ред. В. И. Чернышёва. Москва; Ленинград: Изд-во АН СССР, 1948–1965. [БАС-1].
15. Толковый словарь русского языка: в 4-х т. / под ред. Д. Н. Ушакова. Москва: ОГИЗ, 1935–1940. [СУ].
16. Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов / под ред. Н. Ю. Шведовой. Москва: Азбуковник, 2007. 1164 с. [СШВ].
17. Фитонимия русского языка XI–XVII вв. Доступ: <https://phytolex.iling.spb.ru>. (дата обращения: 20.05.2023). [PhytoLex].
18. Черепанов С. К. Сосудистые растения России и сопредельных государств (в пределах бывшего СССР). Санкт-Петербург: Мир и семья, 1995. 990 с.

REFERENCES

1. Kolosova, V. B. (2009). *Leksika i simbolika slavyanskoy narodnoy botaniki. Etnolingvisticheskiy aspekt* [Lexicon and symbolism of Slavic folk botany. An ethnolinguistic aspect]. Moskva: Indrik. (In Russ.).
2. Kuleva, A. S. (2020). O nazvaniyakh rasteniy v lingvisticheskoy perspektive: «Rasteniya Sredizemya», slovari i perevody [Plant names in the linguistic perspective: Flora of Middle-Earth, dictionaries, and translations]. In *Voprosy yazykoznaniya*. No. 5. Pp. 115-131. (In Russ.).
3. Merkulova, V. A. (1967). *Ocherki po russkoy narodnoy nomenklature rasteniy* [Essays on Russian folk plant terminology]. Moskva: Nauka. (In Russ.).
4. Protasova, E. Yu. (2014). Geran ili pelargoniya: modernizatsiya ponyatiya [‘Geran’ or ‘pelargoniya’: Modernization of the concept]. In *Uralskiy filologicheskiy vestnik. Seriya: Yazyk. Sistema. Lichnost: lingvistika kreativa*. Vol. 23. No. 1. Pp. 111-120. (In Russ.).
5. Razina, A. S. (2020). Proekt etnolingvisticheskogo slovarya «Mir, otrazhenny v narodnykh nazvaniyakh rasteniy» [The Project of the Linguacultural Dictionary The World Reflected in the Folk Names of Plants]. In *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*. No. 457. Pp. 34-45. (In Russ.).
6. Tsvelyov, N. N. (2011). O russkikh nazvaniyakh semeystv pokrytosemennyykh rasteniy [On the Russian names of the Magnoliophyta families]. In *Novosti sistematiki vysshikh rasteniy*. Moskva; Sankt-Peterburg: Tovarishestvo nauchnykh izdaniy KMK. Vol. 42. Pp. 24-29. (In Russ.).
7. Sharafadina, K. I. (2018). *Selam, otkroysya! Floropoetika v obraznom yazyke russkoy i zarubezhnoy literatury* [‘Open, Selam!’: Floropoetics in figurative language of Russian and foreign literature]. Sankt-Peterburg: Nestor-Istoriya. (In Russ.).

8. Allen, W. (2003). Plant blindness. In *BioScience*. Vol. 53. No. 10. P. 926.
9. Faircloth, N., Thomas, V. (2014). *Shakespeare's Plants and Gardens: A Dictionary (Arden Shakespeare Dictionaries)*. London; New York: Bloomsbury.
10. Judd, W. S., Judd, G. A. (2017). *Flora of Middle-earth: Plants of J.R.R. Tolkien's legendarium*. New York: Oxford Univ. Press.
11. Knapp, S. (2019). Are humans really blind to plants? In *Plants, People, Planet*. Vol. 1. Iss. 3. P. 164-168.
12. Kolosova, V., Kovalenko, K. (2019). Images of plants in Old Russian heritage: Materials of Phytalex database. In *Plant Diversity: sociocultural dimensions and interdisciplinary projections. Sofia: The Institute of Ethnology and Folklore Studies with Ethnographic Museum, Bulgarian Academy of Sciences*. Pp. 27.
13. Quealy, G., Hasegawa-Collins, S. (2017). *Botanical Shakespeare: An Illustrated Compendium of All the Flowers, Fruits, Herbs, Trees, Seeds, and Grasses Cited by the World's Greatest Playwright*. New York, HarperCollins.
14. Shmelev, A., Shmeleva, E. (2009). Russian botanical terms: Towards their lexicographic description. In *Proceedings of the 4th International Conf. on Meaning-Text Theory*. Montréal. Pp. 339-348.

LEXICOGRAPHIC SOURCES

1. *Akademicheskii tolkovyy slovar russkogo yazyka* [Academic Explanatory Dictionary of the Russian Language]. In L. P. Krysin (ed.). Moskva: Yazyki slavyanskoy kultury, 2016. Vol. 1: A – Vilyat.; Vol. 2: Vina – Gyaur. (In Russ.).
2. Annenkov, N. I. (1878). *Botanicheskii slovar* [Botanic Dictionary]. Sankt-Peterburg: Imp. Akademiya nauk. (In Russ.).
3. Aryanova, V. G. (2006-2008). *Slovar fitonimov Srednego Priobya* [Phytonym Dictionary of the Middle Ob-area]. Tomsk: Tomskiy gos. ped. un-t. Vol. 1: A–K; Vol. 2: L–T; Vol. 3: U–Ya. (In Russ.).
4. *Biologicheskii entsiklopedicheskii slovar* [Biological Encyclopedic Dictionary]. In M. S. Gilyarov (ed.). Moskva: Sovetskaya entsiklopediya, 1986. (In Russ.).
5. *Bolshoy akademicheskii slovar russkogo yazyka* [Unabridged Dictionary of Russian]. Sankt-Peterburg, 2004. Vol. 1: A-Bish. (In Russ.).
6. Kozhvennikova, N. A., Petrova, Z. Yu. *Materialy k slovaryu metafor i sravneniy russkoy literatury XIX–XX vv.* [Materials of Metaphor and Simile Dictionary of the Russian Literature of XIX-XX cent.]. Moskva: Yazyki slavyanskoy kultury, 2015. Iss. 3: Rasteniya. (In Russ.).
7. *Leksicheskii atlas russkikh narodnykh govorov* [Lexical Atlas of Russian Vernaculars]. Moskva; Sankt-Peterburg: Nestor-Istoriya, 2017. Vol. 1. Rastitelnyy mir. (In Russ.).
8. Maevskiy, P. F. (2014). *Flora sredney polosy evropeyskoy chasti Rossii* [Flora of Central Russia (European Part)]. 11th ed., rev. and enlr. Moskva: Tov-vo nauchnykh izdaniy KMK. (In Russ.).
9. *Natsionalnyy korpus russkogo yazyka* [Russian National Corpus]. Available at: <http://www.ruscorpora.ru>. (accessed: 20.05.2023). (In Russ.).
10. Nikolaeva, M. G., Pautova, I. A. (2002). *Kratkiy slovar russkikh nazvaniy rasteniy* [Abridged Dictionary of Russian Plant Names]. Sankt-Peterburg: Rostok. (In Russ.).
11. *Orfograficheskii akademicheskii resurs «AKADEMOS»* [AKADEMOS Orthographical Academic Resource]. Available at: <https://orfo.ruslang.ru>. (accessed: 20.05.2023). (In Russ.).
12. *Russkiy semanticheskii slovar* [Russian Semantics Dictionary]. In N. Yu. Shvedova (ed.). Moskva: Azbukovnik, 2002. Vol. 1. (In Russ.).
13. *Slovar russkogo yazyka* [Russian Language Dictionary]. In A. P. Evgeneva (ed.). 3rd ed. Moskva: Russkiy yazyk, 1985. Vol. 1. A–Y. (In Russ.).

14. *Slovar sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka* [Dictionary of Modern Russian Literature Language]. In V. I. Chernyshyov (ed.). Moskva; Leningrad: Izd-vo AN SSSR, 1948–1965. (In Russ.).

15. *Tolkovyy slovar russkogo yazyka* [Russian Explanatory Dictionary]. In D. N. Ushakov (ed.). Moskva: OGIZ, 1935–1940. (In Russ.).

16. *Tolkovyy slovar russkogo yazyka s vklyucheniem svedeniy o proiskhozhdenii slov* [Russian Explanatory Dictionary including disclosure of the origin of words]. In N. Yu. Shvedova (ed.). Moskva: Azbukovnik, 2007. (In Russ.).

17. *Fitonimiya russkogo yazyka XI-XVII vv.* [Phytonomy of Russian Language of XI-XVII cent.]. Available at: <https://phytolex.iling.spb.ru>. (accessed: 20.05.2023). (In Russ.).

18. Cherepanov, S. K. (1995). *Sosudistye rasteniya Rossii i sopredelnykh gosudarstv (v predelakh byvshego SSSR)* [Tracheophytes of Russia and Adjacent States (within the ambit of former Soviet Union)]. Sankt-Petereburg: Mir i semya. (In Russ.).

Кулева Анна Сергеевна – кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник отдела корпусной лингвистики и лингвистической поэтики (e-mail: an_kuleva@mail.ru), Федеральное государственное бюджетное учреждение науки «Институт русского языка имени В. В. Виноградова РАН» 119019, Москва, Волхонка, 18/2

Kuleva Anna S. – Candidate of Philology, Leading Researcher of Corpus Linguistics and Linguistic Poetry Department (e-mail: an_kuleva@mail.ru), Federal State Budgetary Institution of Science «V. V. Vinogradov Russian Language Institute» 18/2 Volkhonka, Moskva, 119019

Поступила в редакцию 03 октября 2023 г.

ТИПОЛОГИЧЕСКИЕ И СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

УДК 811.1/8

© 2023 И. Ю. Борюшова

ОСОБЕННОСТИ РЕЧЕВОЙ ДИСКРЕДИТАЦИИ В ЗАГОЛОВОЧНОМ КОМПЛЕКСЕ НА АНГЛИЙСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ

Статья посвящена средствам речевой дискредитации в элементах заголовочного комплекса в русскоязычной и англоязычной прессе. Выявляются сходства и различия в механизмах манипулятивного воздействия на адресата на различных языковых уровнях.

Ключевые слова: языковое манипулирование, оценочная лексика, метафора, эпитет, игра слов, аллюзия, модальность, риторический вопрос, разговорная лексика.

© 2023 I. Yu. Boryushova

PECULIARITIES OF VERBAL DISCREDITING IN THE HEADLINE COMPLEX IN ENGLISH AND RUSSIAN

The article deals with the means of verbal discrediting in the elements of the headline complex in the Russian and English-language press, identifies common and distinctive features in the mechanisms of persuasion on the addressee at different language levels.

Key words: language manipulation, evaluative lexemes, metaphor, epithet, pun, allusion, modality, rhetorical question, colloquial lexemes.

Введение. Современный этап развития общества характеризуется расширением информационного пространства, в котором наблюдается тенденция к оказанию идеологического, политического или психологического воздействия на оценки, мнения и поведение людей. Так, СМИ используются в первую очередь как орудие идейно-политической борьбы, управления, пропаганды и манипулирования сознанием людей.

Актуальность данной работы обусловлена современной общественно-политической ситуацией, в которой имеет место борьба за аудиторию, навязывание мнений, воздействие на линию поведения масс посредством языковых средств. Кроме того, развитие медиа не стоит на месте, способы речевого манипулирования развиваются, «жонглирование» языковыми средствами происходит все более изощренно, поэтому чрезвычайно важно исследовать данный феномен на «свежем» материале. Явление речевой манипуляции активно исследуется с различных сторон – выделяются стратегии и тактики манипулирования [Руженцева, 2004; Михалева, 2009 и др.], изучаются манипулятивные средства как комплексно [Nordlund, 2003; Данилова, 2011 и др.], так и по отдельности [Чудинов, 2001; Гальперин, 2006; Голодов, 2019 и др.], охватываются когнитивные, прагматические, аксиологические аспекты [Лукиянова, 1986; Маркелова, 1994; Кара-Мурза, 2000; Клушина, 2008; Железовская, 2015 и др.], однако

нельзя сказать, что проблемных полей не осталось. Так, сопоставительные исследования вербального манипулирования достаточно малочисленны, а ведь именно сопоставительный анализ является тем самым инструментом, при помощи результатов которого может быть достигнут эффективный диалог представителей разных лингвокультур.

Объектом настоящего исследования является речевая дискредитация, **предметом** – средства ее языковой репрезентации в заголовочном комплексе на английском и русском языках. **Цель** исследования – изучение механизмов речевой дискредитации на материале элементов заголовочного ансамбля в англоязычных и русскоязычных газетных статьях.

Материалом исследования послужили 372 компонента заголовочного комплекса (194 из англоязычных изданий The Economist, The Guardian, The Washington Examiner, The New York Times и 178 из русскоязычных газет «Эксперт», «Известия», «Коммерсантъ», «Аргументы и факты», «Российская газета»), а также 1199 разноуровневых языковых средств, реализованных в них (584 в английском языке и 615 в русском).

Заголовочный комплекс является совокупностью текстуальных элементов, связанных по тематике и содержанию, к которым относят заголовок, подзаголовок, надзаголовок, внутренние заголовки, лид (вводный абзац), врезки (ключевые фрагменты статьи, которые приводятся отдельно крупным шрифтом), подписи к фотографиям [Прохорова, 2012: 238]. Ввиду особенностей оформления, все структурные элементы заголовочного ансамбля призваны привлечь внимание адресата, поэтому к их формулировке авторы, как правило, относятся творчески, в полную силу реализуя лингвокреативный потенциал, что выражается в актуализации большого количества разноуровневых языковых средств, имеющих конвенциональную и аномальную природу. Заполучив внимание читателя за счет особого оформления на страницах издания, компоненты заголовочного комплекса, будучи составленными грамотно, способны внедрить определенные идеи, сформировать выгодное заказчику сообщения отношение об обсуждаемом объекте даже при поверхностном ознакомлении, тем самым обеспечивая антиципацию (средство программирования коммуникации). Данное свойство заголовочного ансамбля не может не использоваться при ведении информационной войны, речевом манипулировании и, в частности, дискредитации.

Речевое манипулирование – это «скрытое воздействие на адресата, специфический способ управления реципиентом, его поведением, действиями, психическими состояниями» [Агапова, Гущина, 2017: 29], в отличие от открытого управления – пропаганды и речевой агрессии, при котором его цель напрямую доводится до адресата. Скрытое языковое воздействие, направленное на умаление авторитета оппонента посредством нанесения обиды,

оскорбления, выражения насмешки называется речевой дискредитацией, которая, по мнению некоторых ученых, является «первым шагом» к кампании по информационному воздействию [Копнина, 2017: 207].

Имманентное манипулятивное влияние оказывает содержательно-подтекстовая информация, в основе которой лежит восприятие адресатом действительности одновременно в разных плоскостях. Данная способность может реализоваться при помощи эмоционально-оценочной лексики, а также таких языковых приемов как метафора, метонимия, игра слов, сравнение, перифраз и т. д. [Гальперин, 2006: 40].

Основная часть. Проведенное исследование позволило установить наиболее продуктивное средство речевой дискредитации в заголовочном комплексе – эмоционально-оценочная лексика (351 (60,1%) случай в английском языке и 323 (52,5%) в русском); менее распространенные средства, в примерно равном соотношении представленные в обоих языках, – метафора (65 (11,1%) примеров в английском и 65 (10,6%) в русском), эпитет (47 (8,1%) средств в английском и 46 (7,5%) в русском), аллюзия (27 (4,6%) единиц в английском и 36 (5,9%) в русском), игра слов (26 (4,5%) случаев в английском и 31 (5%) в русском); средства, которые используются только в одном из языков и практически не встречаются в другом – 23 (3,9%) средства выражения модальности и 17 (2,9%) риторических вопросов в английском языке, 28 (4,6%) разговорных слов и 28 (4,6%) цитат в русском. В эмпирическом материале на обоих языках встретились и другие языковые средства – антитеза, сравнение, градация, ирония, перифраз, параллельные конструкции, императив, однако тот факт, что они представлены единичными примерами (4,8% в английском языке и 9,3% в русском), говорит об их слабом манипулятивном потенциале в заголовочном комплексе, поэтому в данном исследовании упомянутые средства не будут подвергаться подробному анализу.

1. Наиболее широким пластом средств речевой дискредитации в заголовочном комплексе на английском и русском языках оказалась эмоционально-оценочная лексика – 351 (60,1%) лексема в английском языке и 323 (52,5%) в русском. Оценочными являются лексемы, которые отрицательно или положительно маркируют какой-либо объект, конструируя новую действительность, в рамках которой устанавливаются нужные автору сообщения ценностные компоненты [Бринев, 2009: 125].

Существует множество классификаций оценочной лексики, в которых выделяются ингерентная и адгерентная [Лукьянова, 1986], номинативная, коннотативная и прагматическая [Маркелова, 1994], имплицитная и эксплицитная [Клушина, 2008], рациональная и эмоциональная оценки [Железковская, 2015]. В данной работе мы опираемся на концепцию Н. А. Лукьяновой, согласно которой ингерентной оценочностью обладают лексемы, содержащие оценку в деннотате или коннотате, адгерентной же обладают лексемы,

в значениях которых оценка не закреплена, она реализуется в определенном контексте, придавая ей личностный характер [Лукьянова, 1986: 52].

Если в материале на английском языке используется примерно равное соотношение лексем с ингерентной (176 случаев (30,1%)) и адгерентной оценкой (175 случаев (30%)), то в русском языке наблюдается заметный перекоп в сторону лексем с адгерентной оценкой (197 лексем (32%)) по сравнению с ингерентной (126 случаев (20,5%)). Подобное различие можно объяснить тем, что англоязычные страны, в частности Великобритания и США, относятся к низкоконтекстным культурам (по Э. Холлу), которые ориентированы на эксплицитное выражение эмоций, в то время как Россию причисляют к высококонтекстным культурам, в которой некоторые формулировки, типичные для носителя английского языка, кажутся наивно-избыточными [Балачандран 2016: 52].

1.1. Примером ингерентной оценки служит лексема *rotten* ‘гнилой; мерзкий, одиозный’ в заголовке *Rotten reporting on Russia* [The Economist, 29.07.2023] ‘Одиозные репортажи о России’. *Rotten* имеет значения *decayed* ‘испортившийся’ и *very bad* ‘очень плохой’, во втором значении, которое реализуется в заголовке явно прослеживается отрицательная аффективность. В русскоязычном заголовке *Противоестественный отбор* [Аргументы и факты, 20.09.2023–26.09.2023] негативная оценка присутствует в слове *противоестественный* («противоречащий естественному, нормальному» [СРЯ, 1999]).

1.2. Адгерентная оценка присутствует, например, в англоязычном подзаголовке *The chaos in Russian markets shows the impossibility of economic «self-reliance»* [The Economist, 05.03.2022] ‘Хаос на российских рынках показывает невозможность экономической «самообеспеченности»’. Так, слово *self-reliance* ‘самообеспеченность’ имеет значение *the quality of not needing help or support from other people* [CED, 2013] ‘способность полагаться на себя или свои собственные способности’, в котором наличествует позитивная коннотация, однако в рамках приведенного контекста очевиден иронический оттенок. Слово *self-reliance* явно отсылает читателя к понятию «экономика-крепость» (*fortress economy*), отражающему национальную экономическую политику России. В исследуемом заголовке транслируется мнение о несостоятельности и утопичности упомянутой концепции, таким образом отрицая возможность самообеспеченности, что приводит к антонимизации словарного значения. Важно отметить, что кавычки, заключающие лексему *self-reliance* в подзаголовке, являются маркером оценочного компонента.

В русскоязычном заголовке встретился аналогичный пример: *О «правилах» Запада* [Аргументы и факты, 11.10.2023–17.10.2023]. Слово *правило*, обозначающее «положение, выражающее определенную закономерность, постоянное соотношение каких-л. явлений» [СРЯ, 1999], не имеет оценочного компонента, однако в данном заголовке кавычки

сигнализируют об отрицательном модусе преподнесения лексемы.

2. Менее распространенным, но достаточно продуктивным способом речевой дискредитации оказалась метафора – 65 (11,1%) случаев в английском языке и 65 (10,6%) в русском. Метафоры были распределены по сферам-донорам (за основу взята классификация А. П. Чудинова [Чудинов, 2001]): наиболее частотными в английском языке оказались пространственная (24 случая), социальная (22 случая), артефактная (11 случаев), тогда как в русском языке – социальная (17 случаев), артефактная (15 случаев) и антропоморфная (13 случаев). Природная метафора в обоих языках представлена единичными случаями. Тот факт, что в эмпирическом материале на английском языке превалирует пространственная метафора свидетельствует об интенции заказчика сообщения направлять читателя по определенному пути, выгодному в настоящих социально-политических реалиях. Популярность социальной метафоры в русском языке объясняется попыткой дать «социальную оценку политической ситуации, еще больше усиливая пессимистические настроения» [Чудинов, 2001: 95].

Так, в англоязычном подзаголовке *American studios stopped releasing Hollywood movies in Russia after the invasion of Ukraine, but many theaters have found a workaround* [The New York Times, 04.10.2023] ‘Американские студии прекратили выпускать голливудские фильмы в России после вторжения на Украину, но многие кинотеатры нашли обходной путь’ реализуется пространственная метафора *found a workaround* ‘нашли обходной путь’, в которой имплицитно актуализируется отрицательная характеристика российских кинотеатров, изображающая их нечестными, ушлыми, изворотливыми.

В подзаголовке *ОПЕК+ решила сократить добычу, несмотря на реверансы администрации США перед выборами* [Известия, 12.10.2022] социальная метафора свидетельствует о подхалимстве и лживости американского руководства.

3. Еще одним частотным способом дискредитации в заголовочном комплексе является использование эпитетов – 47 случаев (8,1%) в английском языке и 46 (7,5%) в русском. Среди эпитетов в обоих языках встретились как средства с негативной оценкой и дескрипцией (*Its agents have become expert in dark revenge* [The Economist, 09.09.2023–15.09.2023] ‘Ее агенты стали экспертами в жестокой мести’; *Саудовская Аравия заманивает к себе на сомнительный форум, надеясь увеличить свой вес в мире* [Аргументы и факты, 02.08.2023–08.08.2023]), так и эпитеты на грани с речевой агрессией (*Murderous Putin is sure of his own impunity* [The Guardian, 08.10.2023] ‘Кровожадный Путин уверен в собственной безнаказанности’; «Для меня поездка на Камчатку интереснее, чем на воюющий, извините, Запад» [Известия, 14.12.2022]).

4. Аллюзия представлена относительно небольшим количеством в обоих языках – 27 случаев (4,6%) в английском языке и 36 (5,9%) в русском. В большей степени

употреблялись косвенные аллюзии (отсылки к объектам различной социальной деятельности – кинематографические, исторические, экономико-политические, музыкальные и т. д.), в меньшей – прямые (отсылки к устному народному творчеству).

Косвенная экономико-политическая аллюзия присутствует в англоязычном заголовке *Wounded bear* [The Economist, 02.04.2022] ‘Раненый медведь’. Данный заголовок отсылает читателя, во-первых, к экономическому термину «медвежий рынок», который используется для обозначения ситуации на рынке, когда происходит паника, а волатильность достигает максимальных пределов; во-вторых, к национальному образу, так как медведь – это общепризнанное аллегорическое изображение России на международной арене. О. В. Рябов отмечает, что за рубежом за образом «русского медведя» закрепляются значения кровавой, агрессивной, деспотичной, варварской, отсталой, неевропейской страны [Рябов, 2016: 225].

В материале на русском языке встретился яркий пример литературной аллюзии – *В Сенат идут одни старики* [Аргументы и факты, 02.08.2023–08.08.2023], которая отсылает к советскому фильму «В бой идут одни старики». Данный заголовок внедряет новую ассоциацию при определении принципа правления в США: Сенат теперь служит изображением не демократии, которой гордится современная Америка, а геронтократии, которая в рамках контекста преподносится иронически.

5. Продуктивным, хоть и не слишком частотным средством дискредитации оказалась игра слов – 26 случаев (4,5%) в английском языке и 31 (5%) в русском. Стоит отметить, что большинство случаев игры слов в обоих языках сопровождалось аллюзией, тем самым порождая явление стилистической контаминации, которая характеризуется более сильным прагматическим эффектом.

Так, в заголовке *From fortress to rubble* [The Economist, 09.09.2023–15.09.2023] ‘От крепости к руинам’ содержится аллюзия к термину *fortress economy* ‘экономика-крепость’, характеризующему экономическую стратегию России во время санкций. Игра слов строится на семантической деформации слова *fortress* ‘крепость’, а также на обыгрывании омофонов *rubble* ‘бульжник’ (‘руины’ – контекстуальный перевод) и *ruble* ‘рубль’. Приведенный заголовок обладает мощным манипулятивным потенциалом, так как не только подвергает дискредитации экономическую политику России, но и прочно закрепляет данный смысл в сознании читателя за счет оригинальной структуры заголовка и ироничного подтекста.

В русскоязычном заголовке *Британский парламент вконец окрысился* [Аргументы и факты, 16.08.2023–22.08.2023] оригинально обыгрывается слово *окрысился*, в котором реализуются одновременно два значения: закрепленное в словаре («в раздражении, в злобе

наброситься, напуститься на кого-л.; раздраженно, злобно ответить кому-л.» [СРЯ, 1999]) и окказиональное, связанное со словом «крыса», так как в статье под заголовком речь идет о нашествии крыс. Учитывая тот факт, что при беглом прочтении реципиент декодирует только словарное значение, авторитет британского парламента умалывается.

6. Одним из основных различий является относительно частотное употребление средств модальности в заголовочном комплексе на английском языке (23 случая (3,9%)), примеры которых практически отсутствуют в русском. Например: *Russia May Be Planning to Test a Nuclear-Powered Missile* [The New York Times, 02.10.2023] ‘Россия, возможно, планирует провести испытание ракеты с атомной силовой установкой’. Исследователи отмечают, что модальность позволяет журналистам подавать мысли таким образом, что они интерпретируются читателями как факты, а не предположения [Reah, 1998: 95].

Риторические вопросы также встретились в основном в материале на английском языке (17 случаев (2,9%)), например: *Is a bigger party a better one?* [The Economist, 19.08.2023–26.08.2023] ‘Чем больше вечеринка, тем лучше?’ (речь идет о расширении БРИКС). При подобной постановке вопроса авторы заигрывают с аудиторией, вовлекая ее в виртуальный диалог. Тот факт, что диалог односторонний, дает преимущество заказчику сообщения, ведь «правильный» ответ уже заложен в формулировке. Кроме того, на него намекает сопроводительная иллюстрация, где изображены беспорядочно валяющиеся бокалы с коктейлями и флагами государств-членов БРИКС, вместо зонтиков для украшения. Большая популярность употребления риторического вопроса в заголовочном комплексе связана тенденцией к драматизации, экспрессивизации и тяготению к эмоциональному давлению в англоязычном дискурсе [Белова, Сабержанова, 2017: 102].

7. Манипулятивным средством не присущим английскому языку, но используемым в русском, хоть и не очень часто, служит разговорная лексика – 28 случаев (4,6%), например: *Люди гибнут, ВПК США жирует* [Аргументы и факты, 11.10.2023–17.10.2023]. Использование пейоративных разговорных лексем наносит удар репутации объекта, на которого направлена дискредитация, а также вызывает у адресата чувство пренебрежения.

Еще одним способом, примеры которого практически отсутствовали в английском языке, но периодически встречались в русском оказалось приведение цитаций – 28 случаев (4,6%). Так, в заголовочном комплексе неоднократно приводятся цитаты известных личностей, имеющих вес в обществе (например, «*Страны так называемого золотого миллиарда делают все, чтобы сохранить однополярный мир. По сути, это тоже колониализм, только в новой упаковке*», сказал Путин [Эксперт, 25.09.2023–01.10.2023]), репрезентантов определенных социальных групп для аллегоричного представления мнения «из народа» (например, «*Отцепитесь от русских!*» [Аргументы и факты, 11.10.2023–17.10.2023]). Цитаты обладают мощным манипулятивным потенциалом, так как их

экспрессивность и убедительная сила возрастают благодаря личности их автора. Если автор цитаты уважаем в обществе, то информация, полученная от такого авторитета, может стать значимым мотивирующим фактором для определенной линии поведения. Если к автору цитаты сложилось отрицательное отношение, то, какими бы рациональными и логичными не были его доводы, они будут восприниматься предвзято и подвергнутся насмешкам.

Выводы. Проведенное исследование позволило выделить ряд сходств и различий в вербализации дискредитации в заголовочном комплексе на английском и русском языках. Сходства обнаруживаются в частотности употребления таких средств как оценочная лексика, метафора, эпитет, аллюзия, игра слов, тогда как различия наблюдаются в присутствии модальных средств и риторических вопросов в элементах англоязычного заголовочного ансамбля и отсутствии их в русском языке, где гораздо более популярны разговорная лексика и цитаты. На основании данных различий можно прийти к выводу, что англоязычный дискурс тяготеет к тенденции «выдавать желаемое за действительное» и к театрализованной подаче материала, выражающейся в заигрывании с аудиторией. Кроме того, различия видны и на уровне реализации отдельных языковых средств: ингерентная и адгерентная оценки равномерно представлены в английском языке, что контрастирует с явным превалированием адгерентной оценки в русскоязычном материале, что связано с культурными расхождениями – принадлежностью представителей США и Великобритании к низкоконтекстной культуре, а россиян – к высококонтекстной. В англоязычном заголовочном комплексе в большей степени распространена пространственная метафора, которая задает направление взглядам читателей на современную общественно-политическую ситуацию, а в русскоязычном – социальная, которая дает оценку социальной ситуации.

Перспективой дальнейшего исследования может стать изучение средств ведения информационной войны в целом, не только дискредитирующих оппонента, но и презентующих единомышленников.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Агапова С. Г., Гущина Л. В. Информационная война: манипулятивная стратегия на понижение // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2017. № 3. С. 27-34.
2. Балачандран Н. Степень контекстуальности культуры как фактор инференции в интеркультурной коммуникации // Мир русского слова. 2016. № 4. С. 50-54.
3. Белова В. Ф., Сабержанова А. Р. Риторический вопрос как средство экспрессивизации в немецком политическом дискурсе // Университетские чтения. 2017. С. 102-105.
4. Бринев К. И. Теоретическая лингвистика и судебная лингвистическая экспертиза. Барнаул: АлтГПА, 2009. 252 с.
5. Гальперин И. Р. Текст как объект лингвистического исследования. 4-е изд., стереотипное. Москва: КомКнига, 2006. 144 с.

6. Голодов А. Г. Диффамация неугодных политиков с помощью антропологической демонизации (на материале немецкой массовой прессы) // Омские социально-гуманитарные чтения – 2019. Омск, 2019. С. 209-213.

7. Данилова А. А. Манипулирование словом в средствах массовой информации. 2-е изд. Москва: Добросвет, 2011. 232 с.

8. Железковская Н. Л. Оценочные ассоциации на стимулы со значением «физические параметры» и их этноязыковые особенности // Вопросы психолингвистики. 2015. № 4 (26). С. 229-240.

9. Кара-Мурза С. Г. Манипуляция сознанием. Москва: Эксмо, 2008. 862 с.

10. Клушина Н. И. Стилистика публицистического текста. Москва: Медиа-Мир, 2008. 244 с.

11. Копнина Г. А. Речевые тактики и приемы дискредитации православия в современной информационно-психологической войне (на материале интернет-текстов) // Политическая лингвистика. 2017. С. 206-217.

12. Лукьянова Н. А. Экспрессивная лексика разговорного употребления: проблемы семантики. Новосибирск: Наука, 1986. 230 с.

13. Маркелова Т. В. Функционально-семантическое поле оценки в русском языке // Вестник Московского государственного университета. Серия 9. Филология. 1994. № 4. С. 12-19.

14. Михалева О. Л. Политический дискурс. Специфика манипулятивного воздействия. Москва: ЛИБРОКОМ, 2009. 256 с.

15. Прохорова К. В. Заголовочный комплекс в медиатексте: особенности функционирования // Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература. Серия 9. 2012. Вып. 1. С. 238-246.

16. Рябов О. В. Медвежья метафора России как фактор международных отношений // Лингвокультурология. 2016. № 10. С. 312-330.

17. Чудинов А. П. Россия в метафорическом зеркале: Когнитивное исследование политической метафоры (1991–2000). Екатеринбург, 2001. 238 с.

18. Nordlund M. Linguistic Manipulation. An Analysis of How Attitudes are Displayed in News Reporting // D Extended Essays. Luleå: Luleå University of Technology, 2003. 43 p.

19. Reah D. The Language of Newspapers. London: Routledge, 1998. 126 p.

СПИСОК ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ

1. Словарь русского языка: в 4-х т. / под ред. А. П. Евгеньевой. 4-е изд., стер. Москва: Рус. яз.; Полиграфресурсы, 1999. Доступ: <http://feb-web.ru/feb/mas/mas-abc/default.asp>. (дата обращения: 19.10.2023). [СРЯ].

2. Cambridge English Dictionary. 2013. Доступ: <https://dictionary.cambridge.org>. (дата обращения: 26.01.2023). [CED].

СПИСОК ИЛЛЮСТРАТИВНОГО МАТЕРИАЛА

1. Аргументы и факты. 02.08.2023–08.08.2023. № 31. Доступ: <https://catalog-n.com/argumenty-i-fakty-31-2023#argumenty-i-fakty-31-2023-08>. (дата обращения: 19.10.2023).

2. Аргументы и факты. 11.10.2023–17.10.2023. № 41. Доступ: <https://catalog-n.com/argumenty-i-fakty-41-2023#argumenty-i-fakty-41-2023-02>. (дата обращения: 19.10.2023).

3. Аргументы и факты. 16.08.2023–22.08.2023. № 33. Доступ: <https://catalog-n.com/argumenty-i-fakty-33-2023#argumenty-i-fakty-33-2023-08>. (дата обращения: 19.10.2023).

4. Аргументы и факты. 20.09.2023–26.09.2023. № 38. Доступ: <https://catalog-n.com/argumenty-i-fakty-38-2023#argumenty-i-fakty-38-2023-08>. (дата обращения: 19.10.2023).

5. Известия. 12.10.2022. Доступ: <https://iz.ru/1408175/kirill-senin/popal-pod-sokrashchenie-baiden-proschitalsia-v-diplomaticheskoi-igre-za-deshevuiu-neft>. (дата обращения: 19.10.2023).

6. Известия. 14.12.2022. Доступ: <https://iz.ru/1440320/alena-nefedova/dlia-menia-poezdka-na-kamchatku-interesnee-chem-na-voniuchii-izvinite-zapad>. (дата обращения: 19.10.2023).
7. Эксперт. 25.09.2023–01.10.2023. № 39. Доступ: <https://catalog-n.com/ehkspert-39-2023#ehkspert-39-2023-010>. (дата обращения: 19.10.2023).
8. The Economist. 02.04.2022. Доступ: <https://magazinelib.com/all/the-economist-asia-edition-april-02-2022/?ysclid=lnx3avhp70941037388>. (дата обращения: 19.10.2023).
9. The Economist. 05.03.2022. Доступ: <https://magazinelib.com/all/the-economist-asia-edition-march-05-2022/>. (дата обращения: 10.10.2023).
10. The Economist. 09.09.2023–15.09.2023. Доступ: <https://oceanofpdf.com/authors/the-economist/pdf-the-economist-september-09-15-2023-download/?id=001287367407>. (дата обращения: 19.10.2023).
11. The Economist. 19.08.2023–26.08.2023. Доступ: <https://oceanofpdf.com/authors/the-economist/pdf-the-economist-august-19th-26th-2023-download/?id=000142455407>. (дата обращения: 19.10.2023).
12. The Economist. 29.07.2023. Доступ: <https://oceanofpdf.com/authors/the-economist/pdf-the-economist-july-29th-august-11th-2023-download/?id=000801572988>. (дата обращения: 19.10.2023).
13. The Guardian. 08.10.2023. Доступ: <https://www.theguardian.com/commentisfree/2023/oct/08/murderous-putin-is-sure-of-his-own-impunity-he-could-not-be-more-wrong>. (дата обращения: 19.10.2023).
14. The New York Times. 02.10.2023. Доступ: <https://www.nytimes.com/2023/10/02/video/russia-nuclear-missile.html?searchResultPosition=12>. (дата обращения: 19.10.2023).
15. The New York Times. 04.10.2023. Доступ: <https://www.nytimes.com/2023/10/04/world/europe/barbie-russia-hollywood-ukraine-war.html?searchResultPosition=4>. (дата обращения: 19.10.2023).

REFERENCES

1. Agapova, S. G., Gushchina, L. V. (2017). Informatsionnaya voina: manipulyativnaya strategiya na ponizhenie [Information war: reducing manipulative strategy]. In *Aktualnye problemy filologii i pedagogiceskoy lingvistiki*. No. 3. Pp. 27-34 (In Russ.).
2. Balachandran, N. (2016). Stepen kontekstualnosti kultury kak faktor inferentsii v interkulturnoy kommunikatsii [The degree of contextuality of culture as a factor of inference in intercultural communication]. In *Mir russkogo slova*. No. 4. Pp. 50-54. (In Russ.).
3. Belova, V. F., Saberzhanova, A. R. (2017). Ritoricheskiy vopros kak sredstvo ekspressivizatsii v nemetskom politicheskom diskurse [The rhetorical question as a means of expressivization in German political discourse]. In *Universitetskie chteniya*. Pp. 102-105. (In Russ.).
4. Brinev, K. I. (2009). *Teoreticheskaya lingvistika i sudebnaya lingvisticheskaya ekspertiza* [Theoretical Linguistics and forensic linguistic expertise]. Barnaul: AltGPA. (In Russ.).
5. Galperin, I. R. (2006) *Tekst kak obekt lingvisticheskogo issledovaniya* [Text as an object of linguistic research]. 4th ed., ster. Moskva: KomKniga. (In Russ.).
6. Golodov A. G. (2019). Diffamatsiya neugodnykh politikov s pomoshchyu antropologicheskoy demonizatsii (na materiale nemetskoj massovoy pressy) [Defamation of odious politicians with the help of anthropological demonization (based on German mass press)]. In *Omskie sotsialno-gumanitarnye chteniya – 2019*. Omsk. Pp. 209-213. (In Russ.).
7. Danilova, A. A. (2011). *Manipulirovanie slovom v sredstvakh massovoy informatsii*. [Verbal manipulation in mass media]. 2nd ed. Moskva: Dobrosvet. (In Russ.).
8. Zhelezovskaya, N. L. (2015). Otsenochnye assotsiatsii na stimuly so znacheniem «fizicheskie parametry» i ikh etnoyazykovye osobennosti [Evaluative associations on stimuli with the meaning of «physical parameters» and their ethno-linguistic features]. In *Voprosy psikholingvistiki*. No. 4(26). Pp. 229-240. (In Russ.).

9. Kara-Murza, S. G. (2008). *Manipulyatsiya soznaniem* [Manipulation of consciousness]. Moskva: Eksmo. (In Russ.).
10. Klushina, N. I. (2008). *Stilistika publitsisticheskogo teksta* [Stylistics of the journalistic text]. Moskva: Media-Mir. (In Russ.).
11. Kopnina, G. A. (2017). Rechevye taktiki i priemy diskreditatsii pravoslaviya v sovremennoy informatsionno-psikhologicheskoy voyne (na materiale internet-tekstov) [Speech tactics and techniques of discrediting Orthodoxy in modern information and psychological warfare (based on Internet texts)]. In *Politicheskaya lingvistika*. Pp. 206-217. (In Russ.).
12. Lukyanova, N. A. (1986). *Ekspressivnaya leksika razgovornogo upotrebleniya: problemy semantiki* [Expressive vocabulary of colloquial use: problems of semantics]. Novosibirsk: Nauka. (In Russ.).
13. Markelova, T. V. (1994). Funktsionalno-semanticheskoe pole otsenki v russkom yazyke [Functional-semantic field of evaluation in the Russian language]. In *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya. Series 9*. No. 4. Pp. 12-19. (In Russ.).
14. Mikhaleva, O. L. (2009). *Politicheskii diskurs. Spetsifika manipulyativnogo vozdeistviya* [Political discourse. Specifics of manipulative influence]. Moskva: LIBROKOM. (In Russ.).
15. Prokhorova, K. V. (2012). Zagolovochnyy kompleks v mediatekste: osobennosti funktsionirovaniya [Headline complex in media text: features of functioning]. In *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Yazyk i literatura. Series 9*. Vol. 1. Pp. 238-246. (In Russ.).
16. Ryabov, O. V. (2016). Medvezhya metafora Rossii kak faktor mezhdunarodnykh otnosheniy [Bear metaphor of Russia as a factor of international relations]. In *Lingvokulturologiya*. No. 10. Pp. 312-330. (In Russ.).
17. Chudinov, A. P. (2001). *Rossiya v metaforicheskom zerkale: Kognitivnoe issledovanie politicheskoy metafory (1991–2000)* [Russia in a metaphorical mirror: Cognitive study of political metaphor (1991–2000)]. Ekaterinburg. (In Russ.).
18. Nordlund, M. (2003). Linguistic Manipulation. An Analysis of How Attitudes are Displayed in News Reporting. In *D Extended Essays*. Luleå: Luleå University of Technology.
19. Reah, D. (1998). *The Language of Newspapers*. London: Routledge.

LEXICOGRAPHIC SOURCES

1. *Slovar russkogo yazyka* [Dictionary of the Russian language]. In A. P. Evgenev (ed.). 4th ed., ster. Moskva: Rus. yaz.; Poligrafresursy, 1999. Available at: <http://feb-web.ru/feb/mas/mas-abc/default.asp>. (accessed: 19.10.2023). (In Russ.).
2. *Cambridge English Dictionary*. 2013. Available at: <https://dictionary.cambridge.org/>. (accessed: 26.01.2023).

SOURCES OF ILLUSTRATIVE MATERIAL

1. *Argumenty i fakty* [Arguments and Facts]. 02.08.2023–08.08.2023. No. 31. Available at: <https://catalog-n.com/argumenty-i-fakty-31-2023#argumenty-i-fakty-31-2023-08>. (accessed: 19.10.2023). (In Russ.).
2. *Argumenty i fakty* [Arguments and Facts]. 11.10.2023–17.10.2023. No. 41. Available at: <https://catalog-n.com/argumenty-i-fakty-41-2023#argumenty-i-fakty-41-2023-02>. (accessed: 19.10.2023). (In Russ.).
3. *Argumenty i fakty* [Arguments and Facts]. 16.08.2023–22.08.2023. No. 33. Available at: <https://catalog-n.com/argumenty-i-fakty-33-2023#argumenty-i-fakty-33-2023-08>. (accessed: 19.10.2023). (In Russ.).
4. *Argumenty i fakty* [Arguments and Facts]. 20.09.2023–26.09.2023. No. 38. Available at: <https://catalog-n.com/argumenty-i-fakty-38-2023#argumenty-i-fakty-38-2023-08>. (accessed: 19.10.2023). (In Russ.).

5. *Izvestiya* [The News]. 12.10.2022. Available at: <https://iz.ru/1408175/kirill-senin/popal-pod-sokrashchenie-baiden-proschitalsia-v-diplomaticheskoi-igre-za-deshevuiu-neft>. (accessed: 19.10.2023). (In Russ.).
6. *Izvestiya* [The News]. 14.12.2022. Available at: <https://iz.ru/1440320/alena-nefedova/dliamenia-poezdka-na-kamchatku-interesnee-chem-na-voniuchii-izvinite-zapad>. (accessed: 19.10.2023). (In Russ.).
7. *Ekspert* [Expert]. 25.09.2023–01.10.2023. No. 39. Available at: <https://catalog-n.com/ehkspert-39-2023#ehkspert-39-2023-010>. (accessed: 19.10.2023). (In Russ.).
8. *The Economist*. 02.04.2022. Available at: <https://magazinelib.com/all/the-economist-asia-edition-april-02-2022/?ysclid=lnx3avhp70941037388>. (accessed: 19.10.2023).
9. *The Economist*. 05.03.2022. Available at: <https://magazinelib.com/all/the-economist-asia-edition-march-05-2022>. (accessed: 26.01.2023).
10. *The Economist*. 09.09.2023–15.09.2023. Available at: <https://oceanofpdf.com/authors/the-economist/pdf-the-economist-september-09-15-2023-download/?id=001287367407>. (accessed: 19.10.2023).
11. *The Economist*. 19.08.2023–26.08.2023. Available at: <https://oceanofpdf.com/authors/the-economist/pdf-the-economist-august-19th-26th-2023-download/?id=000142455407>. (accessed: 19.10.2023).
12. *The Economist*. 29.07.2023. Available at: <https://oceanofpdf.com/authors/the-economist/pdf-the-economist-july-29th-august-11th-2023-download/?id=000801572988>. (accessed: 19.10.2023).
13. *The Guardian*. 08.10.2023. Available at: <https://www.theguardian.com/commentisfree/2023/oct/08/murderous-putin-is-sure-of-his-own-impunity-he-could-not-be-more-wrong>. (accessed: 19.10.2023).
14. *The New York Times*. 02.10.2023. Available at: <https://www.nytimes.com/2023/10/02/video/russia-nuclear-missile.html?searchResultPosition=12>. (accessed: 19.10.2023).
15. *The New York Times*. 04.10.2023. Available at: <https://www.nytimes.com/2023/10/04/world/europe/barbie-russia-hollywood-ukraine-war.html?searchResultPosition=4>. (accessed: 19.10.2023).

Борюшова Ирина Юрьевна – аспирант кафедры теории и практики перевода
(e-mail: i.boryushova@mail.ru),
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Донецкий государственный университет»
283001, Донецк, Университетская, 24

Boryushova Irina Yu. – Post-Graduate Student of Translation Studies Department
(e-mail: i.boryushova@mail.ru),
Federal State Educational Institution of Higher Education «Donetsk State University»
24 Universitetskaya, Donetsk, 283001

Поступила в редакцию 20 октября 2023 г.

ДИМИНУТИВНЫЕ НАИМЕНОВАНИЯ ЛИЦА В КАРИБСКИХ КРЕОЛЯХ НА АНГЛОЯЗЫЧНОЙ ОСНОВЕ

В исследовании были выявлены уменьшительно-ласкательные значения имён существительных с значением наименования лица в словообразовательных моделях с суффиксами -у, -ito в тринидадо-тобагском и ямайском креолях. Уменьшительно-ласкательные значения были выявлены путём словообразовательного анализа рассматриваемых субстантивных лексем карибских креолей на англоязычной основе и анализа контекстуальных условий их употребления. Семантическое развитие лексических заимствований в рассмотренных креолях происходит путём семантической деривации – метонимизации, метафоризации и специализации значения.

Ключевые слова: карибские креоли, заимствование, пейоративный, уменьшительно-ласкательный, диминутивное наименование лица, суффикс, метонимия, метафора, семантическая деривация, сужение значения.

DIMINUTIVE NAMES OF PERSONS IN ENGLISH-BASED CARIBBAN CREOLES

The article reveals diminutive and hypocoristic meanings of nouns denoting names of persons in word-formation models with -y, -ito suffixes in Trinidadian and Jamaican creoles. These diminutive meanings were established due to the usage of word-formation analysis of Caribbean Creole nouns as well as due to contextual conditions analysis of their application. The semantic development of lexical borrowings in these creoles takes place in accordance with different ways of semantic derivation: metonymy, metaphor and specialization of meaning.

Key words: Caribbean creoles, development, pejorative, diminutive name of a person, suffix, diminutive-hypocoristic meaning, metonymy, metaphor, semantic derivation, specialization of meaning.

1. Введение

При структурной однотипности креольские языки, характеризуются «оптимальным грамматическим строем, переносящим центр тяжести на синтаксические способы выражения грамматических значений. В них отсутствуют такие избыточные черты европейских языков как род, число, падеж у местоимений, сложные глагольные формы и т. п.» [Серебренников, 1970: 288].

По морфологическому составу слова в креольских языках могут быть подразделены на простые одноморфемные, сложные, квазисложные, редуцированные и дериваты [Дьячков, 1987: 40]. В конкретных англокреольских языках система деривации развита в различной степени [Ibid., 1987: 44-46].

В языке крио наиболее распространёнными суффиксами являются суффиксы *-in* со значением инфинитива, суффикс *-a* и суффикс *-man* со значением агента действия. Последний соотносится с мужским полом. Например: в креоле вес-кос *watman* ‘белый мужчина’, в сранан-тонго *granman* ‘старик’.

В языке ток-писин широко употребительны суффиксы для образования слов со значением качества. Один из них суффикс *-pela* (например: *pat* ‘жир’, *patpela* ‘быть жирным’) [Дьячков, 1987: 45] и для выражения переходности у глаголов (например: *kirap* ‘вставать’ – *kirapim* ‘будить’). Ток-писин считается креольским языком с наиболее развитой системой деривации.

В данном исследовании рассматриваются заимствования-существительные, имеющие диминутивные суффиксы в тринидадо-тобагском и ямайском креолях.

При написании данной статьи мы опирались на следующие исследования: Н. А. Арутюнова [Арутюнова, 1988], Ш. Р. Басыров [Басыров, 2014; 2019], П. М. Карашук [Карашук, 1977], Э. Сепир [Сепир, 1985].

Актуальность данного исследования обусловлена необходимостью углублённого изучения словообразования в англоязычных тринидадо-тобагском и ямайском карибских креолях на примере диминутивных суффиксов.

Цель исследования – описание семантики диминутивных наименований лица в англоязычных тринидадо-тобагском и ямайском карибских креолях.

Данная цель предусматривает решение следующих **задач**: 1) выявить и описать диминутивные суффиксы в лексике карибских креолей на англоязычной основе (далее ККАО); 2) охарактеризовать роль словообразовательных диминутивных суффиксов в семантическом развитии лексических заимствований в тринидадо-тобагском и ямайском креолях.

Методы исследования: метод анализа словарных дефиниций, сопоставительный метод, контекстуальный анализ. В качестве **материала исследования** были использованы лексемы различных словарей карибских креолей на англоязычной основе.

Общий объем проанализированных языковых явлений составляет 2970 заимствований в карибских креолях на англоязычной основе. При отборе фактического материала из словарей ККАО отбирались заимствованные существительные, дифференциаторы исследуемых ККАО со значением наименования лица – инновации, историзмы, и архаизмы. Методом сплошной выборки из словарей ККАО было отобрано 1070 заимствований в ямайском креоле (включающих 830 инноваций, 86 архаизмов, 154 историзма) и 1900 заимствований в тринидадо-

тобагском креоле (включающих 1543 инновации, 115 архаизмов и 242 историзма). Всего в двух креолях было проанализировано 2373 инновации, 201 архаизм, 396 историзмов. Было выявлено две группы имён существительных с диминутивными суффиксами: 1) слова-обращения и 2) наименования со значением метисации.

Объектом исследования является словообразовательная система в исследуемых тринидадо-тобагском и ямайском креолях.

Предметом исследования являются диминутивные суффиксы со значением наименования лица в заимствованных существительных тринидадо-тобагского и ямайского креолей.

2. Основная часть

Социальная иерархия в рабовладельческом обществе Вест-Индии в XVII – XVIII веках была неразрывно связана с цветом кожи. В XVII веке в Карибском архипелаге появилось крупное плантационное хозяйство, а вместе с ним и плантационное рабство африканцев. На протяжении нескольких веков принадлежность к негритянской части населения была символом социальной неполноценности. Придавалось огромное значение даже оттенкам кожи, и чем пигментация была светлее, тем выше был социальный статус и престиж человека [Нитобург, 1982: 16]. В этих условиях в вест-индских колониях происходит бурное развитие лексических единиц-наименований со значением метисации (далее НЗМ). Эти лексемы НЗМ имеют ярко-выраженные экспрессивно-оценочные значения различного характера: уменьшительно-ласкательные, пейоративные, уничижительные.

Диминутивные наименования лица со значением метисации

(1) В тринидадо-тобагском креоле (далее ТрТКр) НЗМ *mulatto* ‘мулат(ка)’ [Winer, 2009: 619] – архаизм с отрицательной коннотацией.

Семантическое развитие производного ТрТКр заимствования-архаизма *mulatto* может быть представлено при помощи следующей метафорической формулы:

исп. *mulatto* ‘ослик’ → метафора → ТрТКр *mulatto* ‘мулат(ка); ‘человек-полукровка, смешанного европейско-африканского происхождения’. В основе данного метафорического переноса модель «животное → человек». Например:

The majority of coloured slaves were mulattoes and the term came to be synonymous with the entire group of coloureds ‘Большинство цветных рабов были мулатами, и это наименование стало синонимом всей группы цветных’.

Таким образом, слово *mulatto* ‘(молодой) ослик → мулат(ка)’ представляет собой зооморфическую или анималистическую метафору, которая развилась по модели «животное → человек».

Данное значение ‘мулат(ка)’ является пейоративным, уничижительным. Можно предположить, что изначально это была оскорбительная кличка, которая обозначала: *mulatto* ‘(молодой) ослик’. В данном случае это мотивированное название, т. е. слово с производной основой *mulatto* ‘мулат(ка)’, значение которого обусловлено (мотивировано) значением другого названия, а именно: исп. *f mula* ‘ослица’. Данное имплицитное сравнение ‘мулата / тки)’ с ‘(ослицей’ или) ‘осликом’ в номинативной единице *mulatto* ‘мулат(ка)’ ощущалось как очень оскорбительное. В этой кличке скрыт сильный экспрессивно-оценочный потенциал.

Диахронический словообразовательный анализ НЗМ *mulatto* ‘мулат(ка)’ позволяет выявить уменьшительный суффикс *-atto* в наименовании животного *mulatto* ‘(молодой) ослик’: исп. *mula* ‘ослица’ + уменьшительный суффикс *-atto* → ТрТКр *mulatto* ‘(молодой) ослик’.

В современном испанском языке существительные *f mulata* ‘мулатка’ и *m mulato* ‘мулат’ [Нарумов, 2005: 519] чётко различаются по категории рода, который маркируется соответствующим окончанием.

Если в испанском языке с диахронической точки зрения слово *m mulato* ‘ослик’ – мужского рода, то в карибских креолях на англоязычной основе при отсутствии грамматической категории рода слово *mulatto* обозначает ‘мулат, мулатка’.

(2) НЗМ *costee* [Cassidy, 1967: 168] сущ., уст. ТрТКр ‘человек, который по происхождению на 3/8 чёрный и на 5/8 европейского происхождения; светловатый’ [Этимологическая справка: *co(loured mu)stee* ‘цветной мусти’ → контаминация *co(loured mu)stee* → *costee*]. С точки зрения диахронического словообразования в лексеме *costee* также присутствует сема уменьшительности. Она входит в состав слова *mulatto* (исп.) ‘ослик’, включённого в семантический процесс контаминации.

(3) НЗМ *whitey-whitey* [Cassidy, 1967: 473] ЯмКр ‘негр-альбинос’. Суффикс *-у*, продуктивный в стандартном БрА, употребляется для образования прилагательных от прилагательных, обозначающих цвет. Слова, образованные данным способом, указывают на оттенок цвета предмета. В случаях, когда за прилагательными, образованными таким способом, следует слово, обозначающее другой цвет, данное прилагательное будет указывать на оттенок соответствующего цвета. Например, *pinky-purple* ‘розовато-пурпурный’ = пурпурный цвет с розоватым оттенком’ [Кейпл, 2003: 345]. Обратите внимание, что суффикс *-у* в стандартном БрА не употребляется в словах *white* и *black* [Ibid.]. Следует особенно подчеркнуть, что в ямайском креоле данный суффикс употребляется как раз со словом *white*. Например:

1959 DeC Han /*waiti – waiti/ an albino Negro* [Cassidy, 1967: 473] ‘негр-альбинос’.

Слова-обращения – диминутивные наименования лица в карибских креолях на англоязычной основе

(4) В тринидадо-тобагском креоле используется заимствованный из испанского языка суффикс-диминутив *-ito*. Он придаёт уменьшительно-ласкательное значение словам мужского рода, которые называют человека любого возраста. Например: слово *mamito* (арс.) – *an affectionate name for a woman or girl-friend* [Winer, 2009: 562] ‘*Mamito* (арх.) – уменьшительно-ласкательное обращение к женщине или к любимой девушке’. (Исп. *mama* ‘мама’ + суффикс *-ito / -ita* с уменьшительно-ласкательным значением) [Winer, 2009: 562]. Например:

1927. *I am working for money hard, mamito, and you spend it bad* ‘Я много работаю, чтобы раздобыть деньги, мамочка, а ты их так бездумно тратишь’. 1938. *O Lord, Mamito, I don't want no bail*. ‘О боже, мамочка, я не нуждаюсь ни в каком поручительстве’. 1939. *Oh laws, oh laws, darling mamito, why you treating me so?* [Winer, 2009: 562] ‘Ах, эти законы, любимая моя мамочка, почему ты ко мне так относишься?’.

(5) Слово *papito* ‘an affectionate or romantic term of address for a man, used by women’ [Winer, 2009: 670] ‘*papito* папочка – уменьшительно-ласкательное обращение к мужчине, используемое женщинами’. (Исп. *papa* ‘папа’ + суффикс *-ito / -ita* с уменьшительно-ласкательным значением) [Winer, 2009: 670]. Например:

1938. *And when I turn in the night with me head on me pillow. She must call me papito* ‘И когда я ложусь в постель головой на подушку, она должна называть меня «папочка»’.

1940. *Then they'll tell you, «Darling, papito, I want you to buy me a Zenith radio»* ‘Затем они скажут: «Любимый папочка, я хоу, чтобы ты купил мне радио «Зенит»’.

1940. *When you got money, they'll call you papito, tell you how yuh sheek resemble Ramon Navarro* [Winer, 2009: 670] ‘Когда ты получишь деньги, они называют тебя папочкой, скажут, что ты уж очень похож на Романа Наварро’.

В испанском языке к существительным мужского рода относятся большая часть существительных, оканчивающихся на *-o* [Васильева-Шведе, Степанов, 1963: 10]. К существительным женского рода относятся существительные, оканчивающиеся на *-a* [Васильева-Шведе, Степанов, 1963: 11].

В вышеприведенных примерах легко заметить, что один и тот же уменьшительно-ласкательный суффикс мужского рода *-ito* используется как для существительного женского рода *mamito* ‘любимая девушка’, так и для существительного мужского рода

rapito ‘папочка’. В форме женского рода этот суффикс должен был бы быть *-ita*: (*hermano-ito* ‘братишка’), *hermano-ita* ‘сестрёнка’ [Васильева-Шведе, Степанов, 1963: 22].

Недифференцированное употребление уменьшительно-ласкательного суффикса мужского рода *-ito* для существительных мужского и женского рода является доказательством того, что приведенные испанские слова в тринидадо-тобагском креоле подвергаются англизации и значение испанских суффиксов в данном креоле является немотивированным. Из этого следует, что лексические единицы *mamito* ‘любимая девушка’ и *rapito* ‘папочка’ не являются варваризмами в тринидадо-тобагском креоле, а находятся на стадии ассимиляции или англизации.

(6) Обращение *My cocotte* [Allsopp, 1996: 162] (kokot) n (Dmca, StLu, Trin) [IF] [Разг.] 1. *детск.* ‘курочка’. [Fr *cocotte* 1. ‘курочка’. 2. (уменьшительно-ласкательное обращение) *Ma cocotte* ‘*My little ducky/darling*’ ‘цыпоська; милочка’ [Гак, Ганшина, 1997: 209]. 2 [by extension, сочетание *My cocotte* – ‘слова нежности, привязанности, обращенные к ребёнку или любимой] *Darling* ‘цыпоська; милочка’. [NB! (Dmca, Guad, Mart, StLu) FrCr kokot (Fr *cocotte*) ‘*a woman’s vulva*’ ‘вульва’].

Семантическое развитие производного значения – ‘уменьшительно-ласкательного обращения к ребёнку или любимой’ в тринидадо-тобагском креоле от исходного обценного французско-креольского ЛСВ происходит путём улучшения и расширения значения.

(Dmca, Guad, Mart, StLu) FrCr *kokot* (< Fr *cocotte*) [Allsopp, 1996: 162] ‘вульва’ → улучшение значения + расширение значения → Fr (уменьшительно-ласкательное обращение) *My cocotte* ‘цыпоська; милочка’ → сужение значения → (Dmca, StLu, Trin) [IF] *My cocotte* (уменьшительно-ласкательное обращение к ребёнку или любимой) *Darling* ‘цыпоська; милочка’.

(7) *Doudou (doodoo)* n. (Dmca, Gren, StLu, Tbgo, Trin) [IF] [A term of warm endearment ‘В тринидадо-тобагском креоле слово *doudou (doodoo)* – уменьшительно-ласкательное обращение с оттенком любви, нежности и близости: ‘цыпоська; милочка’ (= *Darling, my sweet (little one)*). Например:

Put you trust in God, doodoo. Ma Christine kept saying ‘.../’Don’t cry, doudou-darling’, said Ma Christine, gently patting her on the shoulder [Allsopp, 1996: 200] ‘«Уповай на бога, милочка», – то и дело говорила матушка Кристин. «Не плачь, душечка», – говорила матушка Кристин и мягко гладила её по плечу’.

[FrCr < Fr *doux* ‘sweet’ + emotive reduplication *doudou*]. [Most common in Trin folk speech, but copied through calypsos, etc by many in ECar] [Allsopp, 1996: 200]. [ФрКр < Фр *doux* ‘милая’ + редупликация *doudou*, придающая значение эмоциональности’. [Форма

doudou наиболее употребительна в народной речи Тринидада, но многие в восточных Карибах используют её под влиянием калипсо].

Развитие семы уменьшительно-ласкательности в слове *doudou* от французского языка к креолям можно показать в виде следующей записи:

doudou (антильск. фр.) [Гак, Ганшина, 1997: 354] ‘молодая женщина, возлюбленная’ > FrCr *doudou* ‘(обращение к малышу) с уменьшительно-ласкательным значением’ → TrTKp *doudou* (*doodoo*) ‘обращение с уменьшительно-ласкательным значением: ‘*Darling, my sweet (little one)*’ [Allsopp, 1996: 200] ‘любимая/ый, милая/ый (мой малыш / моя девочка)’.

Имена собственные с удвоением начального слога имеются во французском языке.

Во французском языке имеется модель образования фамильярных проприальных имён с уменьшительно-ласкательным значением, в которой происходит редупликация первого слога. Например: *Zina = Zizi, Victor = Vivi, Natali = Nana* [Лопатников, Мовшович, 2001: 144; Чекалина, 1998: 119].

(8) *Soul* n 1. (CarA) [IF] (Friendly form of address or reference to) an elderly woman. а) Пожилая женщина. б) Форма дружеского обращения к пожилой женщине’. Например:

а) *Silla-gal, you still cleaning chicken and night near falling?’ – her voice boomed in the quietness. ‘How?’/ ‘I here, soul’, Silla said listlessly* [Allsopp, 1996: 520] ‘«Силла, детка, ты всё ещё моешь мясо курицы, а вот-вот наступит ночь. Как это?», – раздавался её голос в тишине. – «Да, милая, я всё ещё здесь», – ответила Силла безучастно’.

б) *There was no need to worry about the old woman who talked about the slave. She was doting, poor soul* [Allsopp, 1996: 520] ‘Не было никакой необходимости волноваться из-за старушки, которая говорила о рабыне. Она была слепо преданной пожилой женщиной, душечкой’. [Ср. [COED, 1993] *Soul* III.13. с dial. Used in the pl as a form of address: ‘friends, fellows’ ‘друзья, парни’ + Cit (1874) ‘*Come in, souls, and have smth to eat and drink*’ ‘Заходите, друзья, выпейте и съешьте что-нибудь’].

[in (CarA) Used only by adult speaker, esp by a woman to or of another] [Allsopp, 1996: 520] ‘В карибском ареале слово *soul* используется только взрослым говорящим, особенно женщиной, когда она обращается к другой женщине или говорит о другой женщине’.

(9) *Tantie* (*Tantie, tanta, Tanty*) n (ECar) [IF] (An affectionate term for) *aunt; auntie*] [Allsopp, 1996: 548] ‘тётушка’. Например:

What do people call a mother’s sister? Some say auntie, some say tantie. [< FrCr from blend of Fr *tante* + E *aunty, auntie* (уменьшительно-ласк.) ‘тётушка’] [Allsopp, 1996: 548] ‘«Как в народе называют сестру матери?» – «Одни называют тётенка, другие – тётушка»’.

Семантическое развитие производного карибского имени от исходного французского имени происходит путём контаминации, сопровождаемой приобретением уменьшительно-ласкательной семы производным значением.

Fr *tante* 'тётя' + E *aunty, auntie* (уменьшительно-ласк.) → контаминация → (ECar) [IF] *Tantie* (уменьшительно-ласк.) 'тётушка'.

(10) *Ma, Ma(a)ma, Ma(a)mi(e), Mummy* [ma; mama; mami] n (CarA) [IF] (affectionate form of address [Allsopp, 1996: 358] 'мамочка, матушка'. n (CarA) [IF] 'Обращение со значением нежности, ласки, привязанности'. *Mother; an old woman* 'матушка; мамочка'. Например:

a) *Renouka pleaded. 'All these people looking at we, Ma. Don't shame me please' /... 'Ma, please, please, be reasonable. What get into you so suddenly?* [Allsopp, 1996: 358] 'Ренука произнесла, умоляя: «Все эти люди смотрят на нас, мама. Прошу тебя, не позорь меня. Мамочка, пожалуйста, будь благоразумной. Что на тебя так внезапно нашло?»'.

b) *Old Man: It don't sound good, Ma. It don't sound good at all.*

Old woman: There ain't much we can do but pray, Pa. Pray [Allsopp, 196: 358] 'Старик: «Как плохо это звучит, матушка. Совсем не звучит хорошо». Старуха: «Нам остаётся только молиться, отец. Молись же»'.

(11) *Maami* ['ma:mi] n [Guyn, Jmca, StVt] [AF/IF] *Mother* (an intimate form of address to one's own mother and more frequently by children when they are complaining or seeking attention) 'Форма обращения к матери, используемая детьми, когда они жалуются или требуют внимания: 'мамочка'. Например:

Maami, look Trevi pinching meh (Jmca) 'Мамочка, посмотри, Треви меня щипает'. *Yo(u) maami guine beat you* [DCEU, 1996: 358] 'Твоя мама собирается тебя наказать'.

(12) *Br'er (Brer)* [bara, bere, bra] n (CarA) // *B', Bo, Boro* (CarA) *Brother; Mr* – (*The title commonly attached to folk-tale characters, esp in Anancy stories*) [Allsopp, 1996: 116]. *Br'er (Brer)* [bara, bere, bra] 'Братец; господин' (Данное обращение *Br'er (Brer)* *B', Bo, Boro* (CarA) обычно используется как титул для героев сказок, особенно в сказках об Ананси). Например:

a) *As you know Brer Rabbie did not have any mind of his own and as a rule he wanted to do whatever his friend Brer Bookie said. < [bra(d)r] < brother. See Boro* 'Как Вы уже знаете, Братец Кролик своими мыслями не руководствовался, и, как правило, он хотел делать всё то, что Братец Буки ему советовал'.

b) *Br'er Nancy* n (CarA) [AF-Joc] 'Братец Паук / Нанси' // *Anancy* 'Ананси-паук' // *Boro Nancy*. 'Братец Паук / Нанси' [Allsopp, 1996: 116]. *A person who is not to be trusted; a wily character* 'Человек, на которого нельзя полагаться; коварный человек'.

(13) *Backra missy* 'досл.: белая девица' n phr [AF] [Hist]. *The daughter of a sugar planter*

(ист.) ‘Дочь хозяина сахарной фабрики’; [by extension] *any snobbish young lady* [Allsopp, 1996: 61]. (Расширение значения). ‘Любая юная леди с претензией на исключительность’. (Заметим, что в слове *missy* имеется уменьшительный суффикс -y). Например:

Since the other one married to this white engineer she now behaving like backra missy, m(y) dear! [Allsopp, 1996: 61] ‘Так как та другая девушка вышла замуж за белого технического специалиста по двигателям, она ведёт себя как дочь хозяина сахарной фабрики, о, боже!’.

(14) 1785. *Biddy, or Chick-a-biddy, a chicken, and figuratively a young wench* [COED, 1993] ‘Цыплёнок’. (Переносное значение) ‘юная девушка’.

Англ. уст. диал. *chick-a-biddy* ‘цыплёнок’ → метафора → БрА *chick-a-biddy* ‘юная девушка’.

Biddy n (Jmca) [IF] = *a new-born chicken*. (ЯмКр) [IF / разг.] ‘только-что вылупившийся цыплёнок’. Следует отметить, что *chick-a-biddy* < (*chick* + *biddy*) – ‘слово, используемое в детских яслях в значении ‘a young child’ [Allsopp, 1996: 98] ‘маленький ребёнок’.

В ямайском креоле у слова *chick-a-biddy* развивается новое значение ‘маленький ребёнок’. Маркером семы уменьшительности является суффикс -y в слове *biddy*.

Семантическое развитие производного значения в ямайском креоле от исходного значения британской лексической единицы, имеющей суффикс уменьшительности -y, происходит путём метафоры:

БрА *chick-a-biddy* ‘только-что вылупившийся цыплёнок’ → метафора → ЯмКр *chick-a-biddy* ‘маленький ребёнок; младенец’.

Семантическое развитие производного ямайского значения от исходного английского ЛСВ происходит путём метафоры по модели «животное → человек».

В нижеследующей таблице приведены результаты количественных подсчётов существительных-диминутивов (неологизмов, архаизмов, историзмов) данного исследования.

Таблица. Количественные показатели существительных-диминутивов в словах-обращениях и в словах со значением метисации в ямайском и тринидадо-тобагском креолях

Слова-обращения						Слова со значением метисации					
Ямайский креоль			Тринидадо-тобагский креоль			Ямайский креоль			Тринидадо-тобагский креоль		
неол.	арх.	ист.	неол.	арх.	ист.	неол.	арх.	ист.	неол.	арх.	ист.
448	251	186	823	245	282	116	32	37	412	63	75
15,1%	8,5%	6,3%	27,7%	8,2%	0,9%	3,9%	1,1%	1,2%	13,9%	2,12%	2,5%
885			1350			185			550		
Всего: 2970= 100%											

В словах-обращениях на первом месте неологистичные диминутивы, которые составляют 27,7% в тринидадо-тобагском креоле, в то время как в ямайском креоле они составляют 15,1%. В словах со значением метисации пиковая величина в тринидадо-тобагском креоле составляет 13,9%, а в ямайском креоле она в 3,6 раза меньше и составляет 3,9%. На долю архаичных диминутивов ямайского и тринидадо-тобагского креолей приходится почти одна та же величина – 8,5% и 8,2% соответственно. В словах обращениях историзмов-диминутивов в ямайском креоле приходится в 21 раз больше, чем в тринидадо-тобагском креоле ($6,3\% : 0,9\% = 21$).

3. Выводы

3.1. Если в английском языке бывшей метрополии (в британском варианте английского языка) имеется четыре продуктивных диминутивных суффикса, то в карибских креолях имеется по крайней мере один диминутивный суффикс: -у (и его вариант) -*ie* с этим значением, а также непродуктивные заимствованные из испанского языка диминутивные суффиксы -*ito*, -*atto*.

3.2. Диминутивное значение в плане диахронии зафиксировано у НЗМ *mulatto* ‘мулат’ / ‘ослик’.

3.3. Диминутивная сема присутствует в рассматриваемых креолях в словах-обращениях, которые включают редупликацию первого слога.

3.4. Если в стандартном английском языке недопустимо использовать диминутивный суффикс -у со словами *white* и *black*, то в креолях такое употребление считается санкционированным нормами креолей как правильное.

3.5. В разговорной речи в карибских креолях используются усеченные слова-обращения, которые обладают высоким уменьшительно-ласкательным потенциалом.

Список сокращений

ЛСВ – лексико-семантический вариант; ТрТКр – тринидадо-тобагский креоль; ЯмКр – ямайский креоль.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Арутюнова Н. Д. Типы языковых значений. Оценка. Событие. Факт. Москва: Наука, 1988. 341 с.
2. Басыров Ш. Р. Метафоры и метонимии в разноструктурных языках. Донецк: ДонНУ, 2019. 287 с.
3. Басыров Ш. Р. Словотвір з рефлексивним комплексом у типологічному висвітленні. Донецьк: Вид-во «Ноулідж» (Донецьке відділення), 2014. 544 с.
4. Дроздов В. А. Формирование словарного состава карибских креольских языков. Донецк: ДонНУ, 2019. 348 с. (Типологические, сопоставительные, диахронические исследования; Т. 18).
5. Дьячков М. В. Креольские языки. Москва: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1987. 106 с.

6. Кейпл А. Словообразование: Справочник по английскому языку. Москва: ООО «Издательство Астрель»; ООО «Издательство АСТ», 2003. 366 с.
7. Карашук П. М. Словообразование английского языка. Москва: Высшая школа, 1977. 303 с.
8. Лопатников Н. Н., Мовшович Н. А. Лексикология современного французского языка. Москва: Высшая школа, 2001. 345 с.
9. Нитобург Э. Л. Введение // Этнические процессы в странах Карибского моря. Москва: Наука, 1982. С. 3-25.
10. Сепир Э. Градуирование // Новое в зарубежной лингвистике. Москва: Прогресс, 1985. Вып. 16. Лингвистическая прагматика. С. 43-78.
11. Серебренников Б. А. Общее языкознание. Формы существования, функции, история языка. Москва: Наука, 1970. 603 с.
12. Чекалина Е. М. Лексикология современного французского языка. Санкт-Петербург, 1998. 236 с.

СПИСОК ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ

1. Васильева-Шведе О. К., Степанов Г. В. Грамматика испанского языка. Москва: Высшая школа, 1963. 398 с.
2. Гак В. Г., Ганшина К. А. Новый французско-русский словарь: 70000 слов. 3-е изд., испр. Москва: Рус. язык, 1997. 1195 с.
3. Нарумов Б. П. Большой испанско-русский словарь. Москва: Русский язык Медиа, 2005. 839 с.
4. Allsopp R. Dictionary of Caribbean English Usage. With a French and Spanish supplement. Oxford University Press, 1996. 697 p.
5. Cassidy F. G. Dictionary of Jamaican English. Cambridge at the University Press, 1967. 487 p.
6. Compact Oxford English Dictionary. Complete text reproduced micrographically. Second edition New York: Clarendon Press. Oxford. Published in the USA by Oxford University Press, Inc., 1993. 2572 p. [COED].
7. Winer L. Dictionary of the English / Creole of Trinidad and Tobago on historical principles. McGill Queen's University Press, Montreal & Kingston. London. Ithaca, 2009. 1041 p.

REFERENCES

1. Arutyunova, N. D. (1988). *Tipyazykovykh znacheniy. Otsenka. Sobytie. Fakt* [Types of language meanings. Evaluation. Event. Fact]. Moskva: Nauka. (In Russ.).
2. Basyrov, Sh. R. (2019). *Metafori i metonimii v raznostrukturnykh yazykakh* [Metaphors and metonymies in the languages of different structure]. Donetsk: DonNU. (In Russ.).
3. Basirov, Sh. R. (2014). *Slovotvir z refleksivnim kompleksom u tipologichnomu visvitlenni* [Wordformation with a Reflexive complex in typological setting]. Donetsk: Vid-vo «Noulidzh» (Donetske viddilennya). (In Ukr.).
4. Drozdov, V. A. (2019). *Formirovanie slovarnogo sostava karibskikh kreolskikh yazykov* [Formation of vocabulary in Caribbean Creole languages]. Donetsk: DonNU. (Tipologicheskie, sopostavitelnye, diakhronicheskie issledovaniya; Vol. 18). (In Russ.).
5. Dyachkov, M. V. (1987). *Kreolskie yazyki* [Creole languages]. Moskva: Nauka. Glavnaya redaktsiya vostochnoy literatury. (In Russ.).
6. Keypl, A. (2003). *Slovoobrazovanie: Spravochnik po angliyskomu yazyku* [English guides. Word formation]. Moskva: ООО «Izdatelstvo Astrel»; ООО «Izdatelstvo AST». (In Russ.).
7. Karaschuk, P. M. (1977). *Slovoobrazovanie angliyskogo yazyka* [English wordformation]. Moskva: Vysshaya shkola. (In Russ.).

8. Lopatnikov, N. N., Movshovich, N. A. (2001). *Leksikologiya sovremennogo frantsuzskogo yazyka* [Lexicology of Modern French Language]. Moskva: Vysshaya shkola. (In Russ.).
9. Nitoburg, E. L. (1982). Vvedenie [Introduction]. In *Etnicheskie protsessy v stranakh Karibskogo morya*. Moskva: Nauka. Pp. 3-25. (In Russ.).
10. Sepir, E. (1985). Graduovanie [Grading]. In *Novoe v zarubezhnoy lingvistike*. Moskva: Progress. Iss. 16. Lingvisticheskaya pragmatika. Pp. 43-78. (In Russ.).
11. Serebrennikov, B. A. (1970). *Obshchee yazykoznanie. Formy sushchestvovaniya, funktsii, istoriya yazyka* [General linguistics. Forms of existence, functions and history of the language]. Moskva: Nauka. (In Russ.).
12. Chekalina, E. M. (1998). *Leksikologiya sovremennogo frantsuzskogo yazyka* [Lexicology of Modern French Language]. Sankt-Peterburg. (In Russ.).

LEXICOGRAPHIC SOURCES

1. Vasileva-Shvede, O. K., Stepanov, G. V. (1963). *Grammatika ispanskogo yazyka* [Spanish grammar]. Moskva: Vysshaya shkola. (In Russ.).
2. Gak, V. G., Ganshina, K. A. (1997). *Novyy frantsuzsko-russkiy slovar* [New French-Russian Dictionary]. 3rd ed., rev. Moskva: Rus. yazyk. (In Russ.).
3. Narumov, B. P. (2005). *Bolshoy ispansko-russkiy slovar* [Big Spanish Russian Dictionary]. Moskva: Russkiy yazyk Media. (In Russ.).
4. Allsopp, R. (1996). *Dictionary of Caribbean English Usage. With a French and Spanish supplement*. Oxford University Press.
5. Cassidy, F. G. (1967). *Dictionary of Jamaican English*. Cambridge at the Univesity Press.
6. *Compact Oxford English Dictionary. Complete text reproduced micrographically*. Second edition New York: Clarendon Press. Oxford. Published in the USA by Oxford University Press, Inc., 1993.
7. Winer, L. (2009). *Dictionary of the English / Creole of Trinidad and Tobago on historical principles*. McGill Queen's University Press, Montreal & Kingston. London. Ithaca.

Дроздов Владимир Александрович – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры теории и практики перевода (e-mail: v.drozdov@donnu.ru), Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Донецкий государственный университет»
283001, Донецк, Университетская, 24

Drozdov Vladimir A. – Doctor in Philology, Associate Professor, Professor of Translation Studies Department (e-mail: v.drozdov@donnu.ru), Federal State Budget Educational Institution of Higher Education «Donetsk State University»
24 Universitetskaya, Donetsk, 283001

Поступила в редакцию 12 октября 2023 г.

УДК 81'373.612

© 2023 И. В. Лукашова

СЕМАНТИЧЕСКИЕ ПУТИ СТАНОВЛЕНИЯ ТЕРМИНОЛОГИИ БИЗНЕСА И МЕНЕДЖМЕНТА В АНГЛИЙСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ

Статья посвящена изучению семантических путей становления терминологии бизнеса и менеджмента в английском и русском языках. В сопоставительном аспекте рассматривается семантический способ образования терминов, описываются семантические пути терминологизации общеупотребительной лексики на примере сужения, расширения, метафоризации и метонимизации значений слов, вошедших в терминологию бизнеса и менеджмента.

Ключевые слова: семантика, сужение значения, расширение значения, метафоризация, метонимизация, терминология бизнеса и менеджмента, семантическое изменение слова.

© 2023 I. V. Lukashova

SEMANTIC WAYS OF BUSINESS AND MANAGEMENT TERMINOLOGY FORMATION IN ENGLISH AND RUSSIAN

This paper studies the semantic means of business and management terminology formation in English and Russian. In the contrastive aspect the semantic way of term formation is considered, the semantic means of terminologization of current lexis are described on the examples of narrowing, extension, metaphorisation and metonymisation of the meanings of words that have entered the terminology of business and management.

Key words: semantics, narrowing of meaning, meaning extension, metaphorisation, metonymisation, business management terminology, semantic change of a word.

Введение. Настоящее исследование посвящено семантическому способу образования субстантивной терминологии бизнеса и менеджмента в английском и русском языках. В научной лингвистической литературе для обозначения процесса семантического образования используются такие понятия как «семантическое развитие», «семантический сдвиг», «семантическая деривация», «семантическое словообразование» и др., что в целом подчеркивает отсутствие единой точки зрения на исследуемые явления и требует дальнейшего изучения.

Значительный вклад в развитие терминоведения, определение вторичной природы термина и процессов терминообразования внесли ряд отечественных и зарубежных лингвистов: Л. М. Алексеева, Н. Д. Артюнова, В. Н. Телия, Б.Н. Головин, Р. Ю. Кобрин, Г. Н. Скляревская, С. В. Гринев-Гриневиц, В. И. Корольков, Ш. Р. Басыров, Л. В. Беспамятная, Дж. Лакофф, М. Джонсон, Эндрю Ортони, Харальд Вайнрих и многие другие.

Проблеме семантического терминообразования в разных специальных областях посвящены следующие новейшие публикации: Ш. Р. Басырова [Басыров, 2019] в различных терминосистемах, И. А. Жилиной, М. Е. Панкратовой [Жилина, Панкратова, 2020] в области юриспруденции, В. А. Сербина [Сербин, 2021] в военной сфере, И. Г. Кудрявцевой, И. И. Юдиной [Кудрявцева, Юдина, 2021] в сфере строительства, С. В. Калининой [Калинина, 2021] в нефтегазовой области, Е. В. Кравченко [Кравченко, 2023] в сфере медицины.

В научных трудах зарубежных и отечественных лингвистов, среди которых: Л. Блумфилд [Bloomfield, 1973], А. Бланк [Blank, Koch, 1999], М. Бреаль [Bréal, 1921], С. Ульман [Ullmann, 1967], А. Дармстетер [Darmesteter, 1927], М. А. Бородина, В. Г. Гак [Бородина, Гак, 1979] и др., широко используются термины *семантический сдвиг* (semantic shift) и *семантическое изменение* (semantic change).

Так, согласно Л. Блумфилду, семантический сдвиг или семантическое изменение (semantic shift / semantic change) – это изменение лексического значения слова [Bloomfield, 1993: 425].

Семантическое развитие – это форма языкового изменения в отношении эволюции использования слова – обычно до такой степени, что современное значение радикально отличается от первоначального использования [Гринев-Гриневиц, 2008; Головин, Кобрин, 1987].

Термин «семантическая деривация» широко используется в лингвистическом обиходе для обозначения отношений семантической производности, соединяющей между собой различные значения одного слова [Стариченок, 2018: 10-14].

В. Д. Стариченок [Стариченок, 2018], Н. Д. Артюнова, А. А. Уфимцева [Артюнова, Уфимцева, 1980] и ряд других ученых в широком смысле под семантической деривацией понимают образование производных номинативных единиц от исходных слов без изменения формы знака.

Таким образом, «семантическое развитие», «семантический сдвиг», «семантическая деривация», «семантическое изменение» слова являются по сути синонимическими выражениями.

Объектом исследования выступают термины в сфере бизнеса и менеджмента.

Цель исследования состоит в выявлении семантических путей становления терминологии бизнеса и менеджмента (далее ТБМ) в сопоставительном аспекте. Данная цель предполагает разрешение следующих задач: 1) выявить типы семантических

изменений присущих общеупотребительному слову и термину; 2) провести грань между общеупотребительным словом и термином; 3) проанализировать типы семантических изменений слова при его терминологизации на примере ТБМ в английском и русском языках; 4) произвести количественные подсчеты выявленных типов семантических изменений при становлении ТБМ.

Материалом исследования послужили 756 терминов ТБМ: английского (402 ед.) и русского (354 ед.) языков, отобранных из специализированных словарей английского [DBM; DB; DE] и русского языков [Розенберг, 1977; Райзберг, 2011], а также из двуязычных словарей [Булычева, 2011; Тимошина, 2009].

Существует различные типологии семантических изменений слова. Наиболее распространенной является типология по Андреасу Бланку. А. Бланк [Blank, Koch, 1999] в своей работе «Why do new meanings occur? A cognitive typology of the motivations for lexical semantic change» выделил 10 типов семантических изменений: 1) метафоризация; 2) метонимизация; 3) сужение значения (также «обогащение значения», «семантическая специализация», «конкретизация значения», «уменьшение семантического объема»); 4) расширение значения (также «обобщение», «обеднение значения», «генерализация значения», «увеличение семантического объема»); 5) перемещение (в английском «cohyponymic transfer»); 6) антифразис; 7) энантиосемия; 8) автоконверсия; 9) эллипсис; 10) народная этимология.

В настоящем исследовании рассматриваются не общеупотребительные слова, а термины, которые относятся к специальной сфере употребления, поэтому целесообразно обозначить разницу между общеупотребительным словом и термином, определив характерные признаки последнего.

По мнению В. Н. Головина и Р. Ю. Кобрина [Головин, Кобрин, 1987], термин любой области знания выражает специальное профессиональное понятие (научное, техническое, социально-культурное), если он употребляется в условиях специальной профессиональной коммуникации: в письменных текстах или устной речи специалистов.

Общеупотребительные слова, напротив, выражают бытовые понятия, или общие представления; причем граница между бытовым понятием и общим представлением весьма условна. Таким образом, разница между словом и термином объективно обусловлена тем, что они отражают явления разных уровней мыслительной деятельности – научное мышление и бытовое оперирование представлениями [Гринев-Гриневиц, 2008: 28].

В терминоведении существуют определенные требования, предъявляемые к термину. Число критериев оценки варьируется от 7 [Суперанская, 2012] до 15

[Гринев-Гриневиц, 2008].

Анализ требований, предъявляемых к термину разными лингвистами, позволил в настоящем исследовании выделить следующие признаки, которыми должен быть наделен термин:

1. *Однозначность*, т. е. термин должен обозначать только одно научное понятие, которому должен соответствовать один термин. Таким образом, данный критерий отрицает синонимию и полисемию, однако на уровне нескольких подязыков полисемия довольно распространена.

2. *Системность*, т. е. термин является частью терминологической системы.

3. *Краткость*, т. е. термин должен быть кратким, так как это обеспечивает его легкое запоминание и широкое применение.

4. *Точность*, т. е. термин должен быть точным, правильно ориентирующим.

5. *Деривативность*, т. е. термин должен быть удобен для образования новых терминов.

6. *Мотивированность* – способность формы термина составить представление о называемом понятии.

7. *Своязычность*, т. е. избежание по необходимости иностранных слов.

8. *Стилистическая нейтральность* – предполагает отсутствие эмоциональной и экспрессивной выраженности у термина.

9. *Лингвистическая правильность*, т. е. термин должен быть благозвучным и соответствовать правилам литературного языка.

Анализ, проведенный исследователями [Головин, Кобрин, 1987; Гринев-Гриневиц, 2008; Суперанская, 2012], показал, что сформулированные в совокупности все требования труднодостижимы; так некоторые противоречат друг другу и поэтому не могут быть выполнены.

Ряд ученых (А. А. Реформатский [Реформатский, 1967], А. И. Моисеев [Моисеев, 1970]) рассматривают термин как однозначное, экспрессивно и коннотативно нейтральное слово.

Сторонники функционального подхода (А. В. Суперанская [Суперанская, 2012], С. В. Гринев-Гриневиц [Гринев-Гриневиц, 2008], Ю. В. Сложеникина [Сложеникина, 2016]) считают, что термины, несмотря на свою семантическую очерченность, имеют те же особенности, что и общеупотребительная лексика, поэтому сложно говорить о полной нейтральности термина и отсутствии у него каких-либо коннотаций. Ряд авторов допускают у терминов не только стилистическую окраску, но и возможность обладать национально-культурной коннотацией, которая придает им культурно значимую

ценность. Таким образом, национальные особенности культуры, характер мышления специалистов определенной области знаний находят свое выражение в языке.

Данное исследование основывается на функциональном подходе, поэтому базируется на утверждении, что природа термина представляет собой диалектическую двойственность общеязыкового и функционального. Следовательно, термин, образованный путем вторичной номинации, не обязан быть лишенным образности, экспрессивности и может нести в себе какую-либо коннотацию.

Под семантическим способом терминообразованием принято понимать приспособление общеупотребительных слов в качестве терминологических наименований через их специализацию в условиях особого контекста [Сложеникина, 2016: 39].

Наиболее подробная классификация семантических способов образования терминов представлена С. В. Гринев-Гриневицем, к которым он отнес следующие способы: 1) терминологизация общеупотребительного значения слова; 2) расширение значения общеупотребительного слова; 3) метафоризация значения общеупотребительного слова; 4) метонимический перенос значения общеупотребительного слова; специализация значения общеупотребительного слова; 5) межсистемное заимствование лексем; 6) заимствование иноязычных лексем и терминологических элементов [Гринев-Гриневиц, 2008:123].

Анализ лингвистической литературы [Гак, Бородина, 1979; Гринев-Гриневиц, 2008; Сложеникина, 2016] показал, что в процессе терминологизации общеупотребительного значения слова реализуются процессы сужения и расширения значения лексической единицы, а также различные виды переносов: метафорический и метонимический. Таким образом, Ю. В. Сложеникина опираясь на работу В. Н. Прохоровой выделяет 4 основных способа образования переносного значения в терминологии: метафорический, метонимический, сужение и расширение значения [Сложеникина, 2016: 40]. Возьмем данную классификацию за основу и рассмотрим пути становления терминологии бизнеса и менеджмента.

1. Сужение (специализация) значения. Терминологизация общеупотребительного значения слова – процесс переосмысления значения лексической единицы общего языка при переходе в терминологическую сферу. Сущность процесса сужения значения в том, что у общелитературного слова его значение специализируется в узкой терминологической подсистеме. На примере лексических единиц: англ. *currency* ‘валюта’, *share* ‘акция’ и русск. *бюджет*, *бизнес* сравним общеупотребительное значение данных лексем, взятое из толковых словарей [OED; БАСРЯ] с их специальным значением, взятым из специализированных словарей [Борисов, 1999] и вошедшим в ТБМ. Ср.:

англ. *currency*: the fact or quality of being current or passing from man to man as a medium of exchange [OED, 1993] ‘способность или свойство быть в обороте или переходить от одного человека к другому в качестве средства обмена’ → сужение значения → англ. *currency*: money in coins and notes which is used in a particular country [Розенберг, 1997: 110] ‘бумажные деньги монеты, которые используются в конкретной стране’;

англ. *share*: the part or portion (of something) which is allotted or belongs to an individual, when distribution is made among a number [OED, 1993] ‘часть или доля (чего-либо), которая отводится или принадлежит отдельному лицу при распределении между несколькими лицами’ → сужение значения → англ. *share*: a unit of stock that names the holder and indicating ownership in a corporation [Розенберг, 1997: 403] ‘единичная акция из пакета акций, на которой обозначено имя ее владельца и указан размер его участия в акционерной компании’;

русс. *бюджет*: совокупность, роспись, смета доходов и расходов государства, региона, предприятия или учреждения на определенный срок. [БАСРЯ, 2005: 300] → сужение значения → русск. *бюджет*: имеющая официальную силу, признанная или принятая роспись, таблица, ведомость доходов и расходов экономического субъекта за определенный период времени, обычно за год [Борисов, 1999: 84];

русс. *бизнес*: деятельность, занятие, приносящие прибыль, доход; предпринимательская деятельность, связанная с коммерцией, производством и реализацией товаров, оказанием услуг населению и т. п. [БАСРЯ, 2007: 635] → сужение значения → русск. *бизнес*: инициативная экономическая деятельность, осуществляемая за счет собственных или заемных средств на свой риск и под свою ответственность, ставящая главными целями получение прибыли и развитие собственного дела [Борисов, 1999: 67].

2. Расширение значения общепотребительного слова при переходе в термин является непродуктивным способом в терминообразовании. В английском и русском языках на материале настоящего исследования при анализе ТБМ данный тип семантического преобразования не был выявлен.

3. Метонимический перенос. Метонимия – механизм речи, состоящий в регулярном или окказиональном переносе имени с одного класса объектов или единичного объекта на другой класс или отдельный предмет, ассоциируемый с данным по смежности, сопредельности, вовлеченности в одну ситуацию [Ярцева, 2002].

В ходе анализа терминологических единиц были выделены следующие типы метонимического переноса:

3.1. Модель «имя основателя компании → название компании», ср:

англ. *Beazley* ‘название лондонской страховой компании’ ← *Beazley* ‘фамилия основателя данной страховой компании’;

англ. *Under the arrangement, the \$45 million bond will pay out to Beazley if a cyberattack costs its clients more than \$300 million* ‘По условиям соглашения, облигации на сумму 45 млн. долл. будут выплачены страховой компании «Бизли» в случае, если кибератака обойдется ее клиентам более чем в 300 млн. долл.’;

англ. *Andrew Beazley – leading figure in Lloyd’s of London who co-founded and led the successful specialist insurance group which bears his name* ‘Эндрю Бизли – ведущий деятель Лондонского Ллойда, один из основателей и руководитель успешной специализированной страховой группы, носящей его имя’;

русс. *Тинькофф* ‘название банка’ ← *Тиньков* ‘фамилия учредителя банка’;

русс. *После этого «Тинькофф» увеличил максимальную ставку по депозитам до 12% годовых с учетом капитализации процентов каждый месяц;*

русс. *С начала 90-х Олег Тиньков приступил к разработке своей формулы успешного бизнеса.*

3.2. Модель «материал → изделие из него», ср.:

англ. *paper*: thin, flat material made from crushed wood or cloth, used for writing, printing, or drawing on [OED, 1993] ‘тонкий плоский материал из измельченной древесины или ткани, используемый для письма, печати или рисования на нем’ → метонимия →

англ. *paper*: an informal name for securities that can be bought and sold or held as an investment [DBM, 2009: 412] ‘неофициальное название ценных бумаг, которые можно купить и продать или держать в качестве инвестиций’;

англ. *paper*: an informal name for securities that can be bought and sold or held as an investment ‘неофициальное название ценных бумаг, которые можно купить и продать или держать в качестве инвестиций’ [DBM, 2009: 412] → сужение значения → англ. *paper*: a loan contract ‘контракт на предоставление займа’ [Розенберг, 1997: 289];

русс. *бумага*: материал для письма, печати, рисования и т. п., обычно изготавливаемый из древесной массы’ [БАСРЯ, 2005: 252] → метонимия → русск. *бумага*: письменный документ официального характера.

3.3. Модель «часть → целое». В англоязычной литературе существует

дифференциация наемных работников по цвету одежды, которую они носят. Так, термины англ. *white-collar* ‘белый воротничок’ и англ. *blue-collar* ‘синий воротничок’ образованы путем метонимического переноса по модели «цвет части одежды → человек, занимающийся

определенным видом деятельности». Например, англ. *white collar* ‘белый воротничок как часть рубашки белого цвета’ → метонимия → англ. *white-collar* ‘любой сотрудник, работающий в офисе, занятый интеллектуальным трудом’ [Розенберг, 1997: 408];

англ. *blue collar* ‘синий воротничок часть рубашки синего цвета’ → метонимия → англ. *blue-collar* ‘любой сотрудник, работающий на производстве, занятый физическим трудом’ [Розенберг, 1997: 53].

Появление данных терминов, обозначающих наемных работников, связано с тем, что работники, занятые интеллектуальным трудом и работающие преимущественно в офисе носили белые рубашки, а частью униформы работников, занятых физическим трудом была синяя рубашка.

Термины русск. *физическое лицо*, *должностное лицо* образованы путем метонимического переноса по модели «передняя часть головы человека → человек». Например, русск. *лицо*: передняя часть головы человека [БАСРЯ, 2008: 247] → метонимия → отдельный человек как часть общества, коллектива [БАСРЯ, 2008: 247].

Также словосочетаниях русск. *лицо* ‘передняя часть головы человека’ [БАСРЯ, 2008: 247] входит в состав двухкомпонентных терминов, которые были образованы путем метонимического переноса, ср. русск. *физическое лицо* ‘человек, участвующий в экономической деятельности, выступающий в качестве полноправного субъекта этой деятельности’ [Борисов, 1999: 796] и *должностное лицо* ‘служащий государственного учреждения, занимающий достаточно высокую должность, уполномоченный принимать важные решения и осуществлять юридически значимые действия’ [Борисов, 1999: 193].

3.4. Модель «название действия → наименование результата». В английском языке образование терминов путем конверсии можно трактовать как результат метонимии. При конверсии одна целостность (исходная, конвертируемая форма) начинает выступать вместо другой (конвертированной) или части другой. Например,

англ. *turnover* ‘оборот’ (noun) ← *to turn over* ‘оборачивать, вращать’ (verb);

англ. *The new company, Essential Computing, turned over £500,000 in its first year.* ‘В первый год работы новая компания, *Essential Computing*, получила прибыль (досл. имела оборот) в размере 500 тыс. фунтов стерлингов’;

англ. *The business has an annual turnover of \$350,000.* ‘Годовой оборот предприятия составляет 350 000 долл.’;

англ. *account* ‘отчёт’ (noun) ← англ. *account* ‘отчитываться’ (verb). Метонимический перенос строится по следующей модели: англ. *account* (verb): to account for; to render an

account or reckoning of money held in trust [OED] ‘отчитываться за что-то, предоставлять отчет или пересчитывать деньги, находящиеся в доверительном управлении’ → метонимия → англ. *account* (noun): a record of all the transactions and the date of each, affecting a particular phase of the business, expressed in debits and credits, evaluated in money, and showing the current balance, if any’ [DBM, 2006:16] ‘отчет обо всех операциях с датой произведения каждой за конкретный период деятельности, предоставленный как дебет и кредит (в денежных суммах) и отражающий текущий баланс, если он существует’.

В русском языке данный тип метонимии свойственен для субъективных терминов, образованных от глаголов. Ср.: русск. *накопление* – действие по значению глагола ‘накоплять, накопить’ и состояние по значению глагола ‘накопляться, накопиться’ [БАСРЯ, 2008: 200] и русск. *накопления* – часть денежных доходов населения, которую люди откладывают для будущих покупок, удовлетворения будущих потребностей [Борисов, 1999: 409]. Например,

русск. *Рост неравенства в ситуации экономических реформ рассматривается как отрицательный, дестабилизирующий фактор, единственной положительной функцией которого может быть накопление капитала* (Т. А. Журавлева, О. В. Рудакова. Распределение денежных доходов россиян: прошлое, настоящее, будущее (2004) // «Финансы и кредит», 22.11.2004) [НКРЯ];

русск. *Ранее граждане имели право перевести свои пенсионные накопления из одного пенсионного фонда в другой* (Пенсионные накопления защитят от недобросовестных страховщиков // Парламентская газета, 2021.12.21) [НКРЯ].

Количественная характеристика моделей метонимического переноса приведена в таблице 1.

Таблица 1. Модели метонимического переноса в ТБМ в английском и русском языках

Название модели	Английский язык		Русский язык	
	Кол-во, ед.	%	Кол-во, ед.	%
1. «имя основателя компании → название компании»	14	27	4	14
2. «материал → изделие из него»	9	18	6	22
3. «часть → целое»	16	31	9	32
4. «название действия → наименование результата»	12	24	9	32
Всего:	51	100	28	100

4. Метафорический перенос. Метафора – перенос названия с одного предмета (явления, действия) на другой на основе зрительных и слуховых восприятий эмоционально-психологических и вкусовых представлений, внутренних биологических особенностей,

количественных и метрических свойств (размера, протяженности), сходства внешнего вида, формы, расположения в пространстве, функции и др. [Стариченок, 2008: 305].

При анализе ТБМ были выявлены 5 типов метафорического переноса.

4.1. Антропоморфная метафора образуется на основе представления окружающей действительности в ассоциативной связи с человеческими качествами и свойствами. Например, перенос по признаку сходства формы: ср. англ. *head and shoulders* ‘фигура ‘голова и плечи’ – название графика в трейдинге и русск. *линия «шеи»* – линия проведенная под фигурой «голова и плечи»; перенос по признаку сходства родства: ср.: англ. *sister company* ‘сестринская компания’ – компания партнер, с которой имеются тесные дружественные связи и русск. *дочерняя компания* – филиал крупной акционерной компании.

4.2. Цветовая метафора образуется на основе переосмысления значения цветокомпонента прилагательного, входящего в состав термина. Ср.: англ. *black money* ‘подпольные доходы’ и русск. *черная касса*. В приведенных примерах метафоризации подверглось прилагательное «черный», которое приобрело новое значение «незаконный, нелегальный».

4.3. Зооморфная метафора образуется на основе переосмысления зоонимов, которые являются источником создания метафоры во всех языках. Зооморфная метафора получила широкое распространение в биржевой лексике. Ср.:

англ. *fat cat* ‘досл. жирный кот’ – богатый, обеспеченный человек, капиталист (жирный кот ассоциируется с избытком и излишеством, прилагательное *fat* несет в себе значение «прибыльности, доходности»);

русс. *дойная корова* – продукт, который приносит стабильный регулярный денежный поток (как корова, которая день за днем даёт прогнозируемый объём молока).

4.4. К типу **бытовой метафоры** были отнесены термины, связанные с предметами быта, а именно с домашним хозяйством, досугом и развлечением. Ср.: англ. *tax umbrella* ‘налоговый зонтик’ – защита налогооблагаемой прибыли от части налоговых обязательств, т.е. в основе метафоризации лежит сходство функций; русск. *ножницы цен* – расхождение, разрыв в ценах на отдельные группы товаров на международных рынках. Семантический перенос строится на аналогии «расхождение ножниц» → расхождение цен.

4.5. Пространственная метафора чаще всего представлена в ТБМ в виде следующих пространственных оппозиций: «вверх-вниз», «вертикальный-горизонтальный», «внутренний-внешний», «прямой-непрямой», «передний-задний». Например, в английском языке: *upsizing / downsizing* ‘увеличение / сокращение рабочей

силы в компании’, *inside-outside approach / outside-inside approach* ‘стратегический подход, при котором менеджеры рассматривают прежде всего: организацию, а затем ее окружение / окружающую среду, а затем внутреннюю организацию’ и в русском языке: *внутренний / внешний капитал, горизонтальная / вертикальная интеграция, прямые / непрямые инвестиции*.

Количественная характеристика типов метафорического переноса в ТБМ приведена в таблице 2.

Таблица 2. *Типы метафорического переноса в ТБМ в английском и русском языках*

Семантический тип метафоры	Английский язык		Русский язык	
	Кол-во, ед.	%	Кол-во, ед.	%
1. Антропоморфная метафора	87	32	57	33
2. Цветовая метафора	64	24	29	17
3. Зооморфная метафора	36	13	14	8
4. Бытовая метафора	30	11	16	9
5. Пространственная метафора	52	19	55	32
Всего:	269	100	172	100

Ниже в таблице 3 представлены типы семантического изменения слова при терминологизации.

Таблица 3. *Типы семантических изменений слова при терминологизации*

Тип семантического изменения слова при терминологизации	Английский язык		Русский язык	
	Кол-во, ед.	%	Кол-во, ед.	%
1. Сужение значения	82	20,4	154	43,5
2. Расширение значения	–	–	–	–
3. Метафоризация значения	269	66,9	172	48,6
4. Метонимизация значения	51	12,7	28	7,9
Всего:	402	100	354	100

Анализ семантических изменений слова при терминологизации на материале ТБМ показал, что в обоих языках превалирует метафоризация (в англ. – 269 ед. (66,9%) и в русск. – 172 ед. (48,6%)). Среди других выявленных типов семантических изменений сужение значения слова почти в два раза преобладает в русском языке по сравнению с английским, и оно составило 153 ед. (43%) и 82 ед. (20,4%) соответственно. Однако, следует отметить, что образование терминов путем метонимического переноса более выражено в английском языке (51 ед. (12,7%)), чем в русском (28 ед. (7,9%)). Образование терминов путем расширения значения слова является непродуктивным типом семантических изменений в ТБМ.

Выводы

1. Обзор лингвистической литературы показал, что в терминологии широко используется семантический способ образования новых слов-терминов. При семантическом способе образования специальных слов в отличие от общеупотребительных слов в терминотворчестве ограничен выбор путей семантических изменений, который сводится к четырем основным: сужение, расширение значения слова, метафорический и метонимический переносы.

2. Наиболее частотным типом семантического изменения слова при переходе общеупотребительного слова в разряд терминов является метафоризация значения в обоих языках, которая составила в английском языке 269 ед. (66,9%) и в русском – 172 ед. (48,6%). В обоих языках были выявлены 5 типов метафорического переноса: антропоморфная, цветовая, зооморфная, бытовая и пространственная метафоры.

3. Метонимизация значения слова при терминообразовании встречается реже. Так, образование терминов путем метонимического переноса преобладает в английском языке по сравнению с русским и составило 51 ед. (12,7%) и 28 ед. (7,9%) соответственно. В процессе исследования были выявлены следующие модели построения метонимического переноса: «имя основателя компании → название компании», «материал → изделие из него», «часть → целое», «название действия → наименование результата».

4. В обоих языках семантическое изменение слова путем сужения его значения занимает второе место после метафорического переноса. Следует отметить, что данный тип преобладает в русском языке по сравнению с английским (153 ед. (43%) и 82 ед. (20,4%) соответственно).

5. Расширение значения слова является непродуктивным типом семантических изменений слова при терминологизации в ТБМ, что является характерным для специальной лексики.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Арутюнова Н. Д., Уфимцева А. А. Аспекты семантических исследований. Москва: Наука, 1980. 360 с.
2. Басыров Ш. Р. Метафоры и метонимии в разноструктурных языках. Донецк: ДонНУ, 2019. 287 с.
3. Бородина М. А., Гак В. Г. К типологии и методике историко-семантических исследований. Ленинград: Наука, 1979. 232 с.
4. Головин В. Н., Кобрин Р. Ю. Лингвистические учения о терминах. Москва: Высшая школа, 1987. 104 с.
5. Гринев-Гриневиц С. В. Терминоведение. Москва, 2008. 304 с.

6. Жилина И. А., Панкратова М. Е. Процесс метафоризации в англоязычной юридической терминологии // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2020. № 3. С.89-93.

7. Калинина С. В. Роль классифицирующей функции термина в организации понятий профессионального знания (на примере англоязычной нефтегазовой терминосистемы) // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2021. № 200. С. 206-215.

8. Кравченко Е. В. Лексико-семантические способы формирования терминов в сфере медицины на материале испанских СМИ // Вестник науки. 2023. № 7 (64). С. 128-134.

9. Кудрявцева И. Г., Юдина И. И. Сопоставительный анализ терминов-метафор английской и русской терминологий строительства // Балтийский гуманитарный журнал. 2021. № 1 (34). С. 359-361.

10. Моисеев А. И. О языковой природе термина // Лингвистические проблемы научно-технической терминологии. Москва: Наука, 1970. С. 127-138.

11. Реформатский А. А. Термин как член лексической системы языка // Проблемы структурной лингвистики. Москва: Наука, 1967. С.103-125.

12. Сербин В. А. Семантические способы образования военных терминов (на материале современного вьетнамского языка) // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2021. № 10 (852). С. 150-162

13. Склярская Г. Н. Метафора в системе языка. Санкт-Петербург: Наука, 1993. 150 с.

14. Сложеникина Ю. В. Лингвистические аспекты теории термина. Москва: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2016. 120 с.

15. Стариченок В. Д. Образ человека в белорусском языковом континууме. Минск: Колорград, 2018. 290 с.

16. Суперанская А. В., Подольская Н. В., Васильева Н. В. Общая терминология: вопросы теории. Москва: ЛИБРОКОМ, 2012. 248 с.

17. Телия В. Н. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц. Москва: Наука, 1986. 143 с.

18. Blank A., Koch P. Why do new meanings occur? A cognitive typology of the motivations for lexical semantic change // Historical Semantics and Cognition. Berlin / New York: Mouton de Gruyter, 1999. P. 61-99.

19. Bloomfield L. Language. London, 1973. 566 p.

20. Bréal M. Essai de sémantique: science des significations. Paris: Hachette, 1921. 372 p.

21. Darmesteter A. La Vie Des Mots Étudiée Dans Leurs Significations. Paris: Librairie Delagrave, 1927. 212 p.

22. Ullmann S. The principles of semantics. Oxford: Blackwell, 1967. 352 p.

СПИСОК ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ

1. Большой академический словарь русского языка: в 27-ти т. Москва: Наука; Санкт-Петербург: Наука, 2004-. [БАСРЯ].

2. Борисов А. Б. Большой экономический словарь. Москва: Книжный мир, 1999. 895 с.

3. Булычева В. П. Толковый англо-русский словарь экономических профессионализмов с образным компонентом. Астрахань: Астраханский ун-т, 2011. 47 с.

4. Райзберг Б. А. Современный экономический словарь. Москва: ИНФРА-М, 2011. 480 с.

5. Розенберг Д. М. Бизнес. Менеджмент: Терминологический словарь. Москва: Изд. дом «ИНФРА-М», 1997. 463 с.

6. Стариченок В. Д. Большой лингвистический словарь. Ростов-на-Дону: Феникс, 2008. 811 с.

7. Тимошина А. А. Русско-английский словарь по экономике (с краткими пояснениями и перекрестными ссылками). Москва: Изд.-во МГУ, 2009. 512 с.
8. Ярцева В. Н. Лингвистический энциклопедический словарь. Москва: Большая Рос. энцикл., 2002. 707 с.
9. Collin P. H. A Dictionary of business. London: A & C Black Publishers Ltd, 2006. 481 p. [DB]
10. Collin P. H. A Dictionary of economy. London: A & C Black Publishers Ltd, 2006. 225 p. [DE]
11. Dictionary of Business and Management. 4th. ed. Oxford: Oxford University Press, 2006. 568 p. [DBM]
12. Oxford English Dictionary. 2013. Available at: <https://www.oed.com/dictionary> (accessed date: 15.09.2023). [OED]

ИЛЛЮСТРАТИВНЫЙ МАТЕРИАЛ

Национальный корпус русского языка. Доступ: <https://ruscorpora.ru/new>. (дата обращения: 12.09.2023). [НКРЯ].

REFERENCES

1. Arutyunova, N. D., Ufimtseva, A. A. (1980). *Aspekty semanticheskikh issledovaniy* [Aspects of semantic studies]. Moskva: Nauka. (In Russ.).
2. Basyrov, Sh. R. (2019). *Metafori i metonimii v raznostrukturnykh yazykakh* [Metaphors and metonymies in multi-structured languages]. Donetsk: DonNU (In Russ.).
3. Borodina, M. A., Gak, V. G. (1979). *K tipologii i metodike istoriko-semanticheskikh issledovaniy* [On the typology and methodology of historical and semantic research]. Leningrad: Nauka. (In Russ.).
4. Golovin, V. N., Kobrin, R. Yu. (1987). *Lingvisticheskie ucheniya o terminakh* [Linguistic studies about terms]. Moskva: Vysshaya shkola. (In Russ.).
5. Grinev-Grinevich, S. V. (2008). *Terminovedenie* [Terminology studies]. Moskva. (In Russ.).
6. Zhilina, I. A., Pankratova, M. E. (2020). Protsess metaforizatsii v angloyazychnoy yuridicheskoy terminologii [The process of metaphorization in English legal terminology]. In *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika i mezhkulturnaya kommunikatsiya*. No. 3. Pp.89-93. (In Russ.).
7. Kalinina, S. V. (2021). Rol klassifitsiruyushchey funktsii termina v organizatsii ponyatiy professionalnogo znaniya (na primere angloyazychnoy neftegazovoy terminosistemy) [The role of the classifying function of the term in the organization of the concepts of professional knowledge (on the example of the English oil and gas term system)]. In *Izvestiya Rossiyskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A. I. Gertsena*. No. 200. Pp. 206-215. (In Russ.).
8. Kravchenko, E. V. (2023). Leksiko-semanticheskie sposoby formirovaniya terminov v sfere meditsiny na materiale ispanskikh SMI [Lexico-semantic ways of forming terms in the field of medicine based on the material of the Spanish media]. In *Vestnik nauki*. No. 7 (64). Pp. 128-134. (In Russ.).
9. Kudryavtseva, I. G., Yudina, I. I. (2021). Sopostavitelnyy analiz terminov-metafor angliyskoy i russkoy terminologii stroitelstva [Contrastive analysis of term-metaphors of English and Russian construction terminology]. In *Baltiyskiy gumanitarnyy zhurnal*. No. 1 (34). Pp. 359-361. (In Russ.).

10. Moiseev, A. I. (1970). O yazykovoy prirode termina [On the linguistic nature of the term]. In *Lingvisticheskie problemy nauchno-tekhnicheskoy terminologii*. Moskva: Nauka. Pp. 127-138. (In Russ.).
11. Reformatskiy, A. A. (1967). Termin kak chlen leksicheskoy sistemy yazyka [A term as a member of the lexical system of a language]. In *Problemy strukturnoy lingvistiki*. Moskva: Nauka. Pp.103-125. (In Russ.).
12. Serbin, V. A. (2021). Semanticheskie sposoby obrazovaniya voennykh terminov (na materiale sovremennogo vietnamskogo yazyka) [Semantic methods of formation of military terms (based on the modern Vietnamese language)]. In *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Gumanitarnye nauki*. No. 10 (852). Pp.150-162. (In Russ.).
13. Sklyarevskaya, G. N. (1993). *Metafora v sisteme yazyka* [Metaphor in the language system]. Sankt-Peterburg: Nauka. (In Russ.).
14. Slozhenikina, Yu. V. (2016). Lingvisticheskie aspekty teorii termina [Linguistic aspects of the term theory]. Moskva: Knizhnyy dom «LIBROKOM». (In Russ.).
15. Starichenok, V. D. (2018). *Obraz cheloveka v belorusskom yazykovom kontinuumе* [The image of a person in the Belarusian language continuum]. Minsk: Kolorgrad. (In Russ.).
16. Superanskaya, A. V., Podolskaya, N. V., Vasileva, N. V. (2012). *Obshchaya terminologiya: voprosy teorii* [Common terminology: issues of theory]. Moskva: LIBROKOM. (In Russ.).
17. Teliya, V. N. (1986). *Konnotativnyi aspekt semantiki nominativnykh edinit* [The connotative aspect of the semantics of nominative units]. Moskva: Nauka. (In Russ.).
18. Blank, A., Koch, P. (1999). Why do new meanings occur? A cognitive typology of the motivations for lexical semantic change. In *Historical Semantics and Cognition*. Berlin / New York: Mouton de Gruyter. Pp. 61-99.
19. Bloomfield, L. (1973). *Language*. London.
20. Bréal, M. (1921). *Essai de sémantique: science des significations*. Paris: Hachette.
21. Darmesteter, A. (1927). *La Vie Des Mots Étudiée Dans Leurs Significations*. Paris: Librairie Delagrave.
22. Ullmann, S. (1967). *The principles of semantics*. Oxford: Blackwell.

LEXICOGRAPHIC SOURCES

1. *Bolshoy akademicheskii slovar russkogo yazyka* [Big Academic Dictionary of Russian]. Moskva: Nauka; Sankt-Peterburg: Nauka, 2004-. (In Russ.).
2. Borisov, A. B. (1999). *Bolshoy ekonomicheskii slovar* [Big Economic Dictionary]. Moskva: Knizhnyy mir. (In Russ.).
3. Bulycheva, V. P. (2011). *Tolkovyy anglo-russkiy slovar ekonomicheskikh professionalizmov s obraznym komponentom* [The Explanatory English-Russian Dictionary of economic professionalisms with figurative component]. Astrakhan: Astrakhanskiy un-t. (In Russ.).
4. Raizberg, B. A. (2011). *Sovremennyy ekonomicheskii slovar* [Modern Economic Dictionary]. Moskva: INFRA-M. (In Russ.).
5. Rozenberg, D. M. (1997). *Biznes. Menedzhment: Terminologicheskii slovar* [Business and Management. Glossary]. Moskva: Izd. dom "INFRA-M". (In Russ.).
6. Starichenok, V. D. (2008). *Bolshoy lingvisticheskii slovar* [Big linguistic Dictionary]. Rostov-na-Donu: Feniks. (In Russ.).
7. Timoshina, A. A. (2009). *Russko-angliyskiy slovar po ekonomike (s kratkimi poyasneniyami i perekrestnymi ssylkami)* [Russian-English Dictionary of Economy (with brief explanations and cross-references)]. Moskva: Izd.-vo MGU. (In Russ.).
8. Yartseva, V. N. (2002). *Lingvisticheskii entsiklopedicheskii slovar* [Linguistic Encyclopedic Dictionary]. Moskva: Bolshaya Ros. entsikl. (In Russ.).

9. Collin, P. H. (2006). *A Dictionary of business*. London: A & C Black Publishers Ltd.
10. Collin, P. H. (2006). *A Dictionary of economy*. London: A & C Black Publishers Ltd.
11. *Dictionary of Business and Management*. Oxford: Oxford University Press, 2006.
12. *Oxford English Dictionary*. Available at: <https://www.oed.com/dictionary>. (accessed: 15.09.2023).

SOURCE OF ILLUSTRATIVE MATERIAL

Natsionalnyy korpus russkogo yazyka [Russian National Corpus]. Available at: <https://ruscorpora.ru/new>. (accessed: 12.09.2023).

Лукашова Ирина Вадимовна – аспирант кафедры теории и практики перевода (e-mail: irenlukashova@yandex.ru), Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Донецкий государственный университет» 283001, Донецк, Университетская, 24

Lukashova Irina V. – Post-Graduate Student of Translation Studies Department (e-mail: irenlukashova@yandex.ru), Federal State Budget Educational Institution of Higher Education «Donetsk State University» 24 Universitetskaya, Donetsk, 283001

Поступила в редакцию 29 сентября 2023 г.

СЕМАНТИЧЕСКИЕ РОЛИ КОНВЕРСИВНЫХ РЕФЛЕКСИВНЫХ КОНСТРУКЦИЙ

Статья посвящена изучению семантических актантов конверсивных рефлексивных конструкций и нерефлексивных конструкций в немецком и русском языках, а также семантической классификации конверсивных конструкций в обоих языках. Освещаются грамматический, лексико-грамматический, деривационный подходы.

Ключевые слова: актант, рефлексивная конструкция, конверсивная рефлексивная конструкция, семантический тип.

© 2023 E. K. Rastarasova

SEMANTIC ROLES OF CONVERSIVE REFLECTIVE CONSTRUCTIONS

The article is devoted to the study of semantic actants of conversive reflexive constructions and non-reflexive constructions in the German and Russian languages, as well as the semantic classification of conversion constructions in both languages. The grammatical, lexico-grammatical, and derivational approaches are covered.

Key words: actant, reflexive construction, conversive reflexive construction, semantic type.

Вводные замечания

Категория рефлексивности занимает важное место в системе глагола каждого языка, так как характеризуется тесной связью с морфологическим, лексико-семантическим и синтаксическим уровнями языка [Писарева, 2020: 4]. В статье описываются конверсивные рефлексивные и нерефлексивные конструкции в немецком и русском языках. У конверсивных рефлексивных глаголов (далее РГ) смысл перестановки заключается в изменении перспективы описания одной и той же ситуации, т.е. главным считается референт, с позиции которого описывается ситуация, тот, который находится в позиции подлежащего [Мельчук, 1999: 304], например:

(1) нем. а. *Die Sendung* (Caus_{снт} / Nom) *empört mich* (Exp / Akk) ‘Передача возмущает меня’ [DWDS]. – б. *Ich* (Exp / Nom) *empöre mich über die Sendung* (Caus_{снт} / Ob_{предл}) ‘Я возмущаюсь передачей’.

В нерефлексивной конструкции НК (1а) неодушевленное имя *die Sendung* стоит в позиции каузатора / ситуации-подлежащего, а в производной рефлексивной конструкции (РК) (1б) выступает в роли каузатора / ситуации-дополнения. Смена позиции наблюдается и у актанта *mich*: экспериенцер-дополнение (1а) → экспериенцер-подлежащее (1б).

Таким образом, исходной является НК, поскольку, во-первых, каузатор занимает позицию подлежащего, а в конверсивной рефлексивной конструкции (КРК) каузатор

находится в позиции более низкого ранга – дополнения. Во-вторых, рефлексивные глаголы КРК являются производными по словообразовательным правилам от исходных нерефлексивных глаголов.

Классификация семантических ролей в ситуациях, которые выражают НК и РК, учитывает классификации Ю. Д. Апресяна, Я. Г. Тестельца, Ч. Филлмора, У. Л. Чейфа и других исследователей [Апресян, 1974, 1967; Теньер, 1988; Тестелец, 2001; Чейф, 2003; Басыров, 2014; Fillmore, 1965; Dryer, 1986], согласно которым выделяются следующие семантические роли: 1) Ag – агенс, одушевленный исполнитель действия, который контролирует его (способен по собственной воле начать/прекратить действие); 2) Pat – пациенс одушевленный, который участник ситуации, на которого направлено действие; 3) Exp – экспериенцер, участник в ситуации чувственного восприятия или переживания; 4) Stim – стимул, источник воздействия при чувственном или интеллектуальном восприятии или произвольном переживании; 5) Caus_{снт} – каузатор / ситуация, которые являются причиной приобретения субъектом определенного эмоционального состояния; 6) El – неодушевленный субъект (обычно природного, стихийного свойства), производящий физические действия; 7) St – стимул, источник восприятий; инструмент осуществления действия [Калиущенко, 2019: 225].

Актуальность работы определяется недостаточной изученностью проблем конверсии, ее механизма и семантических ролей, в частности, в сфере рефлексивного глаголообразования.

Материалом исследования послужили рефлексивные глаголы и рефлексивные конструкции и их соответствующие каузативные конструкции в немецком (236 глаголов), в русском (308 глаголов), отобранные из толкового словаря немецкого языка Duden Universalwörterbuch, Толкового словаря русских глаголов и рассмотренные на примерах из DWDS и Национального корпуса русского языка (НКРЯ).

Цель работы заключается в изучении семантических актантов в формуле толкования (ФТ) конверсивных рефлексивных и нерефлексивных конструкций немецкого и русского языков.

Семантические актанты элементов НК и РК. В данной работе для описания рефлексивных и каузативных конструкций используются следующие семантические актанты: Ag– агенс, El – элементатив, Exp – экспериенцер, Caus_{снт} – каузатор / ситуация, Pt – пациенс; St – стимул; и синтаксические актанты: Akk – прямое дополнение, выраженное винительным падежом, Nom – подлежащее, которое выражено именительным падежом, Ob – дополнение, Ob_{предл} – косвенное дополнение, выраженное

предложной группой.

Семантическая классификация исследуемых конструкций в работе осуществляется на основе толкований неререфлексивных исходных глаголов и моделей преобразования неререфлексивных конструкций в синонимичные рефлексивные конверсивные конструкции. В работе выделены наиболее продуктивные семантические типы, ср. ниже группу 1:

1. «Каузировать / вызывать у кого-л. положительные эмоции» (нем. – 2,3%, рус. – 7%): [Caus_{снт} – V – Exp] → [Exp – V – Caus_{снт}] [Генюшене, 1983: 125]:

1.1. *j-n freuen* ‘erfreuen, jemandem Freude bereiten; jemanden mit Freude erfüllen’ «радовать, доставлять радость кому-либо; преисполнять кого-либо радостью» – *sich freuen* ‘Freude empfinden; voller Freude [und Fröhlichkeit] über etwas sein’ «чувствовать радость; быть полным радости [и счастья] по поводу чего-либо» [Duden], напр.:

(2) нем. а. *Ihr Besuch* (Caus_{снт} / Nom) *freut uns* (Exp / Akk) ‘Ваш визит радует нас’ [DeReKo]. – б. *Wir* (Exp / Nom) *freuen uns auf Ihren Besuch* (Caus_{снт} / Об_{предл}) ‘Мы рады Вашему визиту’;

1.2. *j-n erfreuen* ‘jemandem Freude bereiten; in frohe Stimmung versetzen’ «доставлять радость кому-либо; создавать хорошее настроение» – *sich erfreuen* ‘bei oder über etwas Freude empfinden’ «чувствовать радость от чего-либо» [Duden], напр.:

(3) нем. а. *Gute Musik* (Caus / Nom) *erfreut sie* (Exp / Akk) ‘Хорошая музыка радует ее’ [DWDS]. – б. *Sie* (Exp / Nom) *erfreut sich an guter Musik* (Caus / Об_{предл}) ‘Она радуется хорошей музыке’;

(4) рус. а. *Этот вывод* (Caus_{снт} / Nom) *развеселил меня* (Exp / Akk) *и привел в хорошее настроение* [НКРЯ]. – б. *Я* (Exp / Nom) *развеселился этим выводом* (Caus_{снт} / Об_{твор}), *и он привел меня в хорошее настроение*.

(5) рус. а. *Многочисленные успехи сына* (Caus / Nom) *радуют ее* (Exp / Akk) [НКРЯ]. – б. *Она* (Exp / Nom) *радуется многочисленным успехам сына* (Caus / Об_{твор}).

В НК нем. (2а), (3а) каузатор / ситуация *Ihr Besuch*, *gute Musik* и в рус. (4а), (5а) каузатор / ситуация *вывод*, *многочисленные успехи сына*, вызывают положительные эмоции у одушевленного экспериенцера *uns* в нем. (2а), *sie* (3а) и у экспериенцера *меня* в рус. (4а), *ее* (5а), которые выражены экспериенцером *ich* в РК (2б), *sie* в РК (3б) и экспериенцером *я* в РК (4б), *она* в РК (5б). Смена семантических ролей проявляется и на синтаксическом уровне: актанта *Ihr Besuch* (2а), *gute Musik* (3а), *этот вывод* (4а), *многочисленные успехи сына* (5а): каузатор-подлежащее в НК (2а), (3а), (4а), (5а) → каузатор-дополнение в РК (2б), (3б), (4б), (5б) [Растарасова, 2023: 57].

Семантическая ситуация, представленная в примерах (2а) и (2б), (3а) и (3б), (4а) и (4б),

(5а) и (5б) описывается следующей моделью: [Caus_{снт} – V – Exp] → [Exp – V – Caus_{снт}].

2. «Каузировать / вызывать у кого-л. отрицательные эмоции» (нем. – 19,6%, рус. – 20,4%): [Caus_{снт} – V_к – Exp] → [Exp – V – Caus_{снт}]:

2.1. *j-n ärgern* ‘[dauernd] ärgerlich machen, [heftig] verstimmen, aufbringen’ «[постоянно] раздражать, [сильно] расстраивать, выводить из себя» – *sich ärgern* ‘ärgerlich, verstimmt, aufgebracht sein, werden; Ärger empfinden’ «злиться, расстраиваться, быть на взводе; чувствовать гнев» [Duden], напр.:

(6) нем. а. *Diese Konsumhaltung* (Caus_{снт} / Nom) *ärgert ihn* (Exp / Akk) ‘Такое отношение к потреблению раздражает его’ [DWDS]. – б. *Er* (Exp / Nom) *ärgert sich über diese Konsumverhaltung* (Caus_{снт} / Ob_{предл}) ‘Он был раздражён таким отношением к потреблению’;

2.2. *j-n ängstigen* ‘in Angst, Sorge, Unruhe versetzen; jemandem Angst einjagen’ «вызывать страх, беспокойство, волнение; напугать кого-то» – *sich ängstigen* ‘(vor jemandem, etwas/um jemanden, etwas) Angst haben; sich (um jemanden, etwas) Sorgen machen’ «бояться кого-то, чего-то, за кого-то, за что-то; волноваться (о ком-то, чем-то))» [Duden], напр.:

(7) нем. а. *Diese Vorstellung* (Caus_{снт} / Nom) *hat sie* (Exp / Akk) *geängstigt* ‘Это представление ее испугало’ [DWDS]. – б. *Sie* (Exp / Nom) *hat sich vor dieser Vorstellung* (Caus_{снт} / Ob_{предл}) *geängstigt* ‘Она была испугана этим представлением’;

2.3. *j-n erregen* ‘in einen Zustand heftiger Gefühls-, Gemütsbewegung versetzen; aufregen’ «приводить в состояние бурного эмоционального движения; возбуждать» – *sich erregen* ‘in einen Zustand heftiger Gefühls-, Gemütsbewegung geraten’ «войти в состояние бурного эмоционального движения» [Duden], напр.:

(8) нем. а. *Dieser Brief* (Caus_{снт} / Nom) *erregte sie* (Exp / Akk) ‘Это письмо взволновало её’ [DWDS]. – б. *Sie* (Exp / Nom) *erregte sich über diesen Brief* (Caus_{снт} / Ob_{предл}) ‘Она была взволнована этим письмом’.

(9) рус. а. *Отказ от премии* (Caus_{снт} / Nom) *оскорбил его* (Exp / Akk) *куда сильнее попытки поторговаться* [НКРЯ]. – б. *Отказом от премии* (Caus_{снт} / Ob_{твор}) *он* (Exp / Nom) *оскорбился куда сильнее попытки поторговаться*.

(10) рус. а. *Есть проблема* (Caus_{снт} / Nom), *которая беспокоит всех* (Exp / Akk), – *это рост наркоугрозы, исходящей с территории Афганистана* [НКРЯ]. – б. *Есть проблема* (Caus_{снт} / Nom), *о которой беспокоятся все* (Exp / Nom), – *это рост наркоугрозы, исходящей с территории Афганистана*.

(11) рус. а. *Правда* (Caus / Nom) *печалит ее* (Exp / Akk) [НКРЯ]. – б. букв. *Она* (Exp / Nom) *была опечалена правдой* (Caus_{снт} / Ob_{твор}).

НК (6а), (7а), (8а), (9а), (10а), (11а) и их РК (6б), (7б), (8б), (9б), (10б), (11б) описывают денотативно сходную ситуацию, но с изменением в них неодушевленным существительным *diese Konsumhaltung* в (6а), *diese Vorstellung* в (7), *dieser Brief* в (8а) и *отказ от премии* в (9а), *проблема* в (10а), *правда* в (11а) одушевленным местоимением *ihn* в (6а), *sie* в (7а), *sie* в (8а) и *ego* в (9а), *всех* в (10а), *ее* в (11а) своих синтаксических и семантических позиций: в исходных НК (6а), (7а), (8а) неодушевленное имя *diese Konsumhaltung*, *diese Vorstellung*, *dieser Brief* и *отказ от премии* в (9а), *проблема* в (10а), *правда* в (11а) выступающие в семантической функции каузатора / ситуации, стоят в позиции подлежащего, а в производных РК (6б), (7б), (8б) и (9б), (10б), (11б) преобразуются в предложное дополнение *über diese Konsumverhaltung* в (6б), *vor dieser Vorstellung* в (7б), *über diesen Brief* в (8б) и дополнением в творительном падеже *отказом от премии* в (9б), предложным дополнением *о которой* (10б), дополнением в творительном падеже *правдой* (11б). Смена позиции в конструкциях (6а) и (6б), (7а) и (7б), (8а) и (8б), (9а) и (9б), (10а) и (10б), (11а) и (11б) наблюдается и у актанта *ihn* (6а), *sie* (7а), *sie* (8а) и у актанта *ego* в РК (9а), *всех* (10а), *ее* (11а): экспериенцер-дополнение НК (6а), (7а), (8а), (9а), (10а), (11а) в РК (6б), (7б), (8б), (9б), (10б), (11б) становится экспериенцером-подлежащим. РК (6б), (7б), (8б), (9б), (10б), (11б) описывают ту же ситуацию, что и исходные НК (6а), (7а), (8а), (9а), (10а), (11а) но с перспективы второго актанта [Недялков, 1975: 14].

В данном семантическом типе НК (6а), (7а), (8а), (9а), (10а), (11а) структурный минимум составляют $\text{Caus}_{\text{снт}}$, глагол-предикат V_k , Exp , в РК (6б), (7б), (8б), (9б), (10б), (11б) же выделяются следующие актанты: Exp , глагол-предикат V , $\text{Caus}_{\text{снт}}$.

Семантической ситуации (6а) и (6б), (7а) и (7б), (8а) и (8б), (9а) и (9б), (10а) и (10б), (11а) и (11б) соответствует следующая модель: $[\text{Caus}_{\text{снт}} - \text{V}_k - \text{Exp}] \rightarrow [\text{Exp} - \text{V} - \text{Caus}_{\text{снт}}]$.

3. «Явления природы» (нем. – 14,1%, рус. – 4,9%): $[\text{El} - \text{V} - \text{Pt}] \rightarrow [\text{Pt} - \text{V} - \text{El}]$:

3.1. *etw. widerspiegeln* ‘das Spiegelbild von jemandem, etwas zurückwerfen’ «показывать чьё-то отражение, отражать» – *sich widerspiegeln* ‘als Spiegelbild erscheinen; sich spiegeln’ «выглядеть как зеркальное отражение, отражаться» [Duden], напр.:

(12) а. *Das Wasser des Sees* (El / Nom) *spiegelt Bäume und Berge* (Pt / Akk) *wider* ‘Вода озера отражает деревья и горы’ [DWDS]. – б. *Bäume und Berge* (Pt / Nom) *spiegeln sich im Wasser des Sees wider* (El / Ob_{предл}) *wider* ‘Деревья и горы отражаются в воде озера’;

3.2. *etw. überziehen* ‘mit einer [dünnen] Schicht von etwas bedecken oder umhüllen, als [dünne] Schicht von etwas auf der Oberfläche von etwas vorhanden sein’ «покрывать или окутывать что-либо[тонким] слоем чего-либо, быть [тонким] слоем чего-либо на какой-

либо поверхности» – *sich überziehen* ‘sich nach und nach mit etwas bedecken’ «постепенно покрываться чем-то» [Duden], напр.:

(13) а. *Der Nebel* (El / Nom) *überzog das Tal* (Pt / Akk) ‘Туман покрыл долину’ [DWDS]. – б. *Das Tal* (Pt / Nom) *überzog sich mit Nebel* (El / Ob_{предл}) ‘Долина покрылась туманом’.

(14) рус. а. *Туча* (El / Nom) *скрыла месяц* (Pt / Akk) [НКРЯ]. – б. *Месяц* (Pt / Nom) *скрылся за тучу* (El / Ob_{предл}).

(15) рус. а. *Ветер* (El / Nom) *раздувает паруса* (Pt / Akk) [НКРЯ]. – б. *Паруса* (Pt / Nom) *раздуваются на ветру* (El / Ob_{предл}).

(16) *Дождь* (Nom. / El.) *охладил воздух* (Akk. /Pt.) [НКРЯ]. – б. *Воздух* (Nom. / Ob.) *охладился из-за дождя* (Ob. предл. / El.).

НК (12а), (13а), (14а), (15а), (16а) и их рефлексивные конструкции (12б), (13б), (14б), (15б), (16б) описывают денотативно сходную ситуацию (отражение деревьев и гор в озере) в (12а) и (12б), туман в долине (13а) и (13б), покрытие тучами неба в (14а) и (14б), раздувание ветром парусов (15а) и (15б), охлаждение воздуха из-за дождя (16а) и (16б), но с изменением в них неодушевленными именами своих синтаксических позиций: в исходных НК (12а), (13а), (14а), (15а), (16а), неодушевленное имя *das Wasser* (12а), *der Nebel* (13а) и *туча* (14а), *ветер* (15а), *дождь* (16а) выступающие в семантической функции элементатива, стоят в позиции подлежащего, а в производных РК (12б), (13б), (14б), (15б), (16б) они преобразуются в косвенное локативное дополнение, выраженное предложной группой *im Wasser* (12б), предложное дополнение *mit Nebel* (13б) и локативное дополнение *за тучу* (14б), *на ветру* (15б), предложное дополнение *из-за дождя* (16б). Смена позиции в структуре предложений наблюдается и у актанта *Bäume und Berge* и *месяц*: пациенс-дополнение в НК (12а), (14а) → пациенс-подлежащее в РК (12б), (14б). РК (12б), (14б) описывают ту же ситуацию, что и исходные НК (12а), (14а) но с перспективы второго актанта, переводимого в коммуникативно главную позицию подлежащего [Падучева, 2007: 134].

Семантической ситуации (12а) и (12б), (13а) и (13б), (14а) и (14б), (15а) и (15б), (16а) (16б) соответствует следующая модель: [El – V – Pt] → [Pt – V – El].

4. «Изменение психо-физического состояния человека» (нем. – 11,8% рус. – 10,6%): [Stim – V – Exp] → [Exp – V – Stim]:

4.1. *j-n erfrischen* ‘neu beleben, jemandem neue Frische bringen’ «оживить, освежить кого-либо» – *sich erfrischen* ‘sich durch äußerliche Mittel oder den Verzehr von etwas Kühlem oder Belebendem frisch machen, neu beleben’ «освежаться, оживить себя внешними средствами или потребляя что-то прохладное или бодрящее» [Duden], напр.:

(17) нем. а. *Der Kaffee* (Stim / Nom) *erfrischt sie* (Exp / Akk) букв. ‘Кофе взбадривает её’ [DWDS]. – б. *Sie* (Exp / Nom) *erfrischt sich mit dem Kaffee* (Stim / Об_{предл.}) букв. ‘Она взбодрилась кофе’;

4.2. *j-n erquicken* ‘neu beleben, stärken, erfrischen’ «оживить, укрепить, освежить» – *sich erquicken* ‘sich neu beleben, stärken, erfrischen’ «оживиться, укрепиться, освежиться» [Duden], напр.:

(18) нем. а. *Das kühle Getränk* (Stim / Nom) *hat sie* (Exp / Akk) *sichtlich erquickt* букв. ‘Прохладный напиток заметно освежил её’ [DWDS]. – б. *Sie* (Exp / Nom) *hat sich mit einem kühlen Getränk* (Stim / Об_{предл.}) *sichtlich erquickt* букв. ‘Она заметно освежилась прохладным напитком’;

(19) рус. а. *Холодный душ* (Stim / Nom) *освежил меня* (Exp / Akk) [НКРЯ]. – б. *Я* (Exp / Nom) *освежился под холодным душем* (Stim / Об_{предл.}).

(20) рус. а. *Страх* (Stim / Nom) *сжал сердце* (Exp / Akk) [НКРЯ]. – б. *Сердце* (Exp / Nom) *сжалось от страха* (Stim / Об_{предл.}).

(21) рус. а. *Длинный сезон* (Stim / Nom) *так сильно измотал всех нас* (Exp / Akk) [НКРЯ]. – б. *Мы все* (Exp / Nom) *были так сильно измотаны длинным сезоном* (Stim / Об_{предл.}).

В исходных НК (17а), (18а), (19а), (20а), (21а) и в производных РК (17б), (18б), (19б), (20б), (21б) выражается одна и та же ситуация, а именно изменение состояния экспериенцера *sie* (17а), (18а) и *меня* (19а), *сердце* (20а), *всех нас* (21а) с помощью кофе (17а), *прохладного напитка* (18а), *холодного душа* (19а), *страха* (20а), *длинным сезоном* (21а), которые выражены подлежащим в именительном падеже в НК (17а), (18а), (19а), (20а), (21а) и становятся предложным дополнением в РК (18б), (19б), (20б) и дополнением в творительном падеже в РК (17б), (21б).

Модель (17а) и (17б), (18а) и (18б), (19а) и (19б), (20а) и (20б), (21а) и (21б) выглядит следующим образом: [Stim – V – Exp] → [Exp – V – Stim].

5. «Быть привлекательным для кого-л.» (нем. – 1,5%, рус. – 4,2%): [Stim – V – Exp] → [Exp – V – Stim]:

5.1. *j-n entzücken* ‘[plötzlich] mit freudiger Lust erfüllen, jemandes Wohlgefallen erregen, jemanden begeistern’ «[внезапно] наполнить кого-то радостным удовольствием, порадовать кого-то, вдохновить кого-то» – *sich entzücken* ‘sich begeistern, sehr erfreuen’ «воодушевляться, радоваться» [Duden], напр.:

(22) нем. а. *Die Musik* (Stim / Nom) *entzückte ihn* (Exp / Akk) ‘Музыка восхищала его’ [DWDS]. – б. *Er* (Exp / Nom) *entzückte sich über die Musik* (Stim / Об_{предл.}) ‘Он восхищался музыкой’;

5.2. *j-n begeistern* ‘(in jemandem) ein lebhaftes Interesse für etwas, Freude an etwas, Begeisterung für etwas erwecken’ «вызывать (у кого-либо) живой интерес к чему-либо, радость от чего-либо, увлечение чем-либо» – *sich begeistern* ‘ein lebhaftes Interesse für etwas, Freude an etwas, Begeisterung für etwas entwickeln’ «развить живой интерес к чему-либо, радость от чего-либо, увлечение чем-либо» [Duden], напр.:

(23) нем. а. *Die Malerei* (Stim / Nom) *begeistert sie* (Akk. / Exp.) ‘Живопись восхищает её’ [DWDS]. – б. *Sie* (Exp / Nom) *begeistert sich für die Malerei* (Stim / Об_{предл}) ‘Она восхищается живописью’;

5.3. *j-n interessieren* ‘jemandes Interesse wecken, finden’ «возбудить, найти чей-либо интерес» – *sich interessieren* ‘Interesse an etwas, jemandem haben, für etwas, jemanden zeigen’ «проявлять интерес к чему-либо, кому-либо» [Duden], напр.:

(24) нем. а. *Dieser Artikel* (Stim / Nom) *interessiert den Kunden* (Exp / Akk) ‘Этот товар интересуется клиента’ [DWDS]. – б. *Der Kunde* (Exp / Nom) *interessiert sich für diesen Artikel* (Stim / Об_{предл}) ‘Клиент интересуется этим товаром’.

(25) рус. а. *Слон* (Stim / Nom), *на котором я сидел, умилил меня* (Exp / Akk) [НКРЯ]. – б. букв. *Я* (Exp / Nom) *умилился* (Stim / Об_{твор}) *слону, на котором я сидел.*

(26) рус. а. *Её* (Exp / Akk) *пленил идея распространения Принципа дополнительности на биологию* (Stim / Nom) [НКРЯ]. – б. *Он* (Exp / Nom) *пленился идеей распространения Принципа дополнительности на биологию* (Stim / Об_{твор}).

(27) рус. а. *А третий доклад* (Stim / Nom), *который вас* (Exp / Akk) *так заинтересовал, многими рассматривался вообще как академическая забава* [НКРЯ]. – б. *А третий доклад, которым* (Stim / Об_{твор}) *вы* (Exp / Nom) *так заинтересовались, многими рассматривался вообще как академическая забава.*

В конструкциях (23а) и (23б), (24а) и (24б), (25а) и (25б), (26а) и (26б), (27а) и (27б), наблюдается следующая смена семантических ролей:

Стимул *die Musik* (22а), *die Malerei* (23а), *dieser Artikel* (24а) *слон* (25а), *идея распространения Принципа дополнительности* (26а), *доклад* (27а) выраженные подлежащим в именительном падеже в становятся предложным дополнением в РК (22б), (23б), (24б), (25б), (26б), (27б). Смена есть и в НК у экспериенцера *ihn* (22а), *sie* (23а), *den Kunden* (24а), *меня* (25а), *ее* (26а), *вас* (27а) выраженными дополнением в винительном падеже, которое становится подлежащим *er* в РК (22б), *sie* в РК (23б), *der Kunde* в РК (24б), *я* в РК (25б), *он* в РК (26б), *вы* в РК (27б).

Семантической ситуации (22а) и (22б), (23а) и (23б), (24а) и (24б), (25а) и (25б), (26а) и (26б), (27а) и (27б) соответствует следующая модель: [Stim – V – Exp] → [Exp – V – Stim].

6. Анализ исследуемых НК и РК показал, что наиболее продуктивными моделями в немецком языке являются $[Caus_{снт} - V - Exp] \rightarrow [Exp - V - Caus_{снт}]$, $[El - V - Pt] \rightarrow [Pt - V - El]$ и $[Stim - V - Exp] \rightarrow [Exp - V - Stim]$, что объясняется высокой частотностью семантического типа «каузировать / вызывать у кого-л. отрицательные эмоции» (нем. – 26 ед., рус. – 18 ед.), где эмоции выступают в роли каузатора / ситуации ($Caus_{снт}$), семантического типа «явления природы» (нем. – 20 ед., рус. – 10 ед.), в которых стихия и природные явления выступают в роли элементатива, и семантического типа «изменение психо-физического состояния человека» (нем. – 20 ед., рус. – 10 ед.), где в качестве стимула выступают неодушевленные предметы.

В русском же языке более продуктивными, чем в немецком оказались следующие модели: $[Stim - V - Exp] \rightarrow [Exp - V - Stim]$ (рус. – 12 ед., нем. – 4 ед.), $[Caus_{снт} - V - Exp] \rightarrow [Exp - V - Caus_{снт}]$ (рус. – 26 ед., нем. – 12 ед.).

В свою очередь, наиболее частотными в немецком языке являются следующие семантические типы: тип «каузировать / вызывать у кого-л. отрицательные эмоции» (нем. – 26 ед., рус. – 18 ед.), тип «явления природы» (нем. – 20 ед., рус. – 10 ед.) и тип «изменение психо-физического состояния человека» (нем. – 20 ед., рус. – 10 ед.).

В русском же языке самую большую частотность проявляют семантические типы «быть привлекательным для кого-л.» (рус. – 12 ед., нем. – 4 ед.), «каузировать / вызывать у кого-л. положительные эмоции» (рус. – 26 ед., нем. – 12 ед.).

7. В ряде случаев невозможен перевод немецких РК на русский язык с РГ в спрягаемой форме, ср. примеры (8 б), (11 б), (17 б), (21 б). Некоторые из этих РГ могут быть использованы в переводе в форме пассива или результатива, ср.:

(6) 'Он был раздражён таким отношением к потреблению';

(7) 'Она была испугана этим представлением'.

Выводы

1. Рефлексивная конверсия проявляется в конвертируемости субъектно-объектных отношений в структуре исходной нерефлексивной и производной рефлексивной конструкции. Денотативное значение НК и РК сохраняется, изменяются способ осмысления и направление описания денотативной ситуации из перспективы одного участника в НК и другого в РК, а также синтаксическое оформление субъекта и объекта действия.

2. В немецком и русском языках выделяются одинаковые семантические типы РГ.

3. Высокую частотность проявляет семантический тип НГ и РГ со значением «каузировать / вызывать у кого-л. отрицательные эмоции» (нем. – 19,6%, рус. – 20,4%), Высокая частотность конверсивных рефлексивных глаголов данной ЛСГ объясняется тем,

что различные психо-эмоциональные состояния человека обычно вызываются (каузируются) определенными причинами, которые легко эксплицируются в синтаксической структуре конверсивных рефлексивных глаголов.

4. При сопоставлении обоих языков было обнаружено, что высокую продуктивность в немецком языке проявляют модели $[Caus_{\text{снт}} - V - Exp] \rightarrow [Exp - V - Caus_{\text{снт}}]$, $[El - V - Pt] \rightarrow [Pt - V - El]$ и $[Stim - V - Exp] \rightarrow [Exp - V - Stim]$.

В русском же языке более продуктивными, чем в немецком оказались следующие модели: $[Stim - V - Exp] \rightarrow [Exp - V - Stim]$, $[Caus_{\text{снт}} - V - Exp] \rightarrow [Exp - V - Caus_{\text{снт}}]$.

5. Производящие НГ конверсивных РГ в сопоставляемых языках являются переходными (транзитивными), преимущественно двухвалентными глаголами, сочетающимися с различными типами прямых дополнений, а именно: с одушевленным дополнением, с неодушевленным дополнением, одновременно с одушевленным и неодушевленным дополнениями.

6. В позициях подлежащего и дополнения в немецком и русском языках НК и РК в основном появляются имена, называющие:

- а) неодушевленные предметы, явления природы (ветер, шторм, туман, облака и т. д.);
- б) человек, его состояние;
- в) предметы, вещества, созданные человеком (артефакты);
- г) события, процессы.

7. В ряде случаев невозможен перевод немецких РК на русский язык с РГ в спрягаемой форме, некоторые из этих РГ переводятся в форме пассива или результата.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Апресян Ю. Д. Лексическая семантика. Синонимические средства языка. Москва: Наука, 1974. 367 с.
2. Апресян Ю. Д. Экспериментальное исследование семантики русского глагола. Москва: Наука, 1967. 251 с.
3. Басыров Ш. Р. Словообразование глаголов с рефлексивным комплексом в типологическом освещении. Донецк: Ноулидж, 2014. 562 с.
4. Генюшене Э. Ш. Рефлексивные глаголы в балтийских языках и типология рефлексивов. Вильнюс, 1983. 168 с.
5. Калиущенко В. Д. Немецкие отыменные глаголы: синхрония, диахрония, типология. Донецк: ДонНУ, 2019. 405 с. (Типологические, сопоставительные, диахронические исследования; Т. 19).
6. Мельчук И. А. Опыт теории лингвистических моделей «Смысл-текст». Москва: Школа «Языки русской культуры», 1999. I-XXII. 346 с.
7. Недялков В. П. Типология рецессивных конструкций: Рефлексивные конструкции // Диатезы и залого. Ленинград: Наука, 1975. С. 21-33.
8. Падучева Е. В. О семантике синтаксиса: Материалы к трансформационной грамматике русского языка. Москва: КомКнига, 2007. 296 с.

9. Писарева В. В. Собственно-рефлексивные и посессивно-рефлексивные глаголы в сопоставительном аспекте: дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.20. Донецк: ДонНУ, 2020. 201 с.
10. Растарасова Е. К. Семантические актанты конверсивных глагольных конструкций // Донецкие чтения 2023: образование, наука, инновации, культура и вызовы современности. Донецк: Изд-во ДонГУ, 2023. Т. 4: Филологические науки. Ч. 2. С. 55-61.
11. Теньер Л. Основы структурного синтаксиса. Москва: Прогресс, 1988. 653 с.
12. Тестелец Я. Г. Введение в общий синтаксис. Москва: Российск. гос. гуманит. ун-т, 2001. 800 с.
13. Чейф У. Л. Значение и структура языка. Москва: УРСС, 2003. 424 с.
14. Dryer M. S. Primary objects, secondary objects, and antitativity // *Language: Journal of the linguistic society of America*. Baltimore: Waverly Press, Inc., 1986. Vol. 62. P. 808-845.
15. Fillmore C. J. Indirect object constructions in English and the ordering of transformations. Mouton, 1965. 54 p.

СПИСОК ИЛЛЮСТРАТИВНОГО МАТЕРИАЛА

1. Национальный корпус русского языка. Доступ: <http://www.ruscorpora.ru/new>. (дата обращения: 08.09.2023).
2. DWDS: Digitales Wörterbuch der deutschen Sprache. Доступ: <https://www.dwds.de>. (дата обращения: 20.09.2023).
3. Duden Universalwörterbuch. Доступ: <https://www.duden.de>. (дата обращения: 08.09.2023).
4. Das Deutsche Referenzkorpus. Available at: <https://www1.ids-mannheim.de/kl/projekte/korpora>. (accessed: 17.09.2023). [DeReKo].

REFERENCES

1. Apresyan, Yu. D. (1974). *Leksicheskaya semantika. Sinonimicheskie sredstva yazyka* [Lexical semantics. Synonymous means of language]. Moskva: Nauka. (In Russ.).
2. Apresyan, Yu. D. (1967). *Eksperimentalnoe issledovanie semantiki russkogo glagola* [Experimental study of the semantics of the Russian verb]. Moskva: Nauka. (In Russ.).
3. Basyrov, Sh. R. (2014). *Slovoobrazovanie glagolov s refleksivnym kompleksom v tipologicheskom osveshchenii* [Word formation of verbs with a reflexive complex in typological light]. Donetsk: Noulidzh. (In Russ.).
4. Genyushene, Ye. Sh. (1983). *Refleksivnye glagoly v baltiyskikh yazykakh i tipologiya refleksivov* [Reflexive verbs in the Baltic languages and typology of reflexives]. Vilnyus. (In Russ.).
5. Kaliushhenko, V. D. (2019). *Nemetskie otymennye glagoly: sinkhroniya, diakhroniya, tipologiya* [German denominative verbs: synchrony, diachrony, typology]. Donetsk: DonNU. (Tipologicheskie, sopostavitelnye, diakhronicheskie issledovaniya; Vol. 19). (In Russ.).
6. Melchuk, I. A. (1999). *Opyt teoryi lingvisticheskikh modeley «Smysl-tekst»* [Experience of the theory of linguistic models «Meaning-text»]. Moskva: Shkola «Yazyki russkoy kultury». (In Russ.).
7. Nedyalkov, V. P. (1975). Tipologiya recessivnykh konstruktсий: Refleksivnye konstruktсий [Typology of recessive constructions: Reflexive constructions]. In *Diatezy i zalogi*. Leningrad: Nauka. Pp. 21-33. (In Russ.).
8. Paducheva, E. V. (2007). *O semantike sintaksisa: Materialy k transformatsionnoy grammatike russkogo yazyka* [On the semantics of syntax: Materials for the transformational grammar of the Russian language]. Moskva: KomKniga. (In Russ.).
9. Pisareva, V. V. (2020). *Sobstvenno-refleksivnye i posessivno-refleksivnye glagoly v sopostavitelnom aspekte* [Proper-reflexive and possessive-reflexive verbs in the comparative aspect]: diss. ... kand. filol. nauk: 10.02.20. Donetsk: DonNU. (In Russ.).

10. Rastarasova, E. K. (2023). Semanticheskie aktanty konversivnykh glagolnykh konstruksiy [Semantic actants of conversion verb constructions]. In *Donetskie chteniya 2023: obrazovanie, nauka, innovatsii, kultura i vyzovy sovremennosti*. Donetsk: Izd-vo DonGU. Vol. 4. Ch. 2. Pp. 55-61. (In Russ.).
11. Tenyer, L. (1988). *Osnovy strukturnogo sintaksisa* [Basics of structured syntax]. Moskva: Progress. (In Russ.).
12. Testeles, Ya. G. (2001). *Vvedenie v obshchiy sintaksis* [Introduction to General Syntax]. Moskva: Rossiysk. gos. gumanit. un-t. (In Russ.).
13. Chejf, U. L. (2003). *Znachenie i struktura yazyka* [Meaning and structure of language]. Moskva: URSS. (In Russ.).
14. Dryer, M. S. (1986). Primary objects, secondary objects, and antitativity. In *Language: Journal of the linguistic society of America*. Vol. 62. Pp. 808-845.
15. Fillmore, C. J. (1965). *Indirect object constructions in English and the ordering of transformations*. Mouton.

SOURCES OF ILLUSTRATIVE MATERIAL

1. *Natsionalnyy korpus russkogo yazyka* [Russian National Corpus]. Available at: <http://www.ruscorpora.ru/new>. (accessed: 08.09.2023). (In Russ.).
2. *DWDS: Digitales Wörterbuch der deutschen Sprache*. Available at: <https://www.dwds.de>. (accessed: 20.09.2023).
3. *Duden Universalwörterbuch*. Available at: <https://www.duden.de>. (accessed: 08.09.2023).
4. *Das Deutsche Referenzkorpus – DeReKo*. Available at: <https://www1.ids-mannheim.de/kl/projekte/korpora>. (accessed: 17.09.2023).

Растарасова Екатерина Константиновна – преподаватель кафедры германской филологии (e-mail: k.rastarasova@mail.ru), Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Донецкий государственный университет»
283001, Донецк, Университетская, 24

Rastarasova Yekaterina K. – Lecturer of Germanic Philology Department (e-mail: k.rastarasova@mail.ru), State Educational Institution of Higher Professional Education «Donetsk State University»
24 Universitetskaya, Donetsk, 283001

Поступила в редакцию 01 октября 2023 г.

**ПРАВИЛА ПРЕДСТАВЛЕНИЯ И ОФОРМЛЕНИЯ СТАТЕЙ,
НАПРАВЛЯЕМЫХ В РЕДАКЦИЮ НАУЧНОГО ЖУРНАЛА
«STUDIA GERMANICA, ROMANICA ET COMPARATISTICA»**

1. ОБЩИЕ ТРЕБОВАНИЯ К СОДЕРЖАНИЮ СТАТЕЙ

1.1. В журнале публикуются научные статьи по сравнительно-историческому, типологическому и сопоставительному языкознанию, германским, романским языкам и переводоведению.

1.2. Журнал печатает только оригинальные, ранее не опубликованные научные работы.

1.3. Языки издания – русский, английский, немецкий, французский, испанский. В предложенной к публикации научной статье автор должен обосновать актуальность темы, четко сформулировать цель и задачи исследования, привести научную аргументацию, обобщения и выводы, которые представляют интерес своей новизной, научностью и практическим значением. В статье должен быть представлен обзор новейшей научной литературы по рассматриваемой проблеме.

1.4. Рукописи, которые подготовлены без учета требований к их оформлению (см. ниже), не принимаются.

2. ОБЩИЕ ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ

2.1. Рукописи следует оформлять в формате .doc (Word 1997-2003) или .docx (Word 2007-2012).

2.2. Рекомендуемый объем представляемой к публикации статьи – 15000-25000 знаков с пробелами (8–12 страниц).

2.3. Параметры страницы: 210 x 297 мм (формат А4), ориентация книжная. Поля страницы: левое – 30 мм, верхнее – 20 мм, правое – 15 мм, нижнее – 25 мм. Шрифт обычный, Times New Roman. Размер шрифта: 12 пунктов в основном тексте, 10 пунктов в сносках. Междустрочный интервал: полуторный в основном тексте, в сносках – одинарный. Отступ абзаца составляет 10 мм. Следует четко дифференцировать тире (–) и дефис (-).

2.4. Текст рукописи следует подавать в виде единого файла.

3. СТРУКТУРА И ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ (см. пример ниже)

3.1. В левом верхнем углу печатают УДК нежирным прямым шрифтом (размер 12).

3.2. Инициалы и фамилия автора (авторов) печатают перед названием статьи жирным прямым шрифтом (размер 12).

3.3. Название статьи печатают прописными буквами, без абзаца, жирным прямым шрифтом (размер 14), межстрочный интервал одинарный, без автоматической расстановки переносов.

3.4. После названия статьи печатают аннотации (объем до 50 слов) и ключевые слова (не более 10 ключевых слов) на двух языках – русском и английском. Размер шрифта: 12 пунктов, курсив, через 1 интервал.

3.5. Текст статьи.

3.6. Список литературы (размер 12, через 1 интервал) (см. ниже пункт 6).

3.7. References (список литературы) (размер 12, через 1 интервал) (см. ниже пункт 7).

3.8. Сведения об авторе (размер 11, курсив, через 1 интервал).

Пример:

УДК

© 2016 Ш. Р. Басыров

**ФУТБОЛЬНАЯ РАЗГОВОРНАЯ ЛЕКСИКА
(НА МАТЕРИАЛЕ ГЛАГОЛОВ
НЕМЕЦКОГО РАЗГОВОРНОГО ЯЗЫКА)**

Статья посвящена изучению футбольной терминологии в современном немецком языке. Устанавливаются способы образования глаголов, выявляются словообразовательные средства, участвующие в их образовании, их активность, а также описывается семантика глагольных лексем в немецком разговорном языке. ...

Ключевые слова: разговорная лексика, способ образования, дериват, семантическая группа, семантика, субъект, коннотация, образность, метафоризация.

© 2016 Sh. R. Basyrov

**COLLOQUIAL FOOTBALL LEXIS
(BASED ON VERBS OF SPOKEN GERMAN)**

The paper deals with football terminology in the contemporary German language. The paper studies the structure and semantics of verbs in football lexis, reveals the ways of their formation, presents the semantic classification of these lexemes and describes their productivity. ...

Key words:

Текст статьи

.....

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1.
2.
3.

REFERENCES

1.
2.
3.

Басыров Шамиль Рафаилович – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры германской филологии (e-mail: schamraf@rambler.ru), Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Донецкий государственный университет» 283001, Донецк, Университетская, 24

Basyrov Shamil R. – Doctor of Philology, Professor of Germanic Philology Department (e-mail: schamraf@rambler.ru), Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «Donetsk State University» 24 Universitetskaya, Donetsk, 283001

4. ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ ГРАФИЧЕСКИХ ДАННЫХ

4.1. Рисунки, таблицы, схемы, графики и пр. должны быть обязательно пронумерованы, иметь источники и помещаться в печатном поле страницы (размер шрифта 12 пунктов, межстрочный интервал одинарный).

4.2. Рисунки, таблицы, схемы, графики и пр. в тексте помещают после абзаца, в котором на них ссылаются, или на следующей странице после ссылки.

Пример:

Таблица 1. *Количественная характеристика лексико-семантических групп оценочных абстрактных существительных в английском языке*

Лексико-семантическая группа	Количество единиц	Процентное соотношение	Пример
1. Состояние	355	44	<i>absence</i> ‘отсутствие’ – <i>the state of being away</i> ‘состояние нахождения не здесь’ <i>acrimony</i> ‘язвительность’ – <i>angry and bitter feelings or words</i> ‘злые и горькие чувства или слова’
2. Действие	123	15,2	<i>death</i> ‘смерть’ – <i>an act of dying or being killed</i> ‘акт смерти или убийства’ <i>destruction</i> ‘разрушение’ – <i>the action of destroying sth or of being destroyed</i> ‘действие уничтожения чего-либо или быть уничтоженным’

4.2. Примеры в текстах статей печатают курсивом (без выделения жирным), их перевод – в т. н. марровских кавычках: *coeur* ‘сердце’, *âme* ‘душа’.

4.3. В связи со сложностью издания графических материалов редакционная коллегия оставляет за собой право изъять их из текста.

5. ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ ВНУТРИТЕКСТОВЫХ ССЫЛОК И ПОДСТРОЧНЫХ СНОСОК

5.1. При оформлении внутритекстовых ссылок в квадратных скобках указывается фамилия автора/авторов (если ссылка идет на сборник статей, то указывается его полное название), год издания и, после двоеточия, номера страниц, если необходимо.

Пример:

«Чем популярнее вид спорта, тем ближе его лексика к общезыковой (Allgemeinsprache), а между лексикой какого-либо спорта и общезыковой происходит оживленный взаимообмен (regulärer Austausch)» [Vollmert-Spiesk, 1996: 2].

6. ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ СПИСКА ЛИТЕРАТУРЫ

6.1. Список нумеруют и группируют по алфавиту, в начале книги на кириллице, потом – на иностранных языках.

6.2. В список литературы включают только научные статьи, монографии и книги (не менее 12 наименований, из них половина – источники последних лет. Наличие иностранных источников обязательно).

6.3. Правила оформления ссылок на источники в списке литературы:

Тип библиографической ссылки	Пример оформления библиографической ссылки
<i>Монография, книга, раздел монографии</i>	<p>Басыров Ш. Р. Словообразование глаголов с рефлексивным комплексом в типологическом освещении. Донецк: Ноулидж, 2014. 562 с.</p> <p>Kaliuščenko V. D. Typologie denominaler Verben. Tübingen: Niemeyer, 2000. 253 S. (Linguistische Arbeiten. Bd. 419).</p> <p>Nedjalkov V. P. (ed.), Geniušienė E. Š., Guentchéva Z. Reciprocal Constructions // Typological Studies in Language. Vol. 71. Amsterdam / Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2007. Vol. 1-5. 2216 p.</p> <p>Бессонова О. Л. Процедуры анализа концептов при проведении сравнительно-типологических исследований // Лингвоконцептология: перспективные направления / под ред. А. Э. Левицкого, С. И. Потапенко. Луганск: Изд-во ГУ «ЛНУ имени Тараса Шевченко», 2013. С. 87-117.</p>
<i>Отдельный том многотомного издания</i>	<p>Черных П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка: в 2 т. М.: Русский язык, 2002. Т. 1. 622 с.</p> <p>Величковский Б. М. Когнитивная наука: Основы психологии познания: в 2 т. М.: Смысл: Издат. центр «Академия», 2006. Т. 2. 432 с.</p>
<i>Статья из сборника</i>	<p>Кремзикова С. Е. Коммуникативные ситуации в старофранцузском дискурсе // Древняя и Новая Романья. Лингвистическое наследие Ш. Балли в XXI веке: сб. науч. ст. / под ред. М. А. Марусенко. СПб., 2010. С. 40-46.</p> <p>Пименова Н. Б. К истории и типологии грамматикализации германского артикля: прагматические модели употребления протоартикля в готском языке // ACTA LINGUISTICA PETROPOLITANA. Труды Института лингвистических исследований. СПб.: Наука, 2014. Т. X. Ч. 1. С. 403-428.</p> <p>Iagupova L. Idiomatisierte Präfixsubstantive mit <i>ge-</i> im Mittelhochdeutschen // Semantik und Pragmatik im Spannungsfeld der germanistischen und kontrastiven Linguistik. Frankfurt/M. u.a.: Peter Lang, 2013. S. 183-193. (Donezk Studien zur Germanistik, kontrastiven und diachronen Linguistik. Bd. 1).</p>
<i>Журнальная статья</i>	<p>Ленец А. В., Алексеев А. В. История исследования лексических сокращений в германских языках // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета имени Н. А. Добролюбова. Нижний Новгород. 2014. № 28. С. 11-22.</p> <p>Петренко А. Д. Социофонетические аспекты языковой вариативности // Известия Южного федерального университета. 2014. № 4. С. 150-161.</p> <p>Atkinson D. Alignment and interaction in a sociocognitive approach in second language acquisition // The Modern Language Journal. 2007. Vol. 91. Pp. 169-188.</p>
<i>Интернет-ресурсы</i>	<p>Молчанова Г. Г. Коммуникативно-функциональная теория перевода как вид вариативной интерпретации действительности // Вестник Московского университета. Серия 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2015. № 3. С. 9-21. Доступ: http://www.ffl.msu.ru/research/vestnik/. (дата обращения: 22.02.2014).</p> <p>Canagarajah A. S. Multilingual Communication and Language Acquisition: New Research Directions // The Reading Matrix. January 2011. Vol. 11. N 1. 15 p. Available at: ww.readingmatrix.com/.../january_2011/canagarajah_wurr.pdf. (accessed: 26.02.2014).</p>
<i>Материал на CD или DVD</i>	<p>Henry O. Cabbages and Kings // English and American Literature / CD-ROM. P. 3. Digitale Bibliothek Band 59. Berlin, 2003. P. 75.</p>

7. ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ РАЗДЕЛА REFERENCES

7.1. Внутренняя структура списка публикаций полностью идентична списку литературы на русском, сначала издания на кириллице, потом – на иностранных языках.

7.2. За основу оформления ссылок взят стандарт Harvard (<http://www.citethisforme.com/harvard-referencing>).

7.3. Правила оформления ссылок на источники в References (для автоматической транслитерации рекомендуется пользоваться сайтом <http://translit.net>, стандарт BSI; настройка стандарта осуществляется в центральном меню, раздел «Варианты...»). Фамилии и имена иностранных авторов и русскоязычных авторов, печатавшихся в зарубежных изданиях, подавать в оригинальном написании (*например: Гринберг Дж. – Greenberg J., Чейф У. – Chafe W.*).

Тип библиографической ссылки	Пример оформления библиографической ссылки
<i>Монография, книга, раздел монографии</i>	<p>Basyrov, Sh. R. (2014). <i>Slovoobrazovanie glagolov s reflektivnym kompleksom v tipologicheskom osveshchenii</i> [Formation of verbs with a reflective complex in typological view]. Donetsk: Noulidzh. (In Russ.).</p> <p>Kaliuščenko, V. D. (2000). <i>Typologie denominaler Verben</i>. Tübingen: Niemeyer. (Linguistische Arbeiten. Bd. 419).</p> <p>Nedjalkov, V. P. (ed.), Geniušienė, E. Š., and Guentchéva, Z. (2007). Reciprocal Constructions. In M. Noonan (ed.) <i>Typological Studies in Language</i>. Vol. 71. Amsterdam / Philadelphia: John Benjamins Publishing Company. Vol. 1-5.</p> <p>Bessonova, O. L. (2013). Protsedury analiza kotseptov pri provedenii sravnitel'no-tipologicheskikh issledovaniy [Conceptual analysis procedures in comparative and typological studies]. In A. E. Levitsky, S. I. Potapenko (eds.) <i>Lingvokontseptologiya: perspektivnye napravleniya</i>. Lugansk: Izd-vo GU «LNU imeni Tarasa Shevchenko». Pp. 87-117. (In Russ.).</p>
<i>Отдельный том многотомного издания</i>	<p>Chernykh, P. Ja. (2002). <i>Istoriko-etimologicheskii slovar sovremennogo russkogo yazyka</i> [Historical Etymological Dictionary of the Modern Russian Language]. Moskva: Russkiy yazyk. Vol. 1. (In Russ.).</p> <p>Velichkovskiy, B. M. (2006). <i>Kognitivnaya nauka: Osnovy psihologii poznaniya</i> [Cognitive Science: Basics of psychology of cognition]. Moskva: Smysl: Izdatelskiy centr Akademiya. Vol. 2. (In Russ.).</p>
<i>Статья из сборника</i>	<p>Kremzikova, S. E. (2010). Kommunikativnye situatsii v starofrantsuzskom diskurse [Communicative situations in old French discourse]. In M. A. Marusenko (ed.) <i>Drevnyaya i Novaya Romaniya. Lingvisticheskoe nasledie Sh. Balli v XXI veke: sb. nauchn. st.</i> Sankt-Peterburg. Pp. 40-46. (In Russ.).</p> <p>Pimenova, N. B. (2014). K istorii i tipologii grammatikalizatsii germanskogo artiklya: pragmaticheskie modeli upotrebleniya protoartiklya v gostkom yazke [Towards the history and typology of the article grammaticalization in Old Germanic languages: pragmatic models of the use of proto-articles in the Gothic language]. In N. N. Kazanskiy (ed.) <i>ACTA LINGUISTICA PETROPOLITANA. Trudy Instituta lingvisticheskikh issledovaniy</i>. St. Peterburg: Nauka. Vol. X. P. 1. Pp. 403-428. (In Russ.).</p> <p>Iagupova, L. (2013). Idiomatisierte Präfixsubstantive mit ge- im Mittelhochdeutschen // <i>Semantik und Pragmatik im Spannungsfeld der germanistischen und kontrastiven Linguistik</i>. Frankfurt/M. u.a.: Peter Lang. S. 183-193. (Donezk Studien zur Germanistik, kontrastiven und diachronen Linguistik. Bd. 1).</p>
<i>Журнальная статья</i>	<p>Lenets, A. V., Alekseev, A. V. (2014). Istoriya issledovaniya leksicheskikh sokrashcheniyi v germanskikh yazykakh [History of the lexical abbreviations research in the Germanic languages]. In <i>Vestnik Nizhegorodskogo</i></p>

	<p><i>gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta imeni N. A. Dobrolyubova.</i> No 28. Pp. 11-22. (In Russ.).</p> <p>Petrenko, A. D. (2014). Sotsiofoneticheskie aspekty yazykovoy variativnosti [Socio-phonetic aspects of language variation]. In N. V. Izotova (ed.) <i>Izvestiya Yuzhnogo federalnogo universiteta.</i> No 4. Pp. 150-161. (In Russ.).</p> <p>Atkinson, D. (2007). Alignment and interaction in a sociocognitive approach in second language acquisition. In H. Byrnes (ed.) <i>The Modern Language Journal.</i> Vol. 91. Pp. 169-188.</p>
<i>Интернет-ресурсы</i>	<p>Molchanova, G. G. (2015). Kommunikativno-funktionalnaya teoriya perevoda kak vid variativnoy interpretatsii deistvitelnosti [Communicative functional theory of translation as a form of interpretation of reality]. In <i>Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 19. Lingvistika i mezhkulturnaya kommunikatsiya.</i> No 3. Pp. 9-21. Available at: http://www.ffl.msu.ru/research/vestnik/. (accessed: 22.02.2014). (In Russ.).</p> <p>Canagarajah, A. S. (2011). Multilingual Communication and Language Acquisition: New Research Directions. In <i>The Reading Matrix.</i> January 2011. Vol. 11. No 1. 15 p. Available at: www.readingmatrix.com/.../january_2011/canagarajah_wurr.pdf. (accessed: 26.02.2014).</p>
<i>Материал на CD или DVD</i>	<p>Henry, O. (2003) Cabbages and Kings. In <i>English and American Literature / CD-ROM.</i> P. 3. Digitale Bibliothek Band 59. Berlin. P. 75.</p>

8. СОПРОВОДИТЕЛЬНЫЕ ДОКУМЕНТЫ ДЛЯ ПУБЛИКАЦИИ

Для публикации статьи в научном журнале «STUDIA GERMANICA, ROMANICA ET COMPARATISTICA» автору необходимо предоставить следующую информацию (e-mail: zhurnal.sgrc@donnu.ru):

1. Статью (в электронном виде – название файла латинскими буквами фамилия автора, напр.: ivanov_statya.doc или ivanov_statya.docx).
2. Анкету (в электронном виде – название файла латинскими буквами фамилия автора, напр.: ivanov_anketa.doc или ivanov_anketa.docx).

АНКЕТА

	На русском языке	На английском языке
Фамилия, имя, отчество (полностью)		
Ученая степень, учёное звание (если имеются)		
Почетные звания (если имеются)		
Должность и структурное подразделение (полное название должности и структурного подразделения организации в именительном падеже)		
Организация, где работает или учится автор (полное название в именительном падеже, почтовый индекс, адрес – с официального сайта)		
	На русском языке	
Номера контактных телефонов автора и адрес электронной почты (личные или служебные)		
Специальность, которой соответствует содержание статьи и тема диссертации (для соискателей, аспирантов и докторантов)		

3. Отзыв научного руководителя для авторов без учёной степени (отзыв заверяется кадровой службой или ученым секретарем по основному месту работы и основной печатью организации).

9. О РЕЦЕНЗИРОВАНИИ

Все научные статьи подлежат обязательному независимому (внутреннему) рецензированию и научному редактированию. Организует независимое (внутреннее) рецензирование главный редактор, привлекая специалиста (доктора или кандидата наук), имеющего наиболее близкую к теме научную специализацию. Рецензент одновременно является научным редактором статьи.

Рецензии заверяются в порядке, установленном в учреждении, где работает рецензент. Рецензирование проводится конфиденциально.

Представленные статьи проходят **проверку в программе «Антиплагиат»**. Уникальность статьи не должна быть ниже 85%. В случае выявления в тексте плагиата статья отклоняется без права ее дальнейшей переработки или доработки.

Рецензент несет ответственность за содержание и качество рецензии. Рецензент может дать одну из трех итоговых рекомендаций:

1) **статья может быть рекомендована к печати** без исправлений или с незначительными исправлениями;

2) **статья требует повторного рецензирования**, поскольку содержит существенные недочеты, которые должны быть устранены автором;

3) **статья не рекомендуется к публикации**, поскольку не отвечает критериям, предъявляемым к научным статьям.

Статья, не рекомендованная рецензентом к публикации и отклоненная редколлегией, к повторному рассмотрению в прежнем виде не принимается. Она может быть вновь рассмотрена лишь в случае ее существенной переработки автором.

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

***STUDIA GERMANICA, ROMANICA
ET COMPARATISTICA***

Том 19 Выпуск 4 (62) 2023

Язык издания: русский, английский, немецкий и др.

Компьютерная верстка: О. А. Гринева.

С электронным вариантом научного журнала можно ознакомиться на сайте
ФГБОУ ВО «ДонГУ» (<http://donnu.ru/sgrc>).

Подписано в печать 29.12.2023 г.
Формат 60×84/8. Бумага офсетная.
Печать – цифровая. Усл.-печ. л. 18,25.
Тираж 100 экз. Заказ № 23дек156/2.

Донецкий государственный университет
283001, г. Донецк, ул. Университетская, 24.
Свидетельство о внесении субъекта
издательской деятельности в Государственный реестр
серия ДК № 1854 от 24.06.2004 г.